

Олег Ёлшин

ПЛАНЕТА – ВОЗМЕЗДИЕ... ПЛАНЕТА С КРАСИВЫМ НАЗВАНИЕМ...

ТЕЙА

РОМАН
КАТАСТРОФА

Олег Игоревич Ёлшин

Тейа

Текст предоставлен правообладателем

Тейа: 2010

ISBN 978-5-4241-0008-6

Аннотация

Что мешает человеку оставаться собой? Что мешает цивилизации этих странных особей не разрушать, а созидать, любить и просто жить?

Перемещения во времени и сцены апокалипсиса, динозавры и остров в океане прошлого, войны и катаклизмы, политика, снова войны и разрушение...

Может быть за этими сценами стоит нечто непостижимое и неизбежное, но пришло время о чем-то задуматься, посмотреть на себя и остальных со стороны и что-то понять. А времени остается совсем немного...

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	88
Часть 3	174
Часть 4	317

Олег Ёлшин

Тейа

...Великая Катастрофа не может быть отменена, но только отсрочена...

...Решения Человеческой воли самые неумолимые, они препятствуют любым изменениям Кармы нашей несчастной планеты...

...Вопрос лишь в том – сумеет ли наше человечество одуматься и сдержать свои недостойные инстинкты и тем уменьшить размеры грозного бедствия...

...Судьба планеты в руках ее обитателей.
(Е. И. Рерих)

Часть 1

1

Он шел по улице, глядел на проходящих мимо людей, на машины, проезжавшие по дороге, дома и пестрые вывески. Смотрел наверх, где между домами и проводами, свисающими со столбов рекламными растяжками, проглядывало небо и яркое солнце. Все куда-то торопились, не обращая на него внимания, а он шел и думал, что, наверное, пройдет совсем немного времени, и эти люди станут оборачиваться и узнавать его. Даже не это было главным... Оглядываясь по сторонам, словно прощаясь с этими людьми и городом, прежней жизнью, он шел навстречу новому и такому необычному для него самого...

Несколько лет назад ему на ум пришла какая-то фраза или мысль, всего несколько слов, и тогда он зачем-то их записал. Потом появился бессвязный сюжет, скорее не сюжет, а набросок, мимолетная фантазия, которая неожиданно возникла в сознании, обрела форму, и он снова записал ее. Потом этих мыслей, слов и страниц стало очень много. Они теснились в голове, возникали ниоткуда и просились на бумагу. Он не понимал, зачем делает это, но продолжал торопливо

записывать, словно боялся потерять что-то важное, по крупицам собирая то, что случайно обронил. Потом появились сюжеты, и уже толстые кипы бумаг, исписанные мелким почерком, заполняли его стол. Иногда казалось, что пишет под диктовку. Он писал и уже не делать этого не мог, остальное растворилось где-то во вчера, и теперь для него существовало только сегодня.

Однажды, остановившись, все перечитал и словно заглянул в зеркало. Увидел там какого-то другого человека, измученного гонкой за словом, мыслью и нетерпением с их помощью что-то сказать. Показал написанное друзьям, знакомым. Почти никто не стал читать. Он был уверен в этом. Просто жизнь стала совсем другой, люди перестали тратить время на такие пустяки и задумываться о чем-то еще. Если ты один, твое внимание заполнят шум телевизора, двигателя автомобиля, пылесоса, стиральной машины, кофеварки, звонки телефона и других приборов первой необходимости, а второй необходимости уже не существовало. Если ты не один – тем более...

Наконец, один из друзей ему позвонил. Тот был в восторге!

– Неужели это твое? ... Такое нужно печатать!..

Тогда и начался новый этап в его жизни.

Поначалу казалось – все просто. Отнести в редакцию – одну, вторую, третью... Потом наступила долгая пауза... За эти несколько месяцев он не написал ни строчки. Словно пере-

шел на другой уровень сознания, где люди только спят, едят и мечтают о деньгах. И пока он думал об этом, вторую, (ту самую, без которой уже не мог и не хотел) область его сознания, словно стерли. Он подивился. Никогда раньше не думал, что могут быть настолько несовместимые вещи, которые не укладываются в одной голове. Как же другие пишут и печатаются? Пока мучился этим вопросом, пришел из редакции первый ответ. Сначала он ничего не понял. Там было написано: «Простите, но это не наш формат». Потом еще и еще. Ответы сыпались на него, и тексты их были написаны словно под копирку. Он позвонил в одну из редакций и попросил объяснить значение этого нового для него понятия. Оказалось, что читать его никто не собирался, потому что рукопись должна иметь определенное количество символов – то есть букв, пробелов, запятых и так далее. А если у тебя их меньше или больше – это и есть «неформат»! Потрясающе! Значит многие его любимые и великие писатели – «неформат»!

– Они классики, – отвечали в редакции.

– Наверное, классиками и родились, – подумалось тогда.

И теперь он шел по улице и вспоминал. Солнце слепило глаза, равнодушные прохожие обгоняли его, мчась по своим делам. Эти люди, видимо, были тем самым «форматом», поскольку им было куда торопиться. А значит то, что они делали, имело смысл. Оказывается, буквы и их количество имеют значения больше, чем то, что за ними стоит. И тогда он

решил... Он очень хотел писать! Он уже не мыслил себя без этого! Поэтому просто решил делать это для себя и для того самого друга, который на мгновение остановился и прочитал не буквы, но слова, его книгу, до самого конца. А как иногда хочется, чтобы тебя услышали, и, может быть, даже поняли. Для этого и существуют друзья...

Так прошли два года с его первой неудачной попытки свои книги напечатать. За это время он написал еще много всего и уже привык к общению и с равнодушной бумагой, и самим собой. Бывали мгновения, когда он становился совершенно пустым, тогда терпеливо ждал, ходил по улицам, куда-то уезжал, снова ждал, пока, наконец, не набрасывал достаточно поленьев в топку фантазии, наполняя ее новыми образами и желаниями; и только тогда снова подходил к столу. Совершенно изменил свою жизнь, придавал мало значения прошлым делам, работе, но стоило освободиться, трепетно брался за дело. Зато теперь у него в жизни было все. Он мог написать для себя и любовь, и богатство, которое мало интересовало, славу, которая лишь пугала и совершенно была не нужна, написать о далеких странах, где никогда не бывал, да и вряд ли уже придется... Об островах... Нет, об острове, который так манил своей неизвестной, таинственной далью. Теперь тот был перед его глазами, был плодом его усталой фантазии, рядом и наяву...

Раздавшийся телефонный звонок стал для него потрясе-

нием. Он давно оставил надежду издать свои книги, поэтому этот голос его ошеломил. Звонок был как будто с другой планеты. Незнакомец предлагал зайти к ним редакцию и принести все работы. На вопрос, не смущает ли их количество символов, на другом конце трубки ответили: «Вы принесите не символы, а ваши рукописи и не слушайте жадных дураков».

И вот он шел по городу, приближаясь к заветному месту, к той заветной двери, за которой находились люди, которые ждали его.

Подойдя к крыльцу какого-то дома, взглянул на вывеску, сверив название с адресом на бумаге в его руке.

– Издательство «Остров», – прочитал он.

Остановился и на мгновение замер в этой городской суете, переведя дух и не решаясь войти. Перехватил папку с рукописями, внимательно на нее посмотрев. И снова по сторонам. Увидел бездомную собаку. Та стояла и потерянными глазами на него смотрела, а он на нее.

– Иди сюда... Ну, не бойся, – неожиданно заговорил он. Собака подошла и с опаской замерла. Помахала хвостом. Он наклонился и потрепал ее по спине.

– Все хорошо?... Все будет хорошо, – уговаривал он ее а, может быть, и себя тоже. На прощанье погладил еще, встал и вошел в подъезд. Долго брел по длинному коридору, пока не нашел нужную дверь, а вокруг только глухой стук торопливых шагов...

– Господин Юрий Нестеров? – с улыбкой встретил дружелюбный мужчина, пожимая ему руку и приглашая к столу. Сердце заколотилось в бешеном ритме и попросилось наружу.

– Интересно, как нужно вести себя в подобных местах? – только и успел подумать он. Внезапно яркая вспышка света больно ударила по глазам, а в сознании промелькнуло:

– Это конец. Инсульт или что там бывает еще...

2

Она сидела уже целый час в парикмахерской, с нетерпением поглядывая на часы, но ничего поделать не могла. А вокруг только шелест фенов, лязг ножниц, болтовня парикмахеров, шум города за открытым окном...

– ...он мне сказал, что я стала толстая, – голос ее мастера непрерывным потоком зудел над головой.

– А я ему ответила, что ради него не собираюсь загнуться от анорексии... И вообще, кто ты такой? Ну, кто ты такой? Посмотри на себя! Если ты принц, где твой конь? Белый конь!.. Или хотя бы кобыла. Твой несчастный Пежо скоро рассыплется, и ты станешь не принцем, а лакеем. Пешеходом! А вокруг столько красивых тачек и красивых мужиков. И он еще смеет мне такое говорить!..

Она снова посмотрела на часы, висящие на стене:

– Мадлен, можно побыстрее?

– Нельзя!

– Мадлен!!!

– Валери! Ты куда идешь?... К своему боссу!.. Ты несешь свой новый кремчик. Кстати, так и не дала мне его попробовать... Босс должен остаться тобой доволен!.. Вот, сиди и молчи, пока я из тебя не сделаю конфетку...

– Да уж, конфетку, – и она снова посмотрела на часы...

Сегодня был, пожалуй, главный день в ее жизни – она записалась на прием к руководству, и пойти без прически и нового костюма было невысказано. Одно дело каждый день серой мышкой приходить в комнату ее сектора, где находились еще несколько лаборанток и подопытных крыс, которым было наплевать, как она выглядит, но совсем другое – принести свое исследование туда, наверх!

Последнее время ей было не до себя, вернее, своей внешности. Она вела небольшую тему в огромной корпорации, занимавшейся производством медицинских препаратов, и все шло размеренно и привычно. Но так было до недавнего времени. Однажды, сделав инъекцию мышке, она заметила, что та стала сильнее и крепче, словно заново родилась. Сделав анализы, она поняла, что всего за неделю ее подопытная словно сбросила с себя старое тело, абсолютно его обновив. Каждая клеточка была как у новорожденной. Та получила практически новое тело. Она не поверила и повторила опыт на других питомцах – результат был таким же. Целая стайка новорожденных мышей со здоровыми рефлексамии, словно

они только что появились на свет! Чудеса? Случайность?

В ее задачу входила работа над новым кремом для омолаживания кожи лица и рук... Пустяки. Небольшие ароматические добавки к привычным продуктам и новое название. А тут такое! Обновление клеток организма! Вторая молодость! Вот и повод появиться в святая-святых у руководства корпорации...

Выходя из парикмахерской и не узнавая себя в зеркале, подумала, что так даже лучше. Ей было около тридцати. Одного мужа она бросила, второй сам сбежал, и в последнее время только крысы составляли ей компанию, да и то, пока не издыхали. Хотя, какая теперь разница – похожа ли она на себя вчерашнюю, когда сегодняшняя встреча может перевернуть всю ее жизнь...

Так думала она, летя навстречу судьбе. Потом мчалась по улице, махнула рукой, остановив такси, на ходу в него заскочила. Неслась через проходную огромного современного здания по длинным коридорам. Лихорадочно тыкала кнопки лифтов на первом этаже. Наконец, забежала в один из них. Следом успел войти какой-то мужчина, и двери закрылись. Он, не отрываясь, смотрел на нее. Наконец, она не выдержала и, исподлобья на него взглянув, строго спросила:

– Что?

– Миссис, Валери Сандрин? – услышала она приятный низкий голос.

– Да, – удивленно посмотрела она на незнакомца.

– Вы направляетесь в правление? – снова спросил он, улыбнувшись.

– Да, – еще больше удивилась она.

– Я провожу вас, – галантно произнес мужчина, и она не нашла, что возразить. Даже если бы хотела, не смогла бы. Яркая вспышка в глазах, какие-то обрывки в угасающем сознании... Лифт... Мужчина... Море... Небо... Все...

3

Он заметно волновался. Еще час, может быть, два этих скучных выкладок и презентаций, и наступит его очередь. Конференция шла своим неторопливым чередом, строго соблюдался регламент и правила, усыпляя цифрами и пустыми словами.

– Какая разница, на сколько повысится КПД работы двигателя при сгорании топлива? На полпроцента, на процент, когда можно перевернуть эту отрасль? Перевернуть весь мир! – думал он.

– Дайте мне рычаг! – вспомнил он, – и я переверну весь мир.

Теперь этот рычаг был у него.

История почти детективная. Сидя, далеко в Москве, в своем НИИ, он тоже скучно добивался этих процентов, лишь на досуге продолжая мечтать...

Когда-то в детстве его потрясла лекция одного физика. Он рассказывал о великом Тесла. О том, как тот смог приручить шаровую молнию и провел опыты в лаборатории. По неизвестной причине все данные были утеряны. А потом долгие годы затишья, и уже никто не смог повторить подобного. Целое столетие! Человек полетел в космос, научился управлять энергией атома, а эта фотонная энергия так и оставалась загадкой. Тогда он и решил, чем будет заниматься в будущем... И еще одно событие долгие годы не давало покоя... Знаковое событие, как ему казалось! Событие, которое оставило след на всю его жизнь. Когда-то на даче, (он был еще совсем маленьким) его днем уложили спать, и произошло необъяснимое. Шла гроза, был сильный ливень и в доме закрыли окна, но стоило всему закончиться, мама открыла форточку над его кроватью. Тогда и произошло чудо. Во дворе за окном светило яркое солнце, и только мокрая листва напоминала о недавно прошедшей грозе. Он безмятежно спал, и вдруг маленький огненный шарик влетел в открытую форточку, зависнув прямо над ним. Остановившись над его кроватью и осмотревшись по сторонам, он как будто принимал решение. Какое-то время висел так и молчаливо наблюдал за ребенком и остальными. Почему молчаливо? Потому что он был как живой, оставалось подать голос или звук, какой-нибудь сигнал... Взрослые были рядом и замерли в оцепенении. Все было похоже на гипноз. Потом шарик круглой молнии, пролетев немного, упал у порога и исчез навсегда. Он истратил

всю свою энергию...

Когда он проснулся, родители рассказали об этом. Потом, все свое детство, приезжая на дачу и заходя в комнату, переступая через выжженное пятно на пороге, он вспоминал об этом событии и, глядя на черный круглый след, думал, что это знак судьбы. Казалось, с тех самых пор он был связан с этим маленьким огненным чудом.

И теперь, спустя много лет, создав совсем небольшой аппарат, он смог с его помощью управлять этой неведомой силой. Он создал источник энергии, во много крат превышающий по мощности все известные ранее. Теперь можно построить двигатель, который будет потреблять любое топливо, например, воду или воздух, выделяя абсолютно эффективный вид энергии без загрязнений атмосферы и выхлопов газа. Фотонный двигатель! Руководитель был в восторге и понес изобретение наверх... Дальше начали происходить странные вещи.

– Ты понимаешь, – сказал тот, вернувшись, – это не наша тема и не наша проблема. Да и вряд ли ты добьешься стабильной работы такого двигателя, – извиняясь, добавил он. – Кроме того, это опасная штука. Случись что, нам перекроют кислород, прекратят финансирование, так что, давай немного подождем.

– Сколько? – нетерпеливо перебил он шефа.

– Не знаю, – тот помялся. – Лет пять, может быть, десять, а там посмотрим...

Он ушел с работы. Начал предлагать свое изобретение другим, вполне уважаемым институтам, но первое восторженное впечатление всегда сменялось отказом. Оказывается, проще создать нечто новое, чем найти этому применение и признание. Он стал безработным, потому что больше не мог выполнять бессмысленные обязанности, продолжая бороться за жизнь своего детища. А на вопрос, кого он представляет, не знал, что ответить, и многие уже косо смотрели в его сторону, когда он появлялся на пороге их учреждений. Тогда и вспомнил о своем друге, который давно преподавал в одном европейском университете. Реакция была мгновенной. Прочитав работу, тот понял, что это открытие века, и нашел возможность записать его выступление на конференции, где теперь он и находился.

– Только какую фирму ты будешь представлять? – спросил друг напоследок.

– Свою страну! – ответил он.

– Нобелевской премии тебе! – пожелал на прощанье друг.

– Так на сколько процентов вы повысите свой КПД, господа? – думал он, дожидаясь своей очереди. От волнения и жары начала болеть голова.

– Нужно выпить глоток кофе, – подумал он и вышел в фойе.

Он крутил в руках чашечку с ароматным напитком и ду-

мал, какими словами разбудить сонную аудиторию. К нему подошел какой-то мужчина:

– Мистер Леонид Громов?

– Мы знакомы? – удивился он.

– Читал вашу заявку на сегодняшнее выступление, – ответил тот, не представляясь. – Жду с нетерпением! Это бомба!

Он успел допить кофе, подумав, что первый единомышленник у него уже есть. Странно, как долго там у себя дома он обивал пороги, а здесь первый встречный ждет его выступления. И снова с интересом посмотрел на иностранца. Успел лишь это. В следующее мгновение перед глазами мелькнула яркая вспышка, и он потерял пространство, время и самого себя...

4

Нестеров проснулся и, вспомнив все, подскочил на кровати. Солнце слепило глаза и как будто ничего не случилось. Он был жив, по-видимому, здоров. Только тот солнечный день остался где-то вчера, и, судя по дате на его часах, наступило новое и такое необычное сегодня... Огляделся. Рукописи в пакете лежали рядом на тумбочке.

– Слава Богу, хотя бы их не потерял, – подумал он. – Хотя бы их, – потому что себя он не находил в памяти и, где был этой ночью и вчерашним вечером, совершенно не помнил. Комната напоминала гостиничный номер, огромное во

всю стену окно пропускало ослепительный свет восходящего солнца, а вставало оно из бесконечного моря, переливаясь в серебряных лучах удивительного рассвета. Подошел к окну: только бескрайнее море и солнце, а наверху незнакомое небо. Он в пижаме, в незнакомой комнате, на самом краю этой водной стихии. Отшатнувшись, прошелся по комнате. В таких апартаментах раньше никогда не бывал. Это была не больничная палата, а скорее, шикарный номер в отеле – обстановка удивляла необычностью и роскошью.

– Как на другой планете или в другой жизни, – подумал он.

И только яркое солнце напоминало о вчерашнем дне. Костюм, в котором вчера он отправился в издательство, аккуратно висел в шкафу. Быстро одевшись, он решил отсюда выбраться.

– По всем законам жанра дверь должна быть заперта, – подумал он. Посреди большого стола неожиданно увидел конверт с надписью:

Приглашение.

Господину Юрию Нестерову.

Раскрыв его, прочитал:

–

Уважаемый, Юрий. Приглашаем Вас на презентацию, которая состоится сегодня в 16.00 в амфитеатре летнего театра. А пока желаем провести

хорошо время и чувствовать себя, как дома.

Ваши поклонники и друзья.

—

— Чья-то шутка, дурацкий розыгрыш! — подумал он. Письмо ничего не объясняло, и тогда он попытался выйти. Дверь легко поддавалась, он прошел в просторный коридор и, обернувшись, с удивлением обнаружил на ней табличку: **ЮРИЙ НЕСТЕРОВ**. В конце коридора открывался большой холл с лифтами, где за маленьким столиком сидела девушка в форменной одежде. Не раздумывая, он кинулся к ней.

— Простите! — только успел произнести он.

— Господин Нестеров! — воскликнула она, вставая. — Добро пожаловать. Как спалось? Понравились ли вам апартаменты? Мы рады приветствовать такого почетного гостя в нашем отеле...

Она говорила без остановки на плохом русском, с ужасным акцентом, и ему не удавалось вставить ни слова. Ее шоколадная кожа выдавала южное происхождение, а манеры соответствовали всему сверкающему вокруг чистотой и изяществом.

— Вам завтрак подать в номер или желаете пройти в ресторан на веранду?

— На веранду? — переспросил он и запнулся...

— Конечно! В ресторане очень уютно, вам понравится! — с ослепительной улыбкой перебила она. Потом объяснила, как

туда можно пройти и пожелала хорошего дня. На остальные вопросы девушка отвечала невнятно, и Юрий подумал, что она не совсем его понимает.

Ресторан был шикарным. Он совсем не походил на замызганную столовую в больнице, а, может быть, в сумасшедшем доме, куда его могли поместить после приступа, да и девушка на этаже не была похожа на сиделку. Скорее, он находился в элитном местечке для богатых туристов, с видом на море и широким пляжем, которое он мог видеть раньше лишь на экране телевизора или во сне.

– Сон! Летаргический сон? Кома? – подумал он, чувствуя себя в полуобморочном состоянии. Голова начинала кружиться, он не вполне отдавал себе отчет... Тем временем к нему подошел красавец африканской внешности. Тот словно сошел с картинки времен гладиаторов, только белая рубашка и черная форма придавали ему облик официанта. В его руке было меню на русском, и он помог выбрать еду. Русского языка тот не знал, поэтому пришлось отложить расспросы на будущее.

Юрий осмотрелся. Это была большая веранда высокого здания, где он сегодня проснулся. Крепко цепляясь за скалу, оно нависало над водой, поэтому из окон, кроме моря, ничего не было видно. Быстро съев завтрак, Юрий поспешил на улицу. С удивлением вспомнил, что не заплатил. Да и цен в меню не было, впрочем, и денег в его карманах тоже, раз-

ве что на пачку сигарет и на две поездки в метро. Но метро здесь, по-видимому, не было, а какие тут ходили деньги, он не знал. И теперь он шел по широкой набережной, где начинали появляться люди. Сколько было времени, какой это был часовой пояс, где он находился? Понять было невозможно, что с ним произошло. Масса вопросов, а спросить некого. Он шел, робко озираясь по сторонам. Повсюду высокие отели, небольшие уютные пляжи, заставленные лежаками и зонтиками, узенькие каменные дорожки. По ним ездили крошечные машинки, они были не больше велосипеда. Ресторанчики, магазины с непонятными вывесками... Такие же авто десятками стояли у каждого отеля, как тележки у супермаркетов. Все они были одинаковые, люди в них садились и медленно передвигались.

– Наверное, напрокат, – подумал он, подойдя ближе. Какой-то служащий, заметив его интерес, выкатил перед ним такой же игрушечный автомобиль и открыл дверцу, приглашая занять место водителя. Он оседлал этот транспорт, за ним захлопнули дверцу, и можно было трогаться с места. Две педали и руль, все просто. Совсем как детские, вспомнил он и нажал на правую педаль.

– Детство! Он впал в детство! Он сходит с ума! – неожиданно подумал он. В последнее время много работал и теперь его воспаленное воображение рисует в сознании невероятные картины.

– Дописался? Писатель!

А голова продолжала кружиться то ли от волшебного морского воздуха, то ли от всего увиденного. Врезался в бортик дороги. От неожиданного удара мгновенно пришел в себя. Хотя, где был сейчас этот он «сам», понять было трудно. Резиновый борт мягко, вежливо его оттолкнул, и он покатил дальше, а служащий вежливо улыбнулся, помахав на прощанье рукой. Безумие продолжалось.

Он давно не садился за руль и теперь начинал учиться заново. Иногда неуклюже врезался в край дороги, тогда машина сама, замедляя ход, давала возможность изменить направление. Иногда слегка задевал другие машины, те отскакивали в сторону, люди, сидящие в них, смеялись, приветливо махали руками. Не выскакивали из кабин, не переворачивали его автомобиль, страшно при этом бранясь, а улыбались, словно малые дети. Все напоминало аттракцион...

Наконец, он справился с аппаратом, начиная получать удовольствие. Дорога шла вдоль набережной, иногда ее пересекали трассы, уходящие вглубь материка. Он решил ехать вдоль моря и теперь осматривался. По одной стороне ему не давала заблудиться набережная, по другой гладкая равнина, засаженная странными деревьями. Равнина поднималась под небольшим уклоном, заканчиваясь вдалеке, геометрически правильной формы, горой – круглым конусом.

– Наверное, в прошлом вулкан, – подумал он. Растения были незнакомые, напоминали папоротник, только гигант-

ских размеров. Повсюду пальмы, с которых свисали неизвестные плоды. Словом, тропическое место. Скорость была небольшой, и он успевал следить за дорогой, осматриваясь по сторонам.

И вдруг удивительное ощущение всплыло в памяти. Он уже видел это раньше. Нет, не видел, но, вспоминая фантазии, изложенные на бумаге в одной из последних книг, когда-то он собственной рукой описал подобное место: только там был не материк, а остров, на котором росли такие же странные растения, и еще эта гора... Она была абсолютной копией той далекой фантазии.

– Он находится в плену диких фантазий?! Он попал из редакции на страницы своей книги! Он сошел с ума!

Так ехал минут сорок, размышляя, пока его внимание не привлек высокий отель на небольшой скале.

– Похож на тот, где он сегодня проснулся, – подумал он. Дальше тоже стояли знакомые отели – он видел их сегодня. А вот и служащий, совсем как тот, который предложил ему машину.

– Просто близнец, – подумал он. Тот на него посмотрел, заулыбался и помахал рукой, как старому знакомому...

– Стоп... Это и есть остров! Он объехал его кругом. Он на острове, где-то в тропиках!..

Остановившись, отдал машину и медленными неуверенными шагами поплелся к морю.

– Тропический остров, – думал он, оглядываясь по сторо-

нам, – острая гора-конус в самом его центре. Точно такой он когда-то придумал и описал. Если на него посмотреть сверху, тот напоминал большую шляпу с широкими полями и высоким серым колпаком-вулканом.

– Слишком реален этот мир! Не нарисован, не придуман, а люди вокруг, они настоящие, живые. Нет, это не галлюцинации воспаленного мозга. Тогда что?... Параллельный мир! Когда-то он читал об этом. Верить ли в подобную чушь? Но чушь казалась абсолютно реальной, ее можно было увидеть, потрогать руками, осязать. Еда в ресторане тоже была настоящей, улыбки людей, море, солнце... Все это не паранойя, не бред, а настоящий, кем-то придуманный мир, и теперь оставалось понять, какое он имеет к нему отношение и как сюда попал.

От такой мысли стало легче, и он уже спокойно продолжил рассуждать:

– Что мы имеем? Остров, отель, на двери табличка с его именем. Его здесь знают и ждали. Значит, будет всему какое-то объяснение. В 16.00 – вспомнил он о приглашении – будет то объяснение, которое расставит все по своим местам. Оставалось ждать.

Море было теплым и ласково плескалось у его ног. Юрий сидел в костюме и смотрел, как люди загорают, купаются. Подошел человек в одежде спасателя, сначала заговорил на английском, потом знаками пригласил за собой; провел его в помещение, где висели и лежали, упакованные в новые паке-

ты, вещи для пляжа, одежда, всякие мелочи, даже акваланги и гидрокостюмы. Юрий хотел было уйти, он не мог объяснить, что у него нет денег, но, услышав знакомое «free», догадался, что все бесплатно.

– Здесь все бесплатно! – удивился он. А ведь в приглашении написали: «чувствуйте себя как дома». Вот он и будет «как дома», а там посмотрим. Он выбрал плавки, переоделся, занял место на пустом лежаке и уставился на незнакомое море...

Очнулся от шума, который привлек его внимание. Мужчина лет сорока, почему-то одетый в костюм (на улице было около 30), ругался с официантом в ближайшем баре. Говорили они по-английски, и Юрий, не понимая ни слова, но был удивлен видом этого господина. Тот был в костюме, но почему-то не шел переодеваться. Эти двое о чем-то пару минут спорили, наконец, этот господин прямо в ботинках и костюме уселся рядом с ним на свободный лежак.

– Черт те что! – проворчал он.

– Вот! Еще одна русская душа! – обрадовался Юрий знакомой речи. – Если русский ругается, значит, ты почти дома. Сейчас ничего роднее этих чертыханий он не мог себе представить. И, не раздумывая, он кинулся к человеку в костюме.

– Юрий, – протянул он руку.

Человек в костюме от неожиданности подпрыгнул:

– Черт... Может, хоть вы мне объясните, что здесь проис-

ходит?

Диалог занял немного времени, пока оба не поняли, что попали сюда одинаковым и очень странным образом.

– Леонид. Извини, не представился сразу, – произнес тот и в сердцах добавил: – И ведь ни одна сволочь не объяснит, где мы находимся!

– Остается ждать 16.00, – произнес Юрий и повел его переодеться в пляжный магазин, где все было «free». Шел и по дороге соображал:

– Значит, спятил я не окончательно. А если и сошел с ума, то не один, а в компании этого Леонида. Хотя, парень совсем не напоминает идиота.

И от этой мысли стало легче, оставалось ждать несколько часов. Кстати о времени. И обнаружил часы, висевшие на здании ресторана. Стрелки показывали 11.00, время отличалось от московского на 8 часов.

– 11.00. Какого дня? – подумал он. – Наверное, этого же. Но уже казалось, что время это было совсем другим, другим было небо и солнце, и все вокруг казалось таким необычным...

5

Они без труда нашли место, где находился летний театр. Несколько часов они бродили по острову, исследуя его. Повсюду были развешены планы местности, остров напоминал

парк развлечений. А люди уже занимали места в просторном амфитеатре, построенном в стиле римских времен. И снова писателя не оставляла мысль, что он уже видел многих из этих людей раньше. Где, когда, он не помнил, но видел точно. Небольшая арена была превращена в сцену с микрофонами, когда все уселись, появилась красивая женщина и объявила программу. Потом выходили исполнители и выступали. Аккомпанировал небольшой оркестр, публика неистовыми аплодисментами встречала каждого. И вдруг эти двое поняли почему.

– Я этого мужика знаю, – прошептал Леонид. – Я видел его! Точно видел!

– Еще бы, – выпучив глаза, подтвердил его догадку Юрий. – Это великий бас, билеты на его концерты продаются за несколько месяцев вперед, а то и за год!

– И эта женщина мне знакома! – продолжал Леонид. Юрий был удивлен не меньше:

– Это же оперная прима Ла Скала, – ошарашено пробормотал он. Дальше они все пристальнее всматривались в лица людей. Уже не глядя на сцену, можно было узнать некоторых особ в рядах амфитеатра. И от осознания своего открытия эти двое начинали медленно сходить с ума. Теперь так им казалось обоим... Во всяком случае, такое не укладывалось в голове. Юрию снова стало дурно, но он, не отрываясь, смотрел на сцену, раскрыв рот. В фантастических нарядах здесь сидели принцы и принцессы, лауреаты всяческих пре-

мий, великие актеры. Может быть, не настолько великие, но, известные и знаменитые на весь мир! И все эти люди почему-то находились рядом, до них можно было дотянуться рукой, дотронуться, увидеть воочию! Писатели и художники, ученые и дипломаты, примы и премьеры...

– Президент, – воскликнул Леонид. – Это президент какой-то страны. Я знаю это точно!

– А посмотри, кто с ним рядом! – прошептал Юрий, осторожно показывая пальцем на всем знакомую личность. Многие каналы телевидения часто демонстрируют это лицо. Леонид воскликнул:

– Нужно сообщить полиции, это террорист номер...

Юрий, не смея произнести его имя вслух, вытирал платком лицо.

– А полиции в этой стране, по-видимому, нет, – пробормотал он. – За весь день ни одного человека в форме мы не встретили!

– Что здесь происходит? – вскричал Леонид, – какой-то маскарад!

– Нужно ждать, а там посмотрим, – попытался успокоить его писатель. А люди все продолжали заполнять амфитеатр. Он был похож на мировой фестиваль, только не понятно чего. Здесь находились совершенно несовместимые по роду занятий персоны. Иначе и не назовешь. Каждая личность – лицо с обложки или передачи по телевидению. Только передачи эти были настолько разные, начиная с хроники королев-

ских дворов и кончая хроникой криминальной... Что могло объединить всех этих людей здесь, было непонятно. Поражало другое – сегодня они загорали с ними рядом на пляже. Юрий толкал их машиной на дороге, они ели в одних ресторанах, ходили по одним улицам, когда в той жизни, казалось, жили с ними даже под разным небом... И что удивляло больше всего – никакой охраны, особенных представлений – сидят они себе на пластиковых стульчиках, болтают друг с другом и хлопают в ладоши...

И тут гром аплодисментов пронесся над амфитеатром, стая диковинных птиц, испуганных грохотом, вспорхнула с ближайших деревьев высоко в небо и, казалось, весь остров был разбужен восторгом. Публика замерла, а глаза зрителей магическим образом устремились в одну точку. Люди оцепенели и как под гипнозом следили за происходящим. Это был массовый психоз. Это было невероятным, в то же время, совершенно реальным, насколько может быть реальным сошествие Ангела с небес.

На сцене появился человек в черном костюме. Он скромно подошел к микрофону, взял его в руку, хотел, было, отбросить в сторону мешающий провод. Но провода не оказалось, и тот немного удивился. Потом человек встал в немыслимую позу, всем телом изогнулся, расставил широко ноги и запел... Зал всколыхнулся, вздохнув в оцепенении от знакомой мелодии, от исполнителя, которого многие из этих почтенных господ помнили еще из далекого детства. Он пел,

и далекая эпоха раскрывала свои годы, врата, а из времени этого вышел ОН. Настоящий, живой, совсем еще молодой. Идол тех времен далеких, когда многое только начиналось, и не было еще таких микрофонов, а люди пели без фонограммы, по-настоящему. Этим двум русским казалось, что они сошли с ума и, прикованные к сиденьям, как под гипнозом, не могли оторваться от зрелища. Представлять им этого человека было не нужно. Песня окончилась, и зал встал. Стояли принцы и президенты, сильные и великие мира сего. И, казалось, весь остров встал, сняв шляпу свою, поклоняясь ему... Королю...

6

После небольшого перерыва зрители снова заняли места, ожидая продолжения, а наши двое сидели и безвольно молчали. После всего увиденного они были раздавлены, хотелось спрятаться, сбежать, стать невидимыми. Уже не интересовали собственные персоны, потому что все их проблемы и они сами были в обществе этом настолько ничтожны, что не поднять головы.

Тем временем на сцену вышел человек во фраке, который поздравил кого-то с выдающимся изобретением.

– ... мисс Валери Сандрин, – уже заканчивал он свою речь. – Она подарила нам счастье вечной жизни и бессмертия. Долгие годы человек искал панацею от всевозможных

болезней, от чумы и рака, старости и увядания, и, наконец, прорыв. Эта молодая красивая женщина сегодня наша героиня! Премия мира свободного острова свободных граждан вручается мисс Валери Сандрин!

Зал начал аплодировать, какая-то женщина спустилась с трибуны и взяла премию из рук ведущего. Она ничего не говорила и была чем-то озадачена. Прическа сбивалась на ветру, и она постоянно ее поправляла. Наконец, ведущий пошутил насчет того, что она свободна и подмигнул залу:

– У кого-то из присутствующих есть шанс...

Женщина его юмор не оценила и рассеянно вернулась в зал.

Когда Леонид услышал свое имя, подумал, что ошибся. Не аплодируют великие мира сего таким, как он, даже редко о них вспоминают. А идея его была пока лишь на бумаге. Ни достойной установки, ни серьезных испытаний.

– Леонид Громов! Наш номинант на премию мира! – продолжал ведущий. – Это бомба! Нет, господа, не бомба – это рывок в будущее, чистая от загрязнений планета, дешевая энергия и полет в неизвестность! Полет к звездам и далеким галактикам. Теперь можно помечтать о многом, имея такую идею генератора фотонной энергии...

Леонид молча спустился, взял из рук ведущего какую-то грамоту и скромно вернулся на место.

– И последнюю на сегодня премию, – продолжал человек во фраке, – мы вручаем еще одному русскому. Сегодня рус-

ский день, господа! Мы слышали сегодня песню нашего любимого гения шестидесятых. Иногда бывает так, что и в искусстве люди способны на новое. Они готовы открывать целую эпоху, проторить дорогу, по которой потом пойдут другие таланты и займут свои места. Но эти пойдут следом... А кто-то должен быть первым...

Он еще долго говорил и, наконец, произнес имя человека, который совсем не понимал его языка.

– Премия мира присуждается книге года, книге столетия, которая открывает дорогу новому в писательском искусстве. Этот человек создал свое направление, новый жанр. Имя его Юрий Нестеров!

– Что он говорит? – спросил Юрий. – Он назвал мое имя?

...

Громов молча вытолкнул его из ряда, и писатель поплелся к сцене. А сидевшие люди на трибунах амфитеатра, осененные славой, избалованные судьбой, искушенные и обласканные, смотрели на этих троих и аплодировали. Теперь уже они – властелины судьбы и хозяева жизни смотрели на них с восхищением – эти сильные мира сего. Станный, удивительный, чудесный остров...

7

Юрий и Леонид молча шли по дорожкам. Презентация (непонятно, что это было) закончилась, и зрители шумной

веселой толпой расходились по острову. Вели они себя, как самые обыкновенные люди – разговаривали, смеялись, дурачились. Видимо, многие из них, такие разные и знаменитые в той своей жизни, здесь были друг с другом знакомы и чувствовали себя раскованно, как у себя дома – без условностей и этикета. Одеты многие были в короткие шорты и майки, на головах немислимые панамы. Одни садились за столики в открытых кафе, другие заходили в магазины или просто гуляли. Многие кивали нашим русским, как старым знакомым в знак уважения и шли дальше по своим праздным делам. А они молчали и не знали, что им делать. Все продолжало запутываться, и некому было им объяснить, куда они попали.

Одна шумная компания особенно выделялась в толпе. Эти люди шли и громко хохотали. Потом огромного роста человек, похожий на знаменитого французского актера, толкнул бедром маленькую пухленькую девушку, напоминающую известную оперную приму. Та в долгу не осталась и двумя ручками уперлась в живот этого великана, что-то громко крича на итальянском, тоже пытаясь его толкнуть. Тот захохотал, крепко стиснул ее в железных объятиях, отчего маленькая прима закричала еще громче, вырываясь и смеясь. Потом актер стащил с ее головы широкополую шляпку и подбросил. Прима завизжала и бросилась ее ловить. Поймал ее человек, похожий на президента какой-то страны и бросил человеку, похожему на известного террориста. Тот перебрал ее человеку, похожему на еще одного знаменитого акте-

ра. Остальные женщины из их компании (модели, актрисы, телеведущие) крепко схватились за шляпки, придерживая их на головах, тоже кричали и смеялись. А маленькая прима металась по улице в погоне за шляпкой. Видимо, она ей была дорога. Наконец, последний обладатель этого трофея широко размахнулся и запустил шляпку-бумеранг высоко наверх. Шляпа, описав широкую дугу, перелетела через площадь и попала в руки к Юрию. Прима подбежала, выхватила ее и нахлобучив себе на голову: – Мерси, мистер Нестеров! – потом обернулась в сторону своих друзей, показав им язык, и снова повернулась к Нестерову, чмокнула его в щеку, оставив яркий след губной помады, и только потом побежала к своим...

– Дурдом, – громко произнес физик по-русски.

Их окликнули. Они остановились и теперь смотрели на ту самую девушку, кажется, мисс Валери, которая возникла перед ними, тоже держа в руке грамоту. Видимо, она, наконец, справилась со своей прической, была не удивленной, а агрессивной и не скрывала своего раздражения.

– Это вы, те двое русских? – спросила она, почти на чистом их родном языке и, не дожидаясь ответа, с издевкой продолжила:

– Веселитесь?... Может быть, вы мне что-нибудь объясните?

– Не объясним, – только и вымолвил писатель.

– Я так и думала. Вас тоже похитили и затащили на это

шоу?

Ее глаза светились яростными зелеными огоньками, источая несокрушимую энергию.

– Я потом поймала этого ведущего, попыталась расспросить. Он ответил, что мы можем пока отдыхать и проводить с удовольствием время...

Замолчала на мгновение и повторила:

– Мы!!! Я и вы! Какое я имею к вам отношение, мне не понятно, но он именно так сказал! А потом нагло от меня сбежал... Какое хамство!!!

Замолчала и посмотрела на них вопросительно...

– Нужно найти полицейский участок, – нашелся Леонид.

– Искала, – ответила она. – Его здесь нет.

– Тогда телефон, – поддержал Юрий.

– И телефонов здесь нет. Нет банкоматов, даже телевизоров – ни в номере, ни в ресторанах, нигде. В магазинах все бесплатно. Вы сумели истратить хотя бы цент? Я нет! Чертов коммунизм! Все улыбаются, и никто ничего не говорит.

И сверкнула своим огненным взглядом в ожидании ответа. Но они молчали.

– И что же вы собираетесь делать?

Леонид посмотрел на море, перевел взгляд на отель и вымолвил:

– В любом случае я здесь оставаться не намерен. Меня ждут в Европе, а не на этом курорте. Нужно обойти этот чертов остров и найти какой-нибудь выход. Как-то все эти люди

сюда попали...

– А меня ждут в Париже, где решается дело всей моей жизни.

– А меня нигде не ждут, – усмехнулся писатель.

Девушка презрительно смерила его взглядом, немного подумала, но уже спокойнее добавила:

– Я видела много кораблей и яхт на пирсе, предлагаю ночью завести один из них и отчалить.

– Легко сказать, – заметил писатель, – нужно уметь управлять таким кораблем...

– Это я беру на себя, – ответила Валери. – У нас с мужем была когда-то небольшая моторная лодка, справимся.

– Кстати, мисс Валери, – недоверчиво спросил ее физик, – откуда у вас такое знание русского языка?

– Моя бабушка была русской, она и научила... Итак, мы договорились?.. До вечера, месье, – в последний раз смерила их своим зеленым взглядом, провела пальцем по щеке Юрия, стирая помаду, и отправилась восвояси.

– Темпераментная женщина, – сказал, глядя ей вслед, писатель.

– Да, уж, – согласился физик, – ты ей доверяешь? Может быть, это часть шоу, снова какая-нибудь ловушка?

– У нас не остается выбора, – ответил Юрий и задумался. Мысли писателя перебила незнакомая девушка: – Мистер Юрий!.. Она говорила по-английски, о чем-то просила, и он снова пожалел, что не учил иностранные языки. Он совер-

шенно ее не понимал, но та знаками объяснила, что хочет взять автограф. Взяв из ее руки ручку, он поставил на какой-то книге росчерк. Почему он должен был подписывать чужую книгу, не понимал, впрочем, как не понимал уже ничего. Она радостно закивала и захлопнула книгу.

– Сенкью, мистер Юрий. Сенкью вери матч!

А на обложке книги он увидел надпись – «Uorii Nesterov», под ней свою фотографию, дальше шло какое-то название. Он был потрясен. Остров, африканцы в форменных одеждах, отель, море, королевские особы... Все это невозможно было объяснить... Голова шла кругом... Но его фамилия на книге в руках неизвестной женщины! Это сумасшествие...

Женщина, прижав к себе книгу, растворилась в толпе...

– Ты хочешь остаться? – спросил его физик, наблюдавший за этой сценой.

– Что?... Остаться?.. рассеянно повторил писатель, наконец твердо произнес:

– Нет!.. Конечно же, нет!

8

Красное солнце скатывалось по туманному небосводу в синюю воду. Над морем висела розовая дымка. Ничего подобного им еще видеть не приходилось. Солнце было огромных размеров, и казалось, вот-вот этот огненный шар вонзится в мокрую плоть, зашипит, иссушит это море, все про-

странство над поверхностью воды и повсюду. Раскаленные пары чудовищным потоком рванут в небеса, и только вода и огненная стихия будут сражаться там наверху, пока не остынет солнце или не сгинет красный туман в бесконечности космоса, и останется только земля, обескровленная и высохшая, покрытая трещинами и морщинами... Это был не закат, а конец света, и казалось, что ЗАВТРА уже не наступит. Но солнце аккуратно упокоило яркие лучи за горизонтом, и теперь только розовая полоска света отделяла небо от ласкового моря, напоминая об удивительном закате и таком необычном дне.

Смеркалось. Просидев весь вечер в каком-то кафе, они дождались темноты и вышли на улицу. Редкие люди проходили мимо, приветливо им кивали и растворялись в отелях и номерах. Остров засыпал...

Валери ждала их в условленном месте.

– Я уже нашла подходящую лодку, даже ключи в замке зажигания, – сказала она. – Удивительная беспечность!

– Наверное, у них на это есть причины, – ответил писатель, – кажется, на этом острове никогда и ничего не может произойти. Нескончаемый праздник!

Они влезли в лодку пятнадцатиметровой длины, и физик отвязал швартовый. У Валери был хороший вкус: это было красивое остроносое стального цвета судно с двумя палубами и несколькими каютами. Посередине нижней палубы находилась просторная кают-компания, в которой даже нахо-

дилась небольшая библиотека, бар с выбором напитков, уютные кресла и столик. Эх, если бы на такой лодке провести отпуск в океане... Но сейчас им было не до этого. Валери, как опытный шкипер, уверенно заняла место за штурвалом, разбираясь с пультом управления. Мощные моторы тихо заработали в ночной тишине, унося их все дальше от гостеприимного острова-похитителя.

– Нужно отплыть как можно дальше, тогда и разберемся с приборами, – сказала она. Какое-то время плыли в полной темноте, пока остров, освещаемый яркими огнями, не скрылся из виду. Стало очень темно, Валери включила фонари, но свет тонул в бесконечной морской пучине.

– Мне все понятно, – сказала она, – но почему-то не работает навигация.

И снова защелкала ручками приборов.

– Ничего не понимаю. По координатам мы находимся где-то в Атлантике, но в этом месте на карте нет никаких островов.

Мужчины молчали, не зная, чем ей помочь. Она развернула карту.

– Ближайшая земля находится в штате Вирджиния, но до нее около семисот километров.

– Вот какие-то острова, – заметил Леонид.

– Выбираться с островов можно вечность, еще не хватало застрять в какой-нибудь дыре! – ответила она. – Плыдем в Америку!

– А визы? – спросил Леонид.

– Разберемся на месте, – отмахнулась она, глядя на приборы, пытаясь поймать какой-нибудь сигнал.

– Поражает другое, – продолжала она, – совершенно отсутствует связь. Эфир словно вымер.

Она снова и снова перебирала разные частоты, но в ответ только ровный шум из динамиков.

– Что это за остров, который не существует на карте? Вот его координаты, но по расположению здесь может быть только океан...

– Может быть, вы не смогли разобраться в приборах? – холодно спросил физик. Она смерила его презрительным зеленым взглядом:

– Может быть, господин физик сумеет разобраться в них?

Он промолчал.

– Может быть, просто приборы барахлят? – попытался загладить бестактность Леонида, Юрий.

– Остается надеяться только на это, – примирительно сказала Валери, – в любом случае держим курс на запад. Топлива хватит на семь-восемь часов, а больше и не нужно. К утру будем в территориальных водах Америки.

– Идите отдыхать миссис, ... простите, мисс Валери, – сказал Леонид, – Юрий меня сменит.

– Отдыхать!?! – возразила она, с сомнением на них посмотрев.

– Отдыхать, – присоединился к предложению Юрий. – Вы

женщина, вы устали, мы сумеем.

– Курс не менять! Если что, позовете меня, – ответила она.

– Слушаюсь, мой капитан, – улыбнулся Юрий, и Валери спустилась на нижнюю палубу в кают-компанию.

– Женщина на корабле, – сквозь зубы процедил Леонид, когда она ушла.

– Ладно тебе, сейчас нужно держаться вместе, – примирительно ответил Юрий.

– Вместе, – зло повторил Леонид, – капитан в юбке! Иди, держись с ней вместе, что ты тут стоишь? Или боишься ее?

– Сменю тебя через два часа, – сказал Юрий, собираясь уйти, но обернулся:

– Хорошо смотришься в этом костюмчике, прямо как на Титанике!

– Сплюнь! – ответил Леонид и примирительно добавил:

– На себя посмотри, сам-то не лучше! Ну, вырядились! Дурдом!.. – и засмеялся.

Мощные моторы работали на полных оборотах, через семь-восемь часов они должны будут достигнуть цели своего путешествия. Связи не было, навигатор не работал, в любом случае они плыли на запад...

9

– Налейте виски, – сказала она, когда вошел Юрий.

– Пожалуй, – ответил он и налил три бокала. Один поставил перед ней, другой понес Леониду. Тот стоял в костюме посреди маленькой палубы, вцепившись в штурвал.

– На, выпей, – сказал Юрий, поставив перед ним стакан.

– Не помешает, – согласился Леонид.

Юрий, заметив фуражку капитана на крючке, снял ее и надел на голову Леонида.

– Так-то лучше! Только трубки не хватает, – сказал писатель...

Когда он вернулся в салон, девушка сидела на диване, скинув туфли и подобрав под себя ноги. Она больше не казалась агрессивной, и устало вглядывалась сквозь большое окно в темноту океана.

– Юрий, почему вы не остались на острове? – внезапно спросила она. – Хотя, я понимаю, – продолжила она, не дав ему ответить, – наверное, вас любят в вашей стране, и вы хотите быть ближе к своим читателям.

Он немного подумал и ответил:

– Признаться, меня совсем не знают в моей стране, и ни одна книга так и не была издана.

– Странно, а как же та поклонница, которая брала у вас автограф? У нее была ваша книга.

– Это меня и удивляет, – ответил Юрий, – вы и это заметили?

Они немного помолчали, не зная, что сказать, потом Валери заговорила снова:

– Русский, расскажите мне о своей стране... Я там никогда не была, а мои корни идут оттуда. Бабушка уехала из России, когда была совсем маленькой. Она и научила меня языку, даже имя мне дали в честь прадеда. Он был офицер и служил в русской армии...

Писатель, подумав, посмотрел в широкое окно...

Что рассказать этой девушке? Можно говорить много, а можно совсем ничего. Да и страна его, она такая разная – вчера одно государство, сегодня совсем другое, вчера одни люди, а сегодня они так изменились, что не знаешь, из этой страны они или совсем из другой.

– Знаешь, Валери... Или скорее Валерия, – ответил он, – Если бы ты приехала в нашу страну, я отвез бы тебя куда-нибудь далеко-далеко от столицы и больших городов. Туда, где живут простые люди. Они выращивают хлеб, пасут стада свои, работают на северных морях, ездят по непроходимой тайге. У них свой говор, совсем не столичный. Они не плавают по морям на дорогих шикарных яхтах. В старенькие автомобили, когда мороз около пятидесяти, вставляют вторые стекла и радуются такому изобретению. А в тайге комары и настоящие медведи, рыба в реках, которая не знает, что такое человек – ее можно ловить руками. Еще есть высокие горы – это на Алтае. Там как будто заканчивается одна земля и начинается совсем другая...

Он еще долго рассказывал о чем-то. Лодка качала их на волнах, и казалось, что эта ночь не закончится никогда. И бу-

дут плыть в океане эти три человека в бесконечности звездной ночи.

– Юрий, не обижайся. Но скажи, ведь эти люди, о которых ты рассказываешь, они совсем нищие и никогда не смогут в жизни ничего изменить. Мы смотрим новости и знаем о вас немного. И только те, которые однажды забрали все, будут владеть вашей страной...

– Только никогда не будут владеть этими людьми... Не слушай всякую ерунду, которые тебе рассказывают ваши СМИ. От большой любви к нам тебе такое расскажут... А люди... Знаешь, какие у них песни? А как они празднуют свадьбы? Как они способны любить, писать стихи, отдавать ближнему...

– Это утопия, – устало прошептала она. – Ты слишком любишь свою страну, чтобы не замечать остальное... А может, ты и прав... Может, так и надо... Жить в тайге или на высокой горе... отдавать ближнему... ближнему...

Ее больше не хватало на этот разговор, ни на длинную бессонную ночь, и ни на что вообще...

10

Валери не собиралась засыпать, но, когда ее разбудили, поняла, что пропустила что-то важное. Леонид стоял перед ней и был чем-то встревожен.

– На радаре появилась земля, но ее на карте нет и быть не

может – до материка еще километров двести.

Она вышла на палубу и посмотрела на приборы. Юрий, который давно сменил своего товарища, уступил ей место у штурвала. Деонид был прав. Это был не маленький остров или рифы в океане. Судя по приборам, это был материк, но находился он там, где его быть не могло. Скоро их глазам на горизонте предстала кромка земли, которая быстро увеличивалась в размерах. Наконец, появились очертания берега – бухты, широкие пляжи, заросли деревьев на склонах скалистых холмов.

– Потрясающе, никакая связь не работает! – воскликнула Валери.

– Никаких судов поблизости, – заметил писатель.

– А где же их хваленая береговая охрана? – Леонид смотрел по сторонам и не замечал ничего, что говорило бы о присутствии людей. – Мы уже прошли нейтральные воды?... Может, мы заблудились?

– Мы не то что заблудились, а находимся у несуществующего материка, – сказала Валери. – Тогда я вообще ничего не понимаю. Чертовы приборы!.. В любом случае, будем причаливать, а там посмотрим...

Они приблизились к берегу, с удивлением рассматривая причудливые растения, покрывающие все вокруг.

– Снова тропики, – сказала Валери. – Наверное, это остров. Ни связи, ни лодок, даже домов не видно. Предлагаю высаживаться.

Они нашли небольшую песчаную бухту, выбрали место рядом с высоким деревом, причалили, и, спрыгнув на берег, закрепили швартовый за его огромный ствол.

У писателя было удивительно приподнятое настроение, и он первым направился вглубь, навстречу приключениям и новым впечатлениям. Он давно не путешествовал, а за последние сутки с ним случилось столько всего, что не хотелось упускать еще один шанс снова почувствовать себя ребенком и получить удовольствие. Как во сне. До конца жизни хватит. Сколько сюжетов можно почерпнуть здесь, в такой сказке! ...А может, это и есть сон? А может быть, тогда, когда сверкнула в глазах яркая вспышка, и случилось что-то с ним? – опять закрались подозрения в его голову. – Теперь он лежит на больничной койке, а мозги продолжают кипеть галлюцинациями? И где истина: там, в той прежней жизни, или здесь, на этом берегу? Но если он видит, мыслит, чувствует – значит, существует! А остальное – иллюзия. Реальность – вот она...

– Осторожно! – пронзительный крик позади него заставил остановиться. Он обернулся. Валери и Леонид замерли и смотрели себе под ноги. Он не понял, что случилось, но тут снова раздался громкий крик, и эти двое уже неслись мимо него вглубь зарослей леса. А позади ползло огромное чудовище, похожее на крокодила или змею. Юрий помчался следом, через пару сотен метров все остановились.

– Что это было? – закричала Валери, но ей не успели ответить. Лес вокруг заполнялся мелкими тварями, насекомыми, размерами с большую крысу, другими, похожими на них зверьками, какими-то ящерицами со змеиными головами. И тут уже втроем, дико крича на весь берег, они помчались без оглядки. Плотные заросли диковинных растений заслоняли путь, царапали, били острыми ветками и листьями по лицу, по всему телу. А эти трое неслись, не замечая ничего, пока вдруг не открылось большое ровное пространство. Огромная равнина, покрытая высокой травой, предстала их взорам...

– И все-таки я сошел с ума, – подумал писатель. Кровь прилиwała к вискам, он чуть не падал от ужаса картины, которая перед ними предстала. Огромное чудовище метров двадцать высотой, с головой, размером с пожарную машину рвало на части такого же монстра. Они легко подпрыгивали, ломали ветви, роняя их на землю. От топота сотрясалась земля и кусты. Снова и снова они подскакивали друг к другу, вонзали зубы в шею, в голову противника, и черная кровь заливала площадку сражения. Второе чудовище, не выдержав, уже начинало опускаться на колени, а тот, кто оказался сильнее, еще из живого врага начал вырывать огромные клочья кожи и мяса и тут же их пожирать. Умиравший издавал такие звуки, что на небе, и в преисподней их было слышно, но ни с одной стороны ему не было помощи и пощады, и он устало прощался с жизнью. Прощался с гигантским телом,

которое еще сопротивлялось, но уже слабело и, наконец, с грохотом повалилось на траву. А он продолжал реветь на всю долину, и кровавые слезы вытекали из огромных усталых глаз. Его пожирала заживо...

– Динозавры! – промелькнуло одновременно у всех в головах.

– Но они же одинаковые! – закричала Валери.

– Как они могут пожирать себе подобных? Какой ужас!

Вдруг чудовище, услышав ее голос, повернуло окровавленную голову. Она была похожа на голову огромной змеи. Пристально на них уставилось и замерло. В какой-то момент показалось, что оно улыбнулось. Потом встало на короткие толстые ноги и направилось напрямиком к ним. Его глаза словно гипнотизировали этих троих, и сдвинуться с места они не могли. А чудовище медленно приближалось. Медленно, потому что знало, что каждый шаг – добрый десяток метров, и никуда этим троим от него не уйти. Поэтому шло и улыбалось...

Вдруг в вышине какие-то звуки отвлекли его внимание. Монстр оскалил пасть, показав огромные зубы, и застыл. И тут его мощная шея переломилась надвое, голова, которая еще скалилась улыбкой, грохнулась на землю, а наверху стрекотал маленький черный вертолет. Он медленно спустился, приземлился на лужайке, и двери его открылись. Беглецы, больше не думая ни о чем и не оглядываясь по сторо-

нам, ринулись к нему...

11

Все медленно приходили в себя. Потрясенные увиденным, они находились в шоке. Какой-то человек сидел рядом в салоне. Он ничего не говорил, лишь изредка поглядывая в их сторону. Вертолет приземлился на пляже рядом с лодкой, и все с опаской вышли на берег. Перед ними красовалась военная крылатая машина. Несмотря на небольшие размеры, она была оснащена грозным оружием, представляя собой серьезного противника: ракетницы, заряженные снарядами разного калибра, внизу были закреплены несколько бомб, а нос вертолета щетинился двумя автоматами.

– Оказывается, эти люди умеют не только веселиться, – мелькнуло головах у беглецов, и они удивленно переглянулись. Какие-то люди уже суетились на яхте, заправляя ее горючим, оказавшимся в трюме. Потом вертолет улетел, а они и еще два человека остались на берегу. Один направился на капитанский мостик и встал у штурвала, а другой, предложив зайти по трапу на корабль, проводил всех в знакомую кают-компанию, где теперь и возился в баре. А наши беглецы молча за ним наблюдали. Незнакомец был похож на человека, который вчера вручал им грамоты. Скорее всего, это и был он, только без фрака. Одет он был, словно собрался на сафари. Налив каждому большую порцию виски, предложил

выпить. Голова приходила в порядок, и все постепенно возвращались к жизни...

Наконец человек нарушил молчание:

– Меня зовут Генри Уилсон... Можно просто Генри...

Продолжить ему не дали.

– Да как вы смеете? – подскочив на месте, закричала Валери, – что вы себе позволяете?!

Генри Уилсон спокойно указал ей на недопитый виски, она на мгновение замерла, уставившись на стакан, зажатый в руке, залпом его опорожнила и швырнула об пол. Теперь Генри так же спокойно кивнул, давая понять, что внимательно её слушает.

– Если это шутка, то её автор идиот! – продолжала кричать Валери. – Вы маньяк или садист? Да вы просто сумасшедший. Этот остров – маскарад душевнобольных, а вы главный псих. Вы кем себя возомнили? Считаете, что если у вас есть деньги, значит, можете устраивать подобные развлечения на радость гостям-нуворишам? А не боитесь, что следующий стакан полетит вам в голову? В голову идиота! – кричала она в ярости. Вдруг замолчав, увидела, что Генри поставил перед ней новую порцию виски, машинально залпом выпила её и замерла...

Во время ее монолога Генри был крайне вежлив и спокоен, молча ожидал окончания тирады, и теперь так же спокойно произнес:

– Ничего, это шок. Такое бывает, это пройдет... Честно

говоря, я не надеялся, что вы такие экстрималы, и предпримете подобную попытку. Хотя, оно и к лучшему. Теперь намного меньше придется объяснять... Главное, что все живы...

– Так будьте любезны объяснить нам, что здесь происходит и, пожалуйста, с самого начала, – зло перебил Леонид.

– С самого начала? Это может занять слишком много времени, – ответил Генри.

– Ничего, время у нас есть.

– Да, да. Время у нас есть, – задумчиво повторил тот, – не так много, как нам хотелось бы, но пока еще есть...

Он минуту молчал, собираясь с мыслями, размышляя, с чего начать...

– Прежде всего, я хочу принести извинения за ужас, который вы пережили, в чем отчасти виноваты сами.

Леонид снова хотел перебить, но Генри жестом его остановил.

– Я все понимаю, но у нас не было другого выбора. Иногда невозможно что-либо объяснить, не дав увидеть собственными глазами. Скоро вы все поймете. Но то, о чем я вам расскажу, не укладывается в привычную логику. Подойди я к вам вчера и просто обо всем расскажи, вы приняли бы меня за сумасшедшего. Таковым вы и считаете меня сейчас, впрочем, это неважно.

Он снова замолчал, собираясь с мыслями, наконец, заговорил:

– История давняя.

Рассказ шел по-английски, но теперь это не смущало писателя, ему дали аппарат синхронного перевода, и он, надев наушники, все понимал.

– Собственно, этой истории столько же лет, сколько нашей цивилизации, – продолжал Генри, – поэтому начну издавека...

Мы изучаем строение человека. Как он устроен, как мыслит, живет, болеет или выздоравливает и удивляемся. Вроде бы здоровый организм, но внезапно его поражает смертельная болезнь, и ничем мы ему помочь не в силах. А другой столетие может прожить, злоупотребляя всеми «прелестями» жизни, и все ему нипочем. И поневоле начинаешь задумываться – почему? Видимо, в этих болезнях скрывается какой-то тайный смысл. Говорят, лечить нужно не болезнь, а избавляться от причины. Но как ее найти, как распознать, понять?... Каждого неминуемо преследует какой-то рок. Карма... Грехи наши... Их искупление.

Теперь он бормотал бессвязные слова, словно разговаривал сам с собой. Потом посмотрел сквозь окно в бесконечную даль океана и снова замолчал. Все смотрели на него с удивлением. Зачем этот человек поднимает философские вопросы, когда просто нужно объяснить, что ему нужно и зачем их похитили? Но писателю было интересно слушать незнакомца, и он уже с любопытством за ним наблюдал, Валери молчала, видимо, еще не до конца придя в себя от пе-

ренесенного шока, а Леонид зло смотрел, сжимая в руке стакан.

– Общество – тоже живой организм и живет по своим законам и правилам, своей жизнью, – очнулся Генри, – и если эта жизнь греховна, а законы ее порочны, рано или поздно наступает момент искупления. Мне пришлось об этом задуматься в юности, когда я изучал историю. Хотя я по образованию математик, но этот предмет мне очень помог в понимании мира и его законов. Я наблюдал, как зарождалась цивилизация, как она развивалась, совершенствовала знания и орудия труда. Но, что любопытно, всегда в первую очередь любое новшество приносило людям новое оружие. Стоило взять в руки палку, ее превратили в копьё. Научившись обрабатывать камень, создали ножи и наконечники для копий. Железо добавило целую коллекцию в этот арсенал. Порох увеличил поражающую силу противника... Противника, ... – усмехнулся он. – Еще не стали цивилизованными людьми, но уже стали противниками. И так было всегда. Жажда власти, богатства, злобная зависть, убийственная гордыня, лень, привычка потреблять больше, чем нужно, убивать, жить во грехе – все это помогало становлению тех законов, которые мы имеем сегодня и той жизни, которой живем. Но за все нужно платить, господа. И, наконец, изучая этот предмет, мы доходим до нашего века – последнего. Что же мы имеем? Неминуемый прогресс стал разрушать общество в геометрической прогрессии. Любопытное наблюдение – с какой ско-

ростью начали укорачиваться юбки на фигурах женщин, с таким же ускорением деградировало общество. Я не пуританин, лишь провожу аналогии некоторых событий и соотношу факты. Но насколько они очевидны! Как это не смешно – такие же коротенькие туники мы видели около двух тысяч лет назад на стройных фигурках римских красавиц, а чем их эпоха закончилась, мы помним.

Итак, все изобретения человечества используются вопреки здравому смыслу. А теперь вспомните август 1945 года. Тогда было лишь предупреждение миру, но две легкие бомбы взорвались, и погибли десятки тысяч людей. Казалось бы, прогресс несет за собой позитивные изменения. Он направлен на улучшение жизни, а не наоборот. Иначе все это было бы абсурдом. Изобретение водородной бомбы так «улучшило» жизнь сотням тысяч японцев, что лишило их этой жизни и еще миллионам выжившим, если учесть последствия лучевой болезни... И когда думаешь об этом, появляется желание понять, что же будет дальше?...

Генри немного помолчал, проверяя по их удивленным лицам – слушают ли они его, понимают ли?

– Мой род принадлежит к довольно старинному и обеспеченному клану. Эти люди получили свои деньги не за один день, а за столетия. Они не воровали у своего государства природные богатства, обирая свой народ, не вывозили накопленное за границу, не бросали награбленное на ветер. То была элита, которая жила по своим законам и правилам. Они

стояли над обществом и правительствами. В других государствах существуют такие же силы, способные повлиять на события у себя и во всем мире. До какого-то времени они были разрозненными и действовали лишь в своих интересах, но когда по вине кучки параноиков были сброшены эти бомбы, было принято решение – не допустить подобного в будущем. Так сформировалась организация, которая сегодня, если не руководит миром, то помогает двигаться в нужном направлении.

– Миром руководит хаос, – перебил писатель, – вспомните нынешние оранжево-фиолетовые революции, бомбардировки в самом центре Европы. Взорванные небоскребы и поезда. Захваты стран одних другими только потому, что вторые сильнее и им позволительно все.

– Это лишь технологии. И каждый названный вами факт – хорошо разработанные операции, которые в результате приводят к балансу сил. Вот вы, двое русских... Вы живете в стране, которую некогда боялись, и трудно себе представить, что произошло бы в дальнейшем, если бы сохранялся такой перевес. Но – несколько грамотных действий. Огромное государство расчленяют на части, расчленяют вдребезги! Оно рассыпается, как люстра, падающая с потолка, конечно же, под лозунгами свободы самоопределения народов. И проблема решена. Почти бескровная работа, и баланс восстановлен.

– А вам не кажется, что теперь перевес на другой стороне,

за океаном? – снова перебил его писатель.

– Мы работаем и над этим вопросом, доказательством тому жестокий кризис, который поразил ту, другую страну.

– И весь мир в придачу, – добавил физик.

– Есть хорошая русская поговорка: «Лес рубят, щепки летят», – парировал Генри, – они заразили своими зелеными бумажками весь мир и исторически почти всегда решали свои проблемы за счет других. Нация, составляющая лишь 2 процента от населения всей планеты, изволила потреблять 27 процентов всего мирового продукта. Пришло время жить по средствам. Платить по счетам. Мы им в этом поможем и восстановим баланс.

– Простите, вы – это кто? – переспросил писатель.

– Повторяю, мы – это некий институт, ... организация, которая, пользуясь безграничной властью и колоссальным финансовым ресурсом, способна на любое политическое и экономическое влияние, на действие любого масштаба в рамках планеты. Мы направляем, избираем и придаем импульс...

– А как же демократия? Свободный выбор народов? – спросила Валери.

– Демократию себе могут позволить немногие. Демократия – это когда власть не боится своего народа и действует в его интересах, но так далеко не везде. Мир велик, он разный. Только наиболее развитые государства могут соблюдать эти правила.

– То есть вы хотите сказать, что выборы в так называе-

мых демократических странах – это фарс? Все посчитано? – спросил писатель.

– Не до такой степени, друзья мои. Выборы реальны, и кандидаты тоже. Только, вы получаете их не с улицы. Это отобранные, хорошо проверенные и подготовленные люди. А дальше, не все ли равно – кто из этих двоих или троих примет присягу, и ближайшие годы будет читать текст, который ему дадут. Ну, вы понимаете...

Он говорил дикие вещи. Понять такое и поверить в это было невозможно, а он мягко, но настойчиво продолжал:

– Прошли времена Наполеонов, де Голей, Манделлы, Кастро и им подобных. Сильные личности больше не будут занимать такие посты. Никому не нужны сюрпризы. Ситуация должна быть под контролем. Одна в отдельности взятая страна не может диктовать миру свои условия и шантажировать его. Раньше непредсказуемые лидеры, теперь эти люди – хорошие профессионалы, послушные и предсказуемые, энергичные функционеры, отличные менеджеры. Они публичны, на них приятно посмотреть. Они нравятся избирателям, в конце концов, и этого вполне достаточно! Мир стал так мал, что нажмешь не на ту кнопку, он разлетится вдребезги. Конечно, иногда доходит до смешного – все мы люди. И отдельные правители, только заняв свое кресло, начинают мнить себя центром вселенной, переписывать под себя конституцию, раздавать должности родным и близким, детям своим дарить бизнес в этой стране, вседозволенность доходит до

паранойи. Но народ, люди все видят и понимают. Тогда и вступают в силу естественные законы. А мы лишь немного помогаем ситуации. Такие «лидеры» не сидят долго у власти, а потом бегают по всему миру с мечтой о политическом убежище для себя и наворованного капитала. Повторяю, так не везде. Но, географически, во многих местах на планете... Однако, мы отвлеклись, – произнес он, возвращаясь к главному.

– В те послевоенные годы у моего деда был друг, путешественник, естествоиспытатель, географ, физик. Человек образованный, с поистине неумемной фантазией. Ему удалось заглянуть в прошлое. По-настоящему, в прошлое. Помните ажиотаж полвека назад вокруг Бермудского треугольника, затонувших кораблей, пропавших самолетов и Летучего Голландца. Оказалось, существует некоторая доля правды в этой шумихе, и ему удалось обнаружить место в Атлантике, где подобное могло происходить. Замечу, если бы такое я рассказал вчера, вы не поверили бы ни единому слову. Поэтому сейчас мы находимся здесь...

Итак, два года он безрезультатно болтался по океану, пока не нашел то, что искал. И не мудрено, что место это было трудно обнаружить, – воронка всего каких-то нескольких десятков метров, а за ней спокойное море и никаких признаков аномалии. Он безрассудно бросил в нее свой корабль и через мгновение появился уже на другой стороне временного коридора. Собственно, наш остров есть не плод фантазии, а его

подарок человечеству. И что самое главное, на другой стороне этого канала существовала такая же воронка, с помощью которой он смог вернуться назад. Она возникает не всегда, а с четкой периодичностью. Но, зная это «расписание», можно путешествовать без риска в оба конца. Итак, мы с вами находимся в прошлом, господа... В очень далеком прошлом...

Произнеся последнюю фразу, Генри посмотрел на их изумленные лица, и, смерив холодным взглядом, продолжил:

– Мой дед этим открытием был потрясен так же, как и вы сейчас. И когда его друг притащил его туда (а они еще не знали, где находятся) и, оказавшись всего в километре от нашего острова, конечно же, направились к нему. Потом с ними произошло нечто подобное, что было с вами сегодня утром. Как они сумели сбежать, как успели отчалить от берега?... Видимо, помогли ружья, которые они с собой прихватили – местные чудовища их испугались. Повезло.

Генри снова остановился и внимательно посмотрел в глаза собеседников.

– Вы понимаете, о чем я говорю?

Долгое молчание повисло в кают-компании.

– И на какой период вы нас отправили назад во времени? – наконец, спросила Валери.

– На шестьдесят пять миллионов лет, – ответил Генри. И снова долгая пауза зависла в тишине. А тишину эту нарушали лишь волны, которые ласково бились о борта судна. Вол-

ны, которые были частичкой океана, огромной и бесконечно далекой планеты, заброшенной в пучину времени на шестьдесят пять миллионов лет назад...

– Полный бред, – первым очнулся физик. Но Генри, не обращая внимания на эту реплику, продолжил:

– Этим двоим сразу же пришла в голову мысль построить остров прошлого. Такой оазис во времени, где можно будет создать маленькую страну, или штаб, или просто мираж в океане мечты, и как неисправимые романтики, имевшие большие деньги, они азартно принялись за дело. Как они избавлялись от паразитов и динозавров, какими силами, это не важно. К воронке времени мог подойти любого размера корабль и перевезти сюда все необходимое. Так и застроили наш остров.

– Но в наше время его нет на карте Атлантики, – возразила Валери.

– Позже наши ученые выяснили, что через несколько миллионов лет он перенесет извержение вулкана и навсегда уйдет под воду.

– Как съемная квартира, – сказал писатель. – Живешь и знаешь, что когда-нибудь тебя «попросят».

– Что-то вроде того. Но пока еще время есть, господа, – сказал Генри.

– Однако я не закончил, а главное у нас впереди... Итак, наш неистовый ученый не остановился на достигнутом. Тут все и началось. Пока мой дед застраивал остров, тот разыс-

кал еще несколько подобных аномалий. Каждая отправляла в разные времена. У каждой был свой период. А однажды мы подумали, что потеряли ученого-чудака навсегда. Он не появлялся целый месяц. Где его носило, как его искать – не знал никто. Наконец, он вернулся. То, что он рассказал, заставило содрогнуться самые отчаянные головы. Последняя воронка перемещала нас в противоположное направление. Канал выходил впереди во времени, в очень скором будущем. Природа словно подсказывала человеку, давала информацию, давала еще один шанс... А может, не природа... Дьявольское место...

Генри на мгновение задумался, но заговорил снова:

– Ученый вернулся, всех нас собрал и молча положил на стол пакет. Вы помните из истории ситуацию в мире? Шли шестидесятые.

– Карибский кризис, – кивнул писатель.

– Совершенно верно. В ответ на американские действия русские ракеты благополучно приплыли на Кубу, и теперь «американская дубинка» не маячила над миром. Друг моего деда не стал ничего объяснять. Тогда, пройдя сквозь воронку, он побывал недалеко от Майами и, узнав обо всем, сумел раздобыть эти материалы. Потом, находясь там около месяца, не мог дожидаться открытия канала обратно. Но океан принял его и вернул к нам. Что интересно – находясь в другом времени, мы проживаем столько же, сколько в нашем, настоящем. То есть, прожив в будущем месяц, этот же месяц

мы провели в ожидании его... Так устроены эти воронки, время идет параллельно... Итак, он вернулся. Привез фотографии, вырезки из газет, и теперь все собрались за большим круглым столом, рассматривая черно-белые снимки. Я был совсем маленький, но на всю жизнь запомнил эти картины близкого будущего. Куба была стерта с лица Земли. Острова не стало. Только обломки скал и остатки некогда маленького солнечного рая на земле. Америку бомбили десятками ракет. Был выпущен весь арсенал, прибывший на остров из России. Москвы не стало, Ленинграда и еще нескольких городов СССР тоже. Бомбили только города. Миллионы людей погибли за несколько дней. А когда весь ядерный арсенал был израсходован, все только началось. Затягивался такой клубок из стран и армий с их современным вооружением, который второй мировой войне и не снился...

Генри замолчал, и снова посмотрел вдаль океана. Он долго молчал, было видно, что он вспоминает. Наконец снова заговорил:

– Дальше все было делом техники. Техники и безграничного влияния моего деда и его друзей. Используя положение в обществе и связи, им не составило труда доставить копии фотографий в Белый Дом и в Кремль. А потом... Насколько долго разрастался кризис, настолько быстро все закончилось. Эти два человека, два лидера просто пожали друг другу руки. Вот так... Как-нибудь я покажу вам эти фотографии, они сохранились у меня в архиве...

– Мистер Генри, – перебил Леонид, – зачем вы нам это рассказываете? Хотите сказать, что мы никогда не сможем покинуть ваш чертов остров? Ведь такая информация...

– И да, и нет. Если вы пожелаете, я могу прямо сегодня отправить вас домой. Такому все равно не поверят там, на Большой Земле. Но, дело даже не в этом. Вы сами не захотите отсюда уезжать. Но, я не дошел до главного...

Он смерил их холодным взглядом и продолжил:

– Леонид, вы знаете, что такое «кротовая нора»?

– Многие физики считают, что это понятие из области фантастики, – нехотя отмахнулся физик. Он все еще недружелюбно смотрел в сторону Генри.

– И все-таки, расскажите нам об этом, – настаивал Генри. Леонид на секунду задумался, нехотя начал говорить и, наконец, уже с каким-то азартом продолжил рассказывать о том, что знал. Было видно, что в науке он романтик и понятие «невозможно» для него не существовало.

– «Кротовая нора» – это тоннель, который соединяет две плоскости временного пространства. Они бывают внутримировые и межмировые. Какая вас интересует?

– Первая.

– Первая. Хорошо. Она имеет горловину, которая не пересекается кривой, соединяющей ее входы. Чтобы она существовала, ее необходимо заполнить экзотической материей, которая создает сильное гравитационное поле и делает ее проходимой. Экзотическая материя – это вещества, облада-

ющие отрицательной плотностью энергии, они отталкиваются, а не притягиваются вследствие гравитации... Например, металлический водород. Такая материя не может стабильно существовать в условиях наших физических реалий, поэтому пока это не поддается исследованию, а значит использованию...

– Поддается, – перебил его Генри. – И используется уже давно.

Наступила долгая пауза.

– Насколько я вас понял, эта нора позволяет перейти в другое временное пространство? – нарушил тишину писатель.

– Совершенно верно, – ответил Генри.

– Кто же этого добился? – с усмешкой спросил Леонид.

Генри продолжил рассказ:

– После тех событий прошло сорок лет. Деда давно не стало, друга его тоже. К сожалению, памятник этим героям стоит только на нашем острове. Люди не знают, что могло случиться без их участия полвека назад. Но все это в прошлом... Потом его дело взял в свои руки мой отец, а теперь я занимаюсь тем же. Организация стала мобильной, меняется общество, меняемся мы. Как я уже говорил, задача наша поддерживать баланс сил на планете и не давать его разрушить. Но, дело не только в оружии и безопасности. Вчера вы видели наших гостей – этих талантливых и знаменитых. Мы по крупицам собираем их по всей планете, пытаем-

ся поддержать науку, искусство. Это аура нашей маленькой планеты, и мы не хотим, чтобы она погибла. Когда-то мы начали собирать банк данных наиболее значимых личностей. Не обязательно тех, которые сделали карьеру, имя, но тех, которые реально представляют для общества ценность. Среди них многие влачили жалкое существование, но их работа была достойна признания днем сегодняшним и завтрашним тоже. Так я случайно познакомился с начинающим, но перспективным физиком. Он не получал премий, был неизвестен, но мы обратили внимание на его исследования и помогли. Это был фантазер среди ученых умов и ученый в среде фантазеров. Когда я показал ему наш остров в прошлом, он воочию ощутил возможность результатов своей работы. И как он ни был далек от реализации идеи, такое наглядное ощущение ему помогло. Он пошел от обратного. Сначала побывал там, где мечтал, а затем продолжил искать дорогу назад... Этот ученый и занимался созданием «кротовой норы». Со временем он сделал установку для преодоления временного перехода в пространстве. На все ушли многие годы. Его не торопили, терпеливо ждали. Основной проблемой было получение в наших условиях этого экзотического материала – материи, которая смогла бы заполнить канал, чтобы тот стал стал проходимым. И наконец, мы получили результат! Конечно, не в той степени, но все же... Коридор был крайне нестабилен и распадался в считанные часы, даже минуты, но все-таки это был прорыв. У нас появилась

возможность переходить в тот период времени, который нас интересовал. Мы заглядывали в далекое прошлое. Мы смогли выбирать любой период, и не довольствоваться воронками времени, которые давали ограниченное представление о прошлом. Кстати, вчерашний певец, (вы, конечно же, его узнали его) прибыл из шестидесятых, спел песню, и мы сразу же отправили его назад. Он даже не понял, где побывал, словно прокатился на лифте – у него масса концертов, одним больше, одним меньше. Так мы ответили на многие исторические вопросы, волновавшие человечество, и наконец попробовали повернуть стрелку часов вперед, чтобы заглянуть в недалекое будущее.

Генри обвел взглядом окружающих, давая понять, что дошел до главного. Наша тройца теперь неотрывно за ним следовала, не перебивая. То, что они слышали, не укладывалось в голову. Но, и то что они видели утром – было невероятным.

– Когда мы впервые попытались предпринять такую попытку, отправив туда людей, получили следующую информацию... Некоторую картинку... Вернее, небольшую видеозапись, которую я хотел бы вам показать...

Он достал своей сумки диск и вставил его в проигрыватель. Все в нетерпении уставились на экран телевизора. Запись была хорошего качества, были сняты виды неизвестной местности. Сначала бескрайние поля и равнины, горы песка и грунта, воронки, снова поля, выжженная на солнце кустарники и трава. И так кадр за кадром – снова воронки, горы

песка и пепла. Это была другая планета, жаркая и незнакомая... Но, вот появились изуродованные развалины домов, мостов, вспученный асфальт тротуара и дорог. Дальше под изображением пошли титры, а бесстрастный голос диктора следом за кадром начал читать текст:

– 60 часов после НАЧАЛА. Здесь был центр города. Эти люди находились в отдалении, поэтому еще живы, но они уже получили смертельную дозу...

– Лицо человека, обожженное с одной стороны. Все произошло мгновенно.

– Вот спина женщины, на которой остались следы ее платья. Теперь этот рисунок, словно татуировка, украшает ее обгоревшую кожу...

– Идем дальше. Здесь был завод, а сейчас вы видите толстые металлические прутья и арматуру. Все это связано замысловатыми узлами и поднимается над грудями кирпича и бетона...

– Переставляем время. Неделя после НАЧАЛА. Нет в живых тех, кто совсем недавно выжил и пытался спастись. Теперь они умирали или уже умерли, больше некому рыть могилы и хоронить останки этого хаоса...

– Месяц спустя. Вид с вертолета. Радиация уже оставила эти места. Смывалась дождями, выдувалась ветрами. Природа теперь сама восстанавливает то, что оставил ей человек. Цивилизация перестала существовать, и так повсеместно на всей планете. Не осталось ни единого уголка, спасшегося в

этой мясорубке, где не было ни победителей, ни проигравших, потому что не осталось никого...

Бесстрастный голос продолжал комментировать молчаливые фрагменты немого кино. Все неотрывно смотрели. Наконец увидели людей, видимо посланцев Генри, которые в защитных костюмах ходили по истерзанной земле и снимали... снимали... снимали...

– Это наши операторы, – сказал Генри, и сделал звук тише.

– Итак, я вам рассказывал о человеке и цивилизации, о болезнях и пороках нашего общества, о шестидесятых, которые могли закончить путь нашего развития. Понимаю, что вам довольно на сегодня впечатлений, но позвольте продолжить. Не кажется ли вам, господа, что есть прямая связь между тем, что вы увидели утром, – и кивнул на землю, которая оставалась далеко позади, – и тем, что видите сейчас. Ученые выстраивали десятки гипотез, почему вымерли динозавры, но версия о том, что они пожрали сначала травоядных, а затем начали поедать подобных себе, никому в голову не пришла. Эстетическое восприятие этих исследователей не допускало подобных идей. Поэтому они грешили на внезапное схождение с небес кометы и так далее. Как будто комета могла уничтожить только крупных особей, пощадив остальных... Нет, они пожрали подобных себе! Уничтожили свою популяцию! Самих себя. А не то же самое вы наблюдаете в этом фильме? История повторяется. Повторяется на

новом уровне. И чем выше этот уровень, тем страшнее смотреть...

– Когда это случится? – спросила Валери.

– У нас осталось два года... Всего два...

Он снова сделал звук громче, и все, не отрываясь, опять следили за кадрами кинохроники. И не нужны были никакие спецэффекты из фильмов катастроф, достовернее этого песка и воронок, и останков людей трудно было что-то придумать и отснять.

– Именно поэтому мы встретились с вами и поэтому все те люди, которых вы видели вчера, оказались на нашем острове. Вы нужны нам. Вернее, вы нужны своей стране и нашей планете.

– Ноев Ковчег? – спросил писатель.

– Это крайний вариант. Нам нужны ваши идеи, изобретения, опыт и ваша совесть. Не могут больше только военные и политики решать судьбу планеты. Их методы завели нас в тупик. Будущего больше нет, значит, мы должны его придумать...

Генри закончил и небольшая пауза повисла в просторной кают-компании. А за бортом беспечно сияло солнце, волны нежно плескались о борт яхты. И ничто в этом затерянном мире не предвещало ужасного.

– Чем конкретно мы можем вам помочь? – первым заговорил физик. Генри задумчиво, внимательно на всех смотрел. Непонятно, о чем он думал, он сидел, молчал, а кадры

кинофильма все мелькали на экране, и бесстрастный голос за кадром продолжал комментировать. Наконец, Генри, убавив звук, продолжил:

– Теперь, когда вы знаете все, перейдем к делу, – и посмотрел на Леонида.

– Вы, господин физик, можете помочь нам своим изобретением.

– Каким образом? – удивился тот.

– Помните, я рассказывал об ученом, с помощью которого мы смогли достигнуть результатов? Он действительно создал установку, но она крайне нестабильна. А нам нужно гарантированное перемещение в нужное время на нужный период и возвращение назад.

– Но причем тут я? Моя тема фотонный двигатель – создание источника сверхновой энергии, не более того.

– Не совсем так. Вы еще не поняли, что у вас в руках. Некоторые побочные эффекты порой имеют самые неожиданные результаты, а изобретатель зачастую даже не догадывается об этом... До поры до времени... Фотонный двигатель... Генератор фотонной энергии при использовании некоторых элементов как раз и создает экзотическую материю с отрицательной гравитацией, которая при желании заполняет собой «кротовую нору» и генерирует тоннель для перехода в другое, параллельное, временное пространство. Насколько стабильна работа установки по переходу свободных электронов в энергию фотона, настолько точен будет пе-

реход. Насколько мощна установка, настолько же на выходе получаем заряд чистой энергии фотона без каких-либо побочных эффектов. То есть, идеальная энергия. Кроме того идеальное приспособление для перехода в иное время для человека и предметов значительных размеров, например, кораблей, барж с любыми грузами, вертолетов, авиации, и так далее. Вы занимались созданием двигателя, и вас не интересовало, какое топливо будет там использоваться – вода, воздух или что-то другое. Главное, получение энергии в конце процесса. А наш ученый доказал, что если использовать в вашей синтезированной модели шаровой молнии некоторые элементы таблицы Менделеева, как раз и получается та самая экзотическая материя и стабильный канал для перемещения между плоскостями пространства. Ручная машина времени! Вернее, прирученная! Доказать-то – доказал, только у него не было вашего изобретения. А теперь каждый из вас, дополняя работу друг друга, получит желаемый результат...

– Так вот зачем я вам понадобился? – задумчиво произнес Леонид. Помолчал немного, нервно постучал пальцами по столу и вдруг зло произнес.

– Я не буду вам помогать.

– Почему? – спокойно спросил Генри.

– Я не верю ни единому вашему слову.

Все замерли, глядя на физика. Он был непреклонен и твердо смотрел на Генри. Казалось, ничто не сможет его пе-

реубедить. А бесстрастный голос за кадром тихо продолжал комментировать фильм катастрофы на планете...

– А как же ваш утренний поход, а вчерашний день? Глазам своим вы тоже не верите? – с улыбкой спросил Генри.

– А что вы улыбаетесь? – сказал физик. – Технологии – кажется, так вы изволили выразиться. Ваш остров, все эти динозавры – результаты галлюциногенов, фильм – хороший монтаж. Такое снять сегодня не проблема. Мое изобретение принадлежит, прежде всего, моей стране, и патент на это изобретение должен принадлежать мне, как гражданину этой страны.

– Ты не прав, Леонид, я подумала об этом, – перебила его Валери. – Я знаю симптомы таких препаратов, и все, что мы видели сегодня, реально, а такие декорации вряд ли можно построить.

– Может, повторим утреннюю экскурсию? Так сказать, для чистоты эксперимента. И если вы станете котлетой на ленче у динозавра, значит, вы ошиблись, пойдем так сказать экспериментальным путем! – посмеялся Генри. Потом он стал серьезен и подошел к своему саквоюжу.

– Посмотрите-ка сюда, – сказал Генри. – Этому вы тоже не хотите верить? – и достал из сумки газеты. Пока Леонид недоуменно их рассматривал, Генри продолжил:

– Что скажете, хорошая полиграфия, снова подделка?

Тогда писатель взял одну из газет и вслух прочитал: – «Русский ученый был убит во время конференции прямо в

здании центра физических исследований».

– Леонид, несчастный человек на этой фотографии очень похож на тебя, – в ужасе отпрянул он.

– Неужели вы так наивны и полагаете, что вам дали бы внедрить новое топливо в мире, где десятки стран сидят на «трубе», где кучка параноиков ежегодно миллиардами баррелей и триллионами долларов выкачивает из ее недр свои богатства? А сотни тысяч рабочих мест? И если учесть, что больше ничего стоящего в этих странах не производится, только военная техника и мощные армии для защиты богатств этих немногих избранных, вы думаете, вам дали бы это сделать? Не помните реакцию ваших инновационных учреждений, куда приносили свое изобретение? Вы тогда еще не все поняли? Ведь на конференции вы появились, как частное лицо. У себя дома вас не желали признавать!

Оцепенев, Леонид, не отрываясь, смотрел на свое фото в газете. Не каждому дано увидеть такое при жизни...

– Да-да! – безжалостно продолжал Генри, – все случилось через несколько минут после того, как вы допили кофе и уже собирались идти на выступление. Вас отозвали в сторону, вы были рады вниманию к своему изобретению, поэтому не составило труда отвести вас в укромное место и сделать свое дело. Мы присматривали за вами. А, узнав об этом, опередили их. На ваше счастье нашему физику на этот раз повезло, его маломощная установка сработала во времени точно. С точностью до нескольких минут. Повезло...

Снова возникла небольшая пауза. Теперь все, не отрываясь, смотрели на газеты, на Леонида...

– Вот, оказывается, как смотрят на покойника. Ты еще жив, а в твоих руках газета с фотографиями ничтожного, простреленного тела. И тело это твое, – подумал писатель. А кадры немого кино со скухими пояснениями-титрами шли один за другим, показывая картинки. Это были совсем разные места – горы и равнины, острова и континенты, но все было мертвым, и сколько времени понадобится природе, чтобы похоронить все под слоем песка и пыли, травы, уже не имело никакого значения...

– Два года! – нарушила молчание Валери. – А, что же ваша хваленая организация, которая, якобы, правит миром? Почему она не повлияла и допустила такое на планете?

– М-да, организация,... – проворчал Генри. – Несколько кланов уважаемых на Земле семейств. Некоторых из этих людей вчера вы могли увидеть. Действительно, сделано многое, но до сих пор остаются неконтролируемые точки, и снова, и снова возникают конфликты. Целые институты там, в реальном времени, прогнозируют возможные отклонения, опасные ситуации, предотвращают кризисы, но эта болезнь человечества, как раковая опухоль, расплзается внутри организма. Стоит погасить огонь в одном уголке, тут же подобное возникает совершенно в другом. Эта неровная поверхность постоянно находится в движении, она меняется. Мы не можем отследить и предвидеть абсолютно все. А мир, как

огромный резервуар, заполненный горючим, – стоит возникнуть искре, взорвется все...

– А чем вас так заинтересовало мое изобретение? – спросила Валери, – ведь речь больше не идет о длительной жизни, скорее, наоборот. И никакие инъекции не помогут. Тем более, что вы преувеличиваете ценность моей сыворотки, всего лишь крем для омоложения, который даже не прошел тестирования.

– Это у вас он не прошел. И не пройдет. Вы знаете, Валери, на самом деле что открыли? Вы думали, что создали препарат для омоложения? Это действительно так. Но вашу вакцину можно использовать не только для восстановления клеток организма. Валери, это средство для лечения любых болезней! Практически всех! Дело в том, что каждая клетка хранит генетическую память своего местоположения и функции. Она знает о вашем организме все. Каким он был создан, каким должен быть. А вы даете возможность не только заменить старые клетки, но и воссоздать утраченные. В нашем организме скрыт микрочип с памятью о заложенной схеме всего индивидуума, а каждая клетка является элементарным носителем этой информации. Они обновляются под действием вашего препарата и при необходимости начинают деление. Например, если человек утратил конечность, волос или зуб, генетическая память начинает восстанавливать тело, а ваш препарат этот процесс стимулирует. И это касается даже психических заболеваний, потому что мозг и нервы

тоже состоят из клеток. То есть, панацея!..

От услышанного Валери потеряла дар речи. Она, широко раскрыв глаза, посмотрела на Генри и, наконец, выговорила:

– Откуда вы знаете?

– Я познакомлю вас с нашими учеными. Они кое-что опробовали в этом направлении, пользуясь вашими наработками без вашего разрешения, но полностью признавая ваше авторство. То есть, вы единственная, полноправная владелица этого открытия и таковой войдете в историю. Наши люди лишь помогают и будут вашими ассистентами. Мы уже давно собираем по миру все новое и выдающееся. Ваше средство спасает человека от старости и болезней. И даже если предположить, что мы не сможем спасти цивилизацию, все равно здесь, на острове, вы сделаете элиту, лучших из того мира, бессмертными. Они, как дети Ноя, будут жить сотни лет, давая начало новому обществу взамен того... Но это как запасной вариант. С другой стороны, представьте, что случится на планете, если сегодня обессмертить всех? Ваше изобретение опередило время. Мир к такому не готов. Прирост населения моментально составит от 200 до 300 процентов за какие-то двадцать лет. Сейчас 75 лет нужно, чтобы население удвоилось, при нынешней невозможности планирования семьи мы получим безудержный рост населения. А чем их кормить? Где они будут жить, и так далее. Не говоря о том, что погибнет колоссальная отрасль – медицина, в которой заняты миллионы. И это случится в одночасье. А може-

те себе представить преступника, убийцу, который получил бессмертие? Здесь много вопросов. Повторяю, вы опередили время, и что с этим делать?... В любом случае там, на Большой Земле, вашему изобретению хода не дадут. Разве что для своих. А с вами,... – и он замолчал.

Юрий, не выдержав, подключился к разговору.

– И так было всегда. Мы помним примеры из истории. Все те люди предавались гонениям, а система регулировала жизнь, на помойку истории выбрасывая гениальные открытия. Сегодня никого не беспокоят имена, лишивших жизни Джордано Бруно, заставивших замолчать Галилея, и это неважно. Их убила система, это очевидно, а сегодня интересен скорее детектив, сам процесс, нежели подоплека некоего действия. А тех великих не стало.

А Генри добавил:

– Конечно, ваша корпорация поступит разумно и быстро заработает свои триллионы. Но как всегда, все получают только богатые, а бедным не достанется ничего. Справедливо? Вы этого хотели? В любом случае, вы наша гостья, и в вашей работе мы будем помогать, и не будем ограничивать ваше право на перемещение. Вы всегда сможете уехать, но теперь у вас есть билет сюда, на наш остров, который выдается далеко не всем... Просто нужно подумать... Нам всем вместе подумать о том, что же сделать с вашим открытием и как поступить...

– Чтобы не нарушить баланс, – задумчиво произнесла она.

– Но зачем вам нужен я? – засмеялся писатель. – Ни одна моя книга не была издана, и вообще, как вы узнали обо мне, непонятно? Да и на кой черт нужны какие-то книги, когда жизнь людей в опасности?

– Мы прочитали рукописи, которые вы предлагали издательствам, – возразил Генри. – А у нас есть профессиональные ценители искусства. Задача их сводится не к получению сиюминутной прибыли от раскрутки того или иного автора, а к поиску подлинных произведений. Читатель должен идти за писателем, а сейчас востребована та литература, которую выбирает сам читатель, он и диктует вкусы. Но их вкусы сродни фастфуду, который можно съесть на ходу, без ножа и вилки, вытереть руки о грязные джинсы и мчаться дальше. А издатели подхватывают эти идеи, потому что они наиболее продаваемые, и делают на этом деньги. Совсем недавно понятие «книга» было священным, а сейчас появились книжонки, после прочтения которых, хочется выкинуть их на помойку, как разгаданный кроссворд, прочитать и забыть, доесть на бегу остывший бутерброд и не подавиться, переспать с первой попавшейся, позабыв спросить ее имя. Так не должно быть. А что касается жизни людей, войны...

Он снова задумался, потом произнес: – Может быть, и не было бы никакой войны, если бы люди читали такие книги. Я глубоко убежден, что только культура спасет человечество, как тоненький озоновый слой спасает планету от смертельной радиации...

«Культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом», – горько усмехнулся писатель, – сказал Фридрих Ницше.

– Вот и занимайтесь своей кожурой, а хаос мы берем на себя, – устало возразил Генри, потом продолжил:

– Я не буду вдаваться в подробности – это дело профессионалов, но ваша работа, всех троих, изучена и оценена по достоинству. Вы пока не отдаете себе отчета в том, что «натворили». Но что касается вас, Юрий. Во-первых, ваши книги изданы и лежат в магазинах нашего острова, даже в библиотеке на каждой лодке. Взгляните на полку позади себя.

Писатель вскочил и тут же обнаружил несколько книг со своим именем. Пока он их рассматривал, Генри продолжил:

– Мы только не получили вашего разрешения издавать их на Большой Земле, надеюсь, это вопрос времени и решать его Вам. Меня заинтересовало другое.

Генри на мгновение задумался и с интересом посмотрел на Юрия.

– Откуда вы смогли узнать про остров, про нашу организацию? Откуда вы знаете такие подробности? Даже то, как выглядит наш остров? Вы не могли общаться с нашими гостями – те, кто вынесет такую информацию, лишается билета сюда навсегда. А для каждого из них это жизненно важно, особенно в нынешней ситуации. Так откуда вы все это узнали и описали в романе?

– Технологии, – ответил писатель, – неужели вы думаете

те, что они незаметны. Достаточно посмотреть новости, спустя немного времени оценить произошедшие события, сопоставить факты, и становится понятно, кому это было выгодно и как это делалось. Террористические акты и резкие падения валют, выборы некоторых «народных избранников» – все планируется, только не видишь лиц и не знаешь имен заказчиков, но понимаешь, что за всем этим стоят серьезные институты... А что касается острова... Не знаю... Увидел его однажды, почувствовал и описал, мне самому странно...

– Тогда ваше мнение – чем все закончится, удастся ли найти выход из этого тупика?

И Генри жестом показал в сторону экрана. Писатель в ответ только покачал головой. Да и что он мог сказать. Теперь все молчали и смотрели туда, где кадры немого кино продолжали хладнокровно показывать совсем недалекое будущее. Смотрели в иллюминатор, где ласковые волны плескались за бортом суденышка, снова молчали и думали: – Неужели небольшая кучка людей способна изменить будущее целой планеты? Как велик мир и как мала эта лодка! А время уже настигало цивилизацию, раздавливало где-то в 65 миллионов лет впереди. Настигало своей неотвратимой карой за все содеянное.

– Что я должен сделать? – неожиданно воскликнул Леонид. Все это время он в оцепенении сидел в дальнем углу, уставившись на газеты. Сидел, молчал, а остальные его не трогали. Как будто его уже не было. Но он был! И есть! И

будет! И кое что еще сделать способен!

– Помогать нам, своей стране, всему миру избавиться от беды, а там посмотрим, – ответил Генри, потом подошел к окну и устало смотрел вдаль, где незнакомое солнце высоко поднялось над незнакомым океаном, освещая все вокруг. Он тоже хотел домой, в Лондон, в свой большой дом, где его ждала семья и близкие. Но пока еще оставались дела здесь, 65 миллионов лет назад – далеко позади его жизни...

12

После долгой беседы Генри поднялся на палубу к человеку у штурвала, а остальные воспользовались его предложением занять каюты и несколько часов отдохнуть, пока они проделают обратный путь. Спустя какое-то время металлический звук корабельного гонга разбудил наших путешественников. После бессонной ночи, всего увиденного и услышанного они спали, как убитые. Но вот вдалеке показался остров, и Генри решил объявить побудку. Люди выбрались на верхнюю палубу и смотрели вдаль, туда, где их ожидал гостеприимный клочок земли, заброшенный сюда рукой природы далеко во времени.

– Кстати, Генри. Где мы были утром? – спросила Валери, – плыли в Америку, но этот континент должен находиться на две сотни километров западнее.

– Вы и побывали в Америке, в штате Вирджиния, только

эта земля еще об этом не догадывается.

– Но почему она оказалась восточнее?

Генри прищурился и произнес:

– Вы забыли уроки географии? Огромный единый материк некогда раскололся на части, куски суши начали дрейфовать по мировому океану, создавая сегодняшний рельеф и современную карту мира. Северная Америка еще только движется на свой любимый запад, поэтому вы застали ее на две сотни километров восточнее.

А все уже неотрывно смотрели на приближающийся остров, который теперь казался обителью, и уже стремились всей душой к спасительному месту, где свершалось будущее их Земли.

Вернуться в такое далекое прошлое, на миллионы лет назад, чтобы уже отсюда сделать скачок вперед и опередить время. Как это странно, – подумал писатель.

– Сейчас будет интересное зрелище, – сказал Генри, – если не возражаете, я покажу вам кое-что еще...

Они обогнули остров и отплыли на небольшое расстояние.

– Здесь и находится дверь, которая открывается по расписанию и очень скоро отправит всех желающих домой, в их настоящее будущее. Откроется она сроком всего на час, а потом снова только спокойный океан и ничего более.

Он посмотрел на часы.

– Осталось две минуты.

Они замерли, и, не отрываясь, ждали чуда...

Вдруг всего в нескольких десятках метров от борта вода словно закипела и начала в спокойном океане свое движение. Это был танец, который превращался в хоровод волн, и вот уже абсолютно круглая и ровная воронка гостеприимно разверзлась перед ними. От неожиданности все отпрянули от борта.

– Естественная реакция, – усмехнулся Генри. – А представляете, каково было тому ученому сделать, не задумываясь, первый шаг и безо всяких гарантий и надежды на спасение направить корабль прямо туда... О чем он в этот момент думал?...

А писатель продолжил его мысль:

– А как понять людей, которые ради призрачной мечты прививают себе оспу в надежде на сыворотку, которая может не помочь. Летят на крыльях, зная, что этого до них не делал никто, ломают шеи, гибнут. Но пока живы, за секунды полета готовы отдать все, даже свою жизнь. И отдают. А те, которые долетают, двигают мир.

– Валери, вы уже проверили ваше средство на себе? – спросил Генри.

– Нет – вакцина находится на стадии разработки, и пока в экспериментах участвуют только животные...

– Животные... Теперь все мы на этой Земле, как ваши подопытные животные, заложники гигантского эксперимента с неизвестным концом...

Его слова перебило движение, которое начиналось от острова, и уже целая флотилия лодок и кораблей, следовавших друг за другом, приближалась в строгом порядке к воронке.

– Сегодня многие покинут остров и вернутся домой. Через несколько минут они вынырнут, пройдя через миллионы лет там, в своем времени, даже не замочив одежды. Они приплывали на уик-энд, а потом, когда захотят, снова воспользуются расписанием воронки и смогут сюда вернуться.

Корабли подплыли уже совсем близко, на палубах стояли люди, они не прятались в закрытых каютах, совершенно спокойно смотрели на это чудо и ничего не боялись. Видимо, многие уже не раз проделали этот маршрут.

– До свидания! – люди махали руками, улыбались, готовясь к прыжку в бездну.

– Генри, что тебе привезти с Большой Земли? – крикнула пожилая англичанка в широкополой шляпке с маленькой собачонкой в руках.

– Привези себя, дорогая, остальное у нас есть! Мы будем ждать!

– Хорошо! Через пару недель обязательно буду!

Остальные тоже приветливо махали, что-то на прощание крича. И вот уже первая лодка словно соскочила с причала гладкой воды и попала в водоворот. Она легко закружилась, потом начала погружаться и через мгновение исчезла – словно ее стерли.

– Никогда не привыкну к этому, – промолвил Генри. –

Сколько раз вижу это, и каждый раз зрелище поражает.

А корабли, маленькие и большие, словно перышки, попадая в водоворот, легко делали несколько оборотов и таяли на глазах. Словно, сделаны они были не из металла и не весили тонны, а были свернуты из бумаги неумелой детской рукой, и, как игрушечные, увлекаемые неведомой силой, кружились на воде, растворяясь в пучине океана времени. И так – один за другим. А люди в светских нарядах, костюмах и платьях, оставив нелепые панамы и шорты на острове, вновь надев подобающую маску величия и значимости, возвращались в свой мир, полный условностей и странностей. Последняя лодка нырнула в пучину, оставив на поверхности только синие пенные края чудесного водоворота. И не верилось, что целая флотилия кораблей только что плыла по волнам.

– Как будто нас оставили в летнем лагере, а теперь вернутся только через неделю, – сказала Валери, оглядевшись вокруг.

– Хотите туда? – спросил Генри. – Еще есть время. Через мгновение вы будете там, «наверху» – так мы иногда говорим, а потом самолетами вас доставят в любое место на планете. Вы свободные люди и вольны делать то, что хотите!

– Генри, мы вам нужны? – спросил писатель.

– Да, иначе бы я не просил вас остаться.

– Значит, мы остаемся...

Еще несколько минут они смотрели на водоворот време-

ни, на ловушку природы, которая словно приглашала сделать всего лишь шаг – войти и быть унесенным неведомо куда и зачем...

– Так, на чем мы остановились? – вспомнил Генри. – Ах да, на вашей вакцине! Я не успел спросить – когда закончите тестирования, вы Валери, девушка тридцати лет, с вашей внешностью, возрастом, судьбой, захотите ли вы воспользоваться этим изобретением?

Она покраснела, не зная, что ответить.

– Ну, наверное..., – протянула она.

А Генри спрятал улыбку.

– Что касается денег... Это касается всех, – и посмотрел на Леонида и Юрия. – Вчера вам вручили премии. Там вложен чек с моей подписью. Это не фикция, каждый из вас напишет туда любую сумму в любой валюте, и сможет получить эти деньги в любом банке любой страны. И не нужно стесняться, мы поступаем так с каждым, кого приглашаем на остров и вручаем премию. Здесь вы будете иметь все необходимое для работы, наши люди будут вам помогать... Леонид, время не терпит, вы должны повторить свою установку, и мы снова отправимся туда, в кошмарное будущее, чтобы его изменить. И последнее...

Генри задумался и оглядел нашу троицу.

– Мы не имеем секретов от наших гостей. Мы одна семья, и вы можете и должны участвовать в решении главной проблемы. Если вы имеете, что предложить, вы должны это сде-

лать. Повторяю, не могут политики и военные решать судьбу мира – им это не дано. Только такие люди, как вы, помогут принять верное решение, а там посмотрим...

Часть 2

13

Доктор Вудли был старым, проверенным агентом организации. Собственно, он не был доктором в том понимании, как мы себе это представляем. Он никого не лечил, не избавлял от болезней, скорее наоборот. И Вудли он тоже никогда не был, свое настоящее имя уже почти забыл, и оно давно превратилось для него в историю. Да и было ли оно когда-нибудь имя это, порой сомневался он. Впрочем, сегодня для него это не имело значения. Просто он считался хорошим специалистом в своем деле, поэтому и был доктором. За долгую карьеру он успел поработать на несколько разведок и имел безупречную репутацию. Он не подвел, не предал ни одну службу, на которую трудился, не сорвал ни одно задание, служил многим странам и организациям, и его словно передавали по наследству или закрывали им черные дыры, куда других профессионалов затягивало безвозвратно и навсегда, и только ему удавалось все...

Когда его пригласили в организацию, он по привычке не задавал лишних вопросов и ничему не удивлялся, но его отправили на инструктаж, на какой-то остров, совсем в другое

время. Что же, другая страна или другое время, – думал он, – какая разница? Люди везде одинаковые, безразлично, какого они цвета кожи или гражданства, вероисповедания и даже времени. Сегодня или завтра – проблемы одни и те же, и методы их решения неизменны. Иногда он не понимал – зачем такие сложности. Достаточно определить цель, а остальное не его дело. Интересовали план, сумма гонорара, прочие нюансы его не касались, и он старался держаться от них подальше. Поэтому не понимал, зачем такие сложные мотивации – остров, время, воронка. Верил ли он в это? Конечно же, нет! Просто нужна цель. Другое время – значит другое – пусть называют это как угодно. Можно было совсем ничего не объяснять.

Некоторые методы работы этой организации его смущали. Он часто выполнял задания, самые сложные и опасные в любой точке планеты... Планеты, но не времени. А тут... Не будет контактов, ни приблизительного плана, только цель и возможный путь возвращения, да и то какой-то неправдоподобный и вызывающий сомнения. Ему сказали: «Если мы не выйдем на встречу, ожидай каждую неделю, каждое воскресенье в условленном месте. Если место это перестанет существовать, есть резервный план отхода. Если воскресенье перестанет существовать, значит, – каждый день в строго определенное время. Если исчезнет время»... Все расплывчато и неконкретно, зато цель реальна и определена...

В одном небольшом государстве готовился план вторжения в соседнюю страну. Мотивация – исконные исторические земли и их возврат. Его не интересовала история, если вдаваться в подробности, можно сойти с ума. В прошлом одна страна, сейчас на этой же территории уже несколько государств. Сначала один народ, потом другой, третий. Некогда соседи и братья, а теперь кровные враги... Кому это было нужно, его не интересовало, но так было всегда. Под видом территориального вопроса можно устроить такой конфликт, мало никому не покажется, что, однако, давало возможность кому-то решить свои политические и финансовые вопросы. Но для Вудли – этическая сторона всегда должна оставаться в стороне, иначе невозможно выполнить задание. Стоит засмотреться на красивую женщину – дрогнет палец на курке. Обратит внимание на ребенка в машине твоей цели – все сорвется. На работе все должно быть строго по плану, а остальное нужно отнести в церковь и оставить там навсегда. Не ты, значит другой. Все равно ни этой женщине, ни ее ребенку уже не жить.

Итак, план – предотвратить нападение и сорвать в регионе войну. Когда-то он помогал в этой стране взойти на трон одному политику, поэтому хорошо помнил его повадки и характер. И сейчас он не беспокоился, будучи уверенным, что быстро убедит это ничтожество тихо сидеть в своем углу. Задание простое: никаких погонь, террористических акций, захватов президентского дворца, организаций волнений и де-

стабилизации обстановки, исключительно работа переговорщика от лица «организации».

Так думал он, отправляясь на задание...

– Здравствуй, дорогой. Здравствуй мой старый друг.

Собеседник обнял его, как родного.

– Здравствуйте, господин президент, – усмехнулся Вудли, вяло отвечая на приветствия.

– Ты снова послан мне в помощь. Да-да, я помню, как мы с тобой устраивали здесь нашу маленькую революцию, – сказал президент. – Ты, как всегда вовремя! Нас снова ждут великие дела...

Он проводил его к столу и занял место напротив. Вудли молчал и ждал инициативы от собеседника. Он должен был понять, насколько тот готов к войне, и каковы его планы. Со времен так называемой революции прошло около четырех лет. Сегодня рейтинг этого правителя составлял 2 процента. Беспрецедентных 2 процента, и помощь ему могла только война или какая-нибудь значительная акция, которая отвлечет людей страны от бездарного правителя и сплотит под его знаменами нацию. Президент тоже украдкой наблюдал за Вудли, стараясь понять, зачем его прислали. Он был ставленником одной могущественной державы. Тогда, перед выборами, он появился перед народом буквально с улицы. Его привезли из другой страны, где он родился и вырос, сделали из него идола-изгнанника, провели мощную пиар-компа-

нию, посадили в кресло, и теперь он безраздельно служил своим хозяевам. А на территории этого государства появилась еще одна военная база для контроля над весьма сложным регионом. Тогда он был нужен, но теперь... За четыре года он и его родственники захватили все наиболее важные и значимые предприятия страны. Сколотили на этом огромный капитал и теперь вынуждены были защищаться. Стоило переизбрать такого политика, и его сразу же можно будет определить в тюрьму по многим статьям, но тогда потянется ниточка... Он понимал, что зашел слишком далеко, а родственников у него было много, а страна такая маленькая, что пришлось прибрать к рукам почти всю экономику. И теперь весь народ трудился на его семью. Выход один – война! Тогда его переизберут, появятся еще четыре года, можно будет спокойно вывести некоторые активы, а там посмотрим...

Они вели мирную беседу о делах, о погоде, о жизни. Словом, встреча старых друзей.

– Зови меня просто Бобби, – сказал президент, – забыл? Так меня называли в детстве, я ведь тебе рассказывал.

Бобби говорил на английском лучше, чем на родном языке и вспоминал свое детство там, за океаном, в прекрасной стране, откуда его привезли «спасать нацию». При слове «нация» слезы навернулись у него на глазах.

– Ну, давай за встречу! – президент чокнулся и опорожнил бокал до дна. – Ешь-ешь, закусывай. Где тебя еще так угостят?! – сказал президент и налил снова. – Как семья, как

дети? – продолжал он дружескую беседу. Заметив, что Вудли с удивлением на него посмотрел, осекся:

– Ах, прости, людям твоей профессии таких вопросов не задают! – посмеялся и выпил второй бокал, набросившись на еду, громко чавкая и постоянно хватая жирные куски прямо из тарелки. Президент любил поесть.

Обед был прекрасен. Почему бы не посидеть за хорошим столом с бокалом замечательного вина в компании «президента», – подумал Вудли, отпивая глоток. Хорошая у него работа. Он расслабился и успокоился. Сегодня он без труда выполнит задание и уже завтра будет дома...

– Кстати о детях! – продолжал президент. – Ты знаешь, что сделал мой старший? Недавно я подарил ему наш национальный канал и телестудию. Так этот шалопай взял камеры, съемочную бригаду и отснял целый фильм...

– Порно? – усмехнулся Вудли, вспоминая шалопая. Чем вызвал неудержимый хохот президента.

– Нет! – наконец успокоился тот, – Бери круче! А какой фильм! Вот посмотри! – и щелкнул пультом видеомagni-тофона. На экране телевизора возникли кадры боевых действий. Фильм был документальный. А военная техника стреляла не холостыми патронами.

– Стреляют боевыми, – заметил Вудли.

– Конечно, боевыми! Все по-настоящему! Смотри-смотри, сейчас будет красивый кадр, тот танк на склоне подвзорвется и полетит в реку, как бабочка!

Президент с любовью пересматривал кадры, а глаза его горели радостным огнем. Вдруг он громко засмеялся:

– Вот! Я говорил, как бабочка, – и с гордостью продолжил:

– Сынок! Настоящий орел! Все в солдатики играется! Зато, как натурально! – захохотал и снова выпил.

– Мы только завтра начинаем нашу маленькую священную войну, а он уже ее снял! Молодец, мальчишка, мужчина, будущий генералиссимус!

– Господин президент, – спустя мгновение, спокойно переспросил Вудли, – вы что-то сказали о войне? Или мне слышалось? Если можно, подробнее, пожалуйста.

– Ну вот! – с обидой в голосе произнес его собеседник, – снова «президент»! Для тебя я Бобби! Просто Бобби.

– Хорошо, – согласился Вудли, – Бобби. Так что там насчет войны...

Тот стал серьезен, тяжело вздохнул и с трепетом в голосе продолжил:

– Война-война... Война, брат, дело серьезное. Завтра я перейду границу и верну своему народу захваченные территории. Пора восстановить справедливость, пора объединить нацию! – и снова выпил.

– А почему ты, Бобби, не поставил в известность нас? – холодно спросил Вудли. – Или ты считаешь, что один можешь принимать такие решения?

На что Бобби мягко, но убедительно ответил:

– Вудли, я прекрасно знаю, что делаю, и от завтрашней

победы ваша организация только выиграет! Такой регион! Такой плацдарм! Еще спасибо скажете! Или я не прав?... То-то же! Давай, дорогой, еще по одной и поедем на экскурсию! Кое-что покажу – полетим посмотреть готовность армии, – воскликнул хозяин, допивая вино... Они встали и поднялись на крышу дворца, где их ждал вертолет, разрывая тишину города мощными моторами.

14

Летели над равнинами и горами. Столица осталась далеко позади, и теперь прекрасные виды открывались взору.

– Почему бы не превратить эту страну в огромный курорт? – подумал Вудли, – туристы съезжались бы со всего мира.

Он много путешествовал и многое повидал, но эти картины нетронутой природы, зеленых лесов и холмов не давали ему покоя. Какие-то небольшие деревушки свисали со склонов гор, реки спускались ко дну ущелий, устремляясь вниз, к самому морю. Гигантское озеро висело на высоте тысячи метров. Оно, словно, в ладонях этих гор, спокойно покоилось на призрачной высоте, и Вудли захотелось высунуться из вертолета, сделать шаг и нырнуть в его холодную чистую воду.

– Завораживает? – спросил президент Бобби.

– М-да, что-то я отвлекся, – подумал Вудли, приходя в

себя, – старею, становлюсь сентиментальным, пора на пенсию...

– Братья и сестры! Воины свободной республики! На вас ложится почетная миссия выполнить священный долг. Варвары заполонили земли, которые испокон веков принадлежали нашей стране...

Говорил Бобби хорошо, очень хорошо и без бумажки. Это был отличный профессионал, и там, где его готовили, постарались на славу. Хотя иногда в нем просыпались исторически национальные нотки, поэтому речь временами походила на спич. Казалось, сейчас он закончит и поднимет бокал за здоровье... Или, скорее, за упокой. Говорил долго, рассказывая об истории и священной обязанности, долге. Перед ним стоял небольшой отряд рядового состава – человек двести-триста. Напротив, в отдельном ряду, было столько же военных высоких чинов и званий.

– На каждого рядового по офицеру, – подумал Вудли, – интересно, кому воевать, первым или вторым?

Солдаты были совсем еще молодые, многие только начинали пробовать бритву на юношеской щетине. Офицеры были крупными, дородными с большими животами и большим количеством звезд на погонах. Вот только отсутствовали боевые награды на их кителях. Да и откуда возьмутся награды, когда эта страна последние десятилетия и не слышала такого слова – война. Тогда откуда звезды и звания? – думал Вуд-

ли. – Плохи твои дела, господин президент, – армии у тебя нет...

– Воины-освободители, я сам завтра сяду в танк и буду с вами, и да поможет вам Бог! – закончил Бобби речь-тост.

Потом все собрались небольшим составом в штабной палатке. Здесь находились только высшие чины. Бобби обратился к главному из них:

– Все понятно? Выступаем завтра в 6.00. Какой план боевых действий?

Начальник штаба армии почесал затылок и покосился на стол, накрытый к прибытию дорогого гостя. Он молчал, взглядом и жестом приглашая к столу. И тут Вудли начал душить приступ смеха. Он ничего не мог с собой поделать, а военные уже косо посматривали на него. Президент с удивлением обернулся, но снова обратился к штабу:

– Я вас спрашиваю – все понятно?

Неожиданно из заднего ряда вышел молодой штабист и обратился к президенту. Он был смущен и поправлял запотевшие очки на своем носу:

– Господин президент, никто ничего не понял.

– Что? – заорал Бобби.

– Господин президент, они не знают английского...

Тут Вудли, уже не в силах сдерживать смех, выскочил из палатки. Бобби, видимо, от волнения или от излишнего воздействия вина при встрече, перепутал языки. Он изъяснялся на английском! На прекрасном английском, но речь его ка-

нула в вечность, а армия так ничего и не поняла.

– Идиоты! – неслось из палатки знакомое интернациональное слово. – Кретины!..

Наконец Бобби в запале выскочил на улицу и бросился к нему:

– Где твои ребята? Вудли, дорогой, где твои орлы? Ты должен мне помочь!

Он долго приходил в себя, наконец, его маленькая армия снова собралась в армейской палатке. Вудли включил аппарат перевода и надел наушники.

– Вы разработали план операции? – спросил Бобби начальника штаба.

– Да, господин президент.

– У вас все готово для завтрашнего выступления?

– Да..., то есть, нет, господин президент.

– Что?

– Не готовы солдаты. Они все нового набора, им не хватает опыта.

– Вы проводили учения на базе наших союзников? С вами занимались инструкторы?

– Да, господин президент... Но, этого недостаточно...

– Недостаточно? Техника готова? Я купил вам тонны оружия у наших друзей. Стрелять умеете?

– Да, господин президент...

– Значит так. Утром раздадите стимуляторы вашим бойцам, так сказать, для поднятия боевого духа...

– Не понял. Что?

– Героин, вот что – и в бой! Верховный главнокомандующий, то есть я, отдаст приказ ровно в 6.00 утра и вперед!

Тут вышел пожилой генерал. Он прямо обратился к президенту, без страха глядя ему в глаза:

– Господин президент... Мой батальон границы не перейдет...

– Почему? – взревел президент.

– Наши родственники живут за той рекой, братья, сёстры, наши матери в том поселке, мы не будем в них стрелять!

– Предатель! – взвизгнул Бобби. – Расстрелять! – и повернулся к начальнику штаба.

– Арестовать и расстрелять, чтобы другим неповадно было!

Начальник штаба снова почесал затылок, грустно посмотрев на стол, – мухи безнаказанно садились на еду, с такой любовью и заботой приготовленную к приезду дорогих гостей. Видимо, прием сорвался.

– Арестовать – арестуем, а расстрелять не можем.

– Почему?

– По уставу не положено. Расстрел допустим только в военное время.

– Болван, военное время уже наступило!

– Только завтра в 6.00.

Президент осмотрел штаб, поправил галстук и уже спокойным голосом на родном языке с акцентом произнес:

– Завтра в 6.00 вы получите мой приказ, и с Богом. Родина ждет ваш подвиг.

– Слушаюсь, господин генералиссимус... простите... верховный главнокомандующий, – произнес начальник штаба и вытянулся по струнке, отдавая честь. Встреча была окончена, а эти двое вернулись в вертолет.

Они снова поднялись в воздух, и Вудли посмотрел на Бобби. Сначала тот был взбешен, он еще не отошел от убожества своих армейских начальников. Потом, вспомнив что-то, озорно оглянулся в сторону границы и захохотал. Он смеялся долго и без остановки, вспоминая свою оплошность. Смеялся, как нашкодивший ученик, забывший урок, но вышедший из положения. Хохотал над ними, над собой, над этой страной и искренне получал удовольствие. Он играл в президента, шел по краю и получал ни с чем несравнимое наслаждение. А теперь гомерически хохотал, используя каждое мгновение полета в своей должности, которая дается лишь единицам на этой планете. А он и был тем избранным счастливецом, потому напоследок ликовал...

Снова президентский дворец. Бобби пил и не пьянел. А глаза его наливались дьявольским блеском. Иногда, вспоминая свой конфуз перед армией, он всхлипывал и начинал смеяться. Наконец, Вудли решил, что пора заканчивать.

– Бобби, – спокойно сказал он, – ты отменишь приказ, и

никакого наступления не будет.

Бобби от этих слов как-то сжался и жалобно посмотрел на Вудли. Это был взгляд ребенка, у которого отобрали любимую игрушку. Дикое, звериное сожаление, как у собаки, которой показали кость, дали понюхать, а потом забрали.

– Почему?... Вудли, почему?

– Это приказ, – спокойно ответил Вудли.

– Нет... Невозможно...

Вудли посмотрел на этого человека, и на мгновение ему стало его жалко. Тогда он решил потратить на него еще несколько минут. Когда-то это был гениально отработанный план, его детище, и в глубине души Вудли гордился им. Четыре года назад никто не знал, даже поверить не мог, что через несколько месяцев в этой стране будет избран такой президент. Без гражданства, без имени, как говорится, без прописки. Человек ниоткуда. Но изящная операция – несколько миллионов заморских денег – и целый народ отдает за него свои голоса. За Вудли, черт возьми! Если бы он тогда перепутал их имена так же, как этот человек сегодня языки, любой человек, любой Бобби или Вудли мог стать президентом целой страны. Бобби был его детищем. Тогда Вудли доказал себе и остальным, на что способен простой разведчик, а после блестящего восхождения этого придурка он стал лучшим, стал главным специалистом «организации». И теперь ему было это ничтожество жалко...

– Снова жалко, – подумал он. – Старею, пора на покой.

И все же он сделал последнюю попытку – вылил на пол остатки вина из бокала Бобби и, сев напротив, дружески заговорил:

– Бобби, не будь придурком, – начал он, – мы пока тебя не увольняем, но ты должен выполнить приказ.

– Нет! – Бобби подскочил, словно вывернулся из цепкого захвата разведчика. – Нет! Машина уже запущена! ... Ты не понимаешь... Пусть я здесь чужой и родина моя далеко, за океаном, все равно! Я полюбил эту страну, народ! Я хочу сделать этих людей счастливыми. Я верну им земли, восстановлю справедливость, объединю семьи, объединю нацию! Больше они не будут смотреть через ту реку в надежде увидеть вдалеке мать или брата...

Он говорил, как искуситель, как дьявол.

– Вудли, ты помнишь, как мы стояли тогда на баррикадах? Люди зажигали свечи, пели. Помнишь, как ночью перед зданием парламента было холодно. Тысячи людей стояли рядом. Они держались за руки и с надеждой смотрели на меня. Какая-то женщина подошла, сняла теплую шаль и накинула на меня... На нас... И так под этой шалью вдвоем мы с тобой простояли до утра, а потом жаркое солнце и тепло... И победа...

Он говорил, как великий оратор. Где-нибудь в Оксфорде или на сцене драматического театра ему не было бы цены. Но только не здесь, перед Вудли...

– Мы арестуем завтра твои счета в странах, куда ты их от

нас спрятал, – мягко сказал Вудли.

– Нет! – Бобби отпрыгнул от него и как-то обмяк. Потом сел на стул, молча глядя сквозь стены куда-то вдаль, мысленно находясь далеко отсюда. А его глаза снова наливались кровью. Нет, он не был пьян, он находился на пике возбуждения, временами казалось, что он обезумел.

– Мне наплевать на эти деньги. Наплевать на родственников, которые, как пиявки, ко мне присосались, – никогда не знал, что их так много... Наплевать на этот жалкий народец... Ты не понимаешь! Завтра я сяду в танк, махну рукой и пойду воевать! Тысячи людей, увидев это, двинутся за мной и будут стрелять, убивать. Убивать соседей, друзей, родных... Они будут идти за мной, за своим президентом, которого избрали и теперь будут за него умирать... Тебе этого не понять. Ты никогда не был здесь, наверху, и не знаешь, что это такое... За это можно отдать все... И пока я президент и генералиссимус,... то есть, главнокомандующий, мне наплевать на ваши приказы!

Бобби обезумел. Теперь уже ничто не могло спасти этого маленького монстра в его маленькой стране. И Вудли больше не было его жалко...

– Но даже если мои снаряды завтра не полетят туда, в ту сторону, они все равно разорвутся.

Это последнее, что Бобби смог произнести. Перед его глазами мелькнула вспышка света и все... Это был конец... Конец маленького человека и большого гения. Маленького На-

полеона, так и не успевшего стать Императором...

15

Вудли беспрепятственно покинул дворец. Охрана его хорошо знала, и были четкие указания – всегда, в любое время суток, пропускать этого человека. Его и пропустили, даже проводили к выходу, пожелав доброго пути, просив, не забывать дорогу во дворец. И теперь он шел по городу, озираясь по сторонам.

Всегда после выполнения задания в душе занимала место пустота. Вот и сейчас он разглядывал пешеходов, смотрел на машины, на дорогу, где светофоры пунктуально пропускали людской поток вниз, к морю. Улицы заполнялись нарядами горожанами. Было лето, было жарко, все стремились по своим субботним делам. Спешили или не спешили вовсе, и Вудли стало приятно, что завтра он не впустит сюда толпы людей в военной форме, танки не пойдут по этим улицам, сбивая светофоры, армии мародеров не будут входить в дома, забирая трофеи, военные арестовывать этих загорелых мужчин, преступники насиловать женщин. И как хорошо, что этот город и страна не узнают, что такое война...

На следующее утро, проснувшись в номере отеля, он четко последовал инструкции. Забрать отсюда его могла только «организация» в условленном времени и месте, и теперь он выжидал. Почему он не мог сам вернуться домой? Это было

другое время. Он никогда в это не верил, по своему складу ума не мог серьезно относиться к такой версии, но вопросы лишние не задавал – так его учили. Другое, так другое! Поэтому терпеливо ждал. Условленное место – уютное кафе в самом конце набережной. Время на больших круглых часах, висевших напротив, 09.50. И теперь, когда еще оставалось несколько минут, можно было, не торопясь, выпить чашечку утреннего кофе.

Люди просыпались, улица постепенно заполнялась прохожими. Воскресенье – почему бы не выспаться и не провести время дома с семьей, с детьми, – недоумевал Вудли. А эти куда-то торопятся, даже сегодня не дают себе покоя... Он все смотрел и не понимал, что происходит. Необычайное волнение было на лицах этих людей, они неслись по набережной, а вдалеке виднелся причал, где стояли корабли, там и собралась огромная толпа. В воздухе больше не пахло сонным утром выходного дня, а толпа эта была совсем не праздная. Люди кричали, забегая на корабль. Наконец, тот загудел и быстро стал отходить в открытое море, а над головами пролетели самолеты эскадрильи.

– Они с ума сошли? – подумал Вудли, – летать над городом!

Он вбежал в помещение бара, где работал телевизор, надел наушники прибора синхронного переводчика и уставился на экран.

– Ах, мерзавец! Ну, Бобби! Как он мог пропустить такое!

Часто, когда человек говорит последние слова, они что-то да значат. И как он упустил их из виду? «Но даже если мои снаряды завтра не полетят туда, на ту сторону, они все равно разорвутся», – кажется так попрощался с ним этот мерзавец.

На экране шел репортаж с мест боевых сражений. Танки переходили границу, горная долина огласилась залпами взрывов, артиллерия сносила маленькие горные поселки, словно то были домики из картона. А они и были из картона. Только один Вудли в толпе обезумевших зрителей знал, что война эта нарисована, и снята она была в студии маленького гаденыша – сына Бобби, который недавно захватил киностудию и смонтировал этот фильм. Только Вудли знал, что это была жалкая подделка, провокация!

– Это монтаж! Кино! – закричал он на все кафе.

– Это война, дорогой, стреляют боевыми. Какой монтаж?

Он уставился на бармена, который понимал его английский. Хотя, какая теперь разница...

– Посмотри, сейчас этот танк взорвется и упадет в реку, – произнес Вудли.

Действительно, танк, проехав несколько метров по краю скалы, взорвался и рухнул в воду.

– А ты откуда знаешь? – удивился бармен.

– Знаю-знаю. Один идиот уже показывал мне этот фильм, – бормотал Вудли, глядя на экран...

– А вот эта война уже настоящая! – прошептал он, – сна-

чала провокация – потом война. Все, как всегда.

И вот пошли настоящие кадры о войне. Там, на той стороне, военные, не успев разобраться, работали на опережение. После запущенного по телевидению фэйка теперь уже их артиллерия сносила поселки на этой стороне границы. Их танки шли в атаку, устремляясь сюда к столице. А за ними шли союзники, чьи эскадрильи пролетали на шоловой. И уже можно было не смотреть телевизор – город бомбили, набережная покрывалась воронками, а люди, обезумевшие от ужаса, падали, снова поднимались, мчались к кораблям и лодкам, словно это могло помочь...

На экране снова возникла картинка, которая не требовала перевода. Две ядерные державы столкнулись лбами в небе и на земле. К ним подключались их союзники по всему миру, и казалось, все уже позабыли про эту маленькую страну, где все и началось, теперь тяжеловесы опустошали арсеналы, десятилетиями ждавшие своего часа. И час этот пробил.

Вудли вышел на улицу. Чашечка кофе стояла на столике там, где он ее оставил.

– Повторить – подумал он, оглядываясь, – но попросить было некого. Официанта не было. Никого не было. А мимо пролетали толпы обезумевших горожан...

Вудли сидел и спокойно выполнял инструкцию – если воскресенья нет, значит, каждый день в условленное время, если нет времени... Он ошибся. Такое с ним случилось впер-

вые, но он ошибся, значит, пора на пенсию, пора на покой. Наверное, каждый разведчик должен заканчивать так. И где его застанет эта пенсия, он не знает до последнего часа... или минуты... И, все равно, он был лучший. Просто все когда-то кончается, – подумал напоследок Вудли.

Такого он не видел еще никогда, даже представить себе не мог. Самолет пролетел над набережной и скрылся в дымке утреннего тумана. Вдалеке, где только что плыл огромный лайнер, возникла большая воронка и яркая вспышка ослепила глаза. Наверное, это самое потрясающее, что он видел в жизни. Море вставало стеной, а над ним поднималось яркое облако, как огромный огненный шар, как восход неизвестного солнца над несчастной планетой. Оно поднимало свой яркий диск над морем, освещая немыслимым блеском небо, горы, набережную, на мгновение исчезло, и сколько длилось то мгновение – не знал никто, а те, кто знал, уже никому не расскажут. Потом яркий огонь устремился от ослепительной точки в разные стороны, и теперь уже ничто не могло воспротивиться блеску и огню, и дьявольскому жару из преисподней. Вудли сидел и заворожено смотрел, пока пылающий диск не накрыл собой город, поднялся высоко в горы. Озеро, которое еще вчера так мирно покоилось на самой вершине горы, закипело, огненной водой пролилось из чаши своей, и не смогло погасить пламя и безумие на планете...

Солнце вставало над морем, ласковыми лучами освещая остров. Причудливые растения, помахивая на ветру огромными ветками, словно, здоровались с горячим светилом, благодарили его за то, что оно есть, за свет и тепло, за новый день, который оно не забыло с собой принести. И в благодарность за такую трепетную встречу этот день наступил.

Было еще очень рано, на пляже ни души. Теперь у Леонида появилась новая привычка. Он полюбил просыпаться с восходом и выходить из отеля сюда, где только море, солнце, и он, совершенно один... Наверное, у каждого мужчины наступает такой возраст, когда ему нужен свой остров, и теперь он у него был. А еще было много работы, люди ждали его установку, он был нужен, и дело его было жизненно важно для всех, и здесь и там, «наверху». А время неумолимо отсчитывало дни, и недели, и месяцы. Отбирало кусочек жизни и отщипывало понемногу от тех оставшихся двух лет. Он спешил, форсировал работы, делал все что мог, но это утро, которое неожиданно открыл для себя, принадлежало только ему одному, как будто оно существовало вне времени. Поэтому сейчас он не торопился никуда. И солнце, словно его понимая, не спешило начинать свой день, потому что ему тоже хотелось побыть немного наедине...

– Ты хорошо плаваешь! – внезапно окликнул его женский

голос. Это была Валери. Она была в купальнике, тоже не смогла усидеть в номере отеля, вышла к морю и теперь плыла навстречу.

– Не боишься подводных чудовищ? – спросил Леонид, пожалев о визите непрошеной гостьи.

– Ты же мужчина, значит, спасешь меня, – пошутила она и улыбкой произнесла:

– Или я помешала?... Ах да, свидание с солнцем, как же я не догадалась?... Мне уйти? – и засмеялась. – Мне уплыть?

– Ладно уж, оставайся, – проворчал он. Но она уже не слышала этих последних слов, нырнула в воду и исчезла. Валери тоже хорошо плавала, и он с трудом мог за ней угнаться. А бояться было нечего – оба знали, что на берегу стояли специальные установки и вибрацией отпугивали хищников, которые не прочь были поживиться диковинным деликатесом.

Так какое-то время эти двое плавали наперегонки, купаясь в спокойных волнах и лучах ласкового утреннего солнца. Потом выбрались из воды и сели на песке у самой ее кромки, едва замочив ноги. Леонид исподволь за ней наблюдал, а Валери смотрела вдаль океана, о чем-то думая. Он, уже не отрываясь, разглядывал эту странную девушку, которая еще недавно так его раздражала, временами даже бесила своим дерзким характером и манерами, но сейчас, такая хрупкая и нежная, маленькая и уютная, сверкающая капельками воды, была ему интересна. Распрощавшись со своей прической, она стала моложе и не выглядела на свои тридцать, к ее сре-

диземноморскому загару добавился тропический бронзовый оттенок, и Леонид, сидя рядом, с удовольствием на нее смотрел.

– Что? – внезапно спросила она, поймав на себе взгляд, чем застала его врасплох. Но он нашелся:

– Ничего... Просто думаю, почему от тебя сбежали твои мужья?

– А сколько жен сбежало от тебя? – беззлобно парировала она, оценивая его спортивную фигуру, заглядывая в глаза. А ее глаза смеялись, искрясь зелеными огоньками.

– Нисколько, предпочитаю сбежать первым.

– Да ты не только хороший пловец, но и бегун? – улыбнулась в ответ она.

– Я физик, – просто ответил он.

– Поэтому избегаешь женщин и любишь встречать восход в одиночестве? И заход тоже?

Теперь Леонид не нашелся, что ответить, долго смотрел на волны, снова на нее, прищурился. Она тоже молчала, любясь рассветом, потом произнесла:

– Как будто ничего нет... Все так и должно быть... Море, солнце... Трудно себе представить, что где-то в другом времени идет война, гибнут люди... а мы сидим на пляже и встречаем рассвет... так странно, так необычно. Почему, чтобы почувствовать себя человеком, нужно отравиться к динозаврам на миллионы лет назад...

– На этом острове иногда кажется, что другого времени

нет, – ответил Леонид, – и добавил:

– Знаешь... Если хочешь, приходи сюда по утрам. Я часто в это время здесь бываю.

– А как же свидание на пустынном пляже с восходящим солнцем? – улыбнулась она.

– Я подумал... В конце концов, места здесь хватит и на троих, – и тоже улыбнулся...

И в это мгновение ему стало как-то хорошо на пустынном берегу, на этом солнце рядом с ней. Еще несколько минут они сидели, молчали, глядя на волны, уже забыв обо всем – не было войны и кадров кинохроники, не было далеких стран и удивительной работы, лишь остров и они вдвоем на песке у самой кромки воды... Потом встали, пошли к отелю, и больше он не жалел, что у него отобрали его утро. Теперь оно было на троих.

17

Установка была почти готова. Сначала в миниатюре он повторил ту свою первую модель, на что ушло около двух недель. Она прошла испытания, и маленькие круглые молнии теперь как ручные послушно надувались, словно мыльные пузыри, плавая в воздухе между двумя электродами. На демонстрацию пришло много людей: и ученых, и просто гостей острова. Все были в восторге, каждый пытался дотронуться до пульта управления и запустить шаровую молнию.

Как дети...

– Леонид, теперь ты укротитель молний, – сказала ему какая-то дама-знаменитость... То ли певица, то ли актриса. В этих тонкостях он был не силен, а Юрий стоял поодаль, и спросить у него, кто она такая, он не мог. Дальше ему в помощь был дан физик, который придумал ту первую модель «кротовой норы». Хотя, неизвестно – кто кому больше помогал?

Этого парня звали Вилли. Впрочем, «парню» было под шестьдесят. Но бывают люди, для которых возраст не существует, и они до глубокой старости сохраняют юношеский характер. Вилли был как раз из таких. Одевался он немислимым образом, представить на нем костюм было невозможно – джинсы, разрисованные футболки, обязательная кепка от солнца или бандана. Если бы еще отрастить бороду, получился бы колоритный рокер. И душа у него была, как у ребенка. Он восторженно относился ко всему и близко принимал к сердцу каждую мелочь. Фанат своего дела, у которого не было ни жены, ни детей. Около двадцати лет он просидел на острове, и ни единого раза не изъявил желания побывать на Большой Земле, где, впрочем, никого из близких не осталось. У Вилли не было выходных, не было дома, хотя ему предлагали на острове небольшую виллу, но из скромности он предпочел номер в отеле. У него не было такого понятия, как рабочий день, перерыв на обед, отдых... У него не было ничего... Ничего, кроме дела. Поэтому у него было все!

Когда Леониду впервые представили его, он подумал, что тот сумасшедший. Вилли сразу же пригласил его к в лабораторию и показал свое хозяйство. Эта комната на первый взгляд была завалена хламом. Приборы, минералы в коробках, пробирки, небольшие установки, значения которых он не понимал. Все было опутано огромным количеством проводов, и Вилли посреди этого хаоса выглядел большим взъерошенным пауком. Даже столы здесь стояли под углами-диагоналями, и ни один не скучал вдоль какой-нибудь стены. Но присмотревшись, Леонид заметил, что все здесь имеет свое значение и вполне определенный смысл. Каждая вещь занимала свое место, где Вилли без труда находил то, что ему было нужно. И казалось, если навести здесь порядок, сумасшедший физик просто потеряется и не сможет ничего найти... Это был не беспорядок или хаос, но единственно возможный порядок для такого человека, как Вилли.

Он долго с увлечением показывал свои разработки, потом провел его куда-то вниз, где и находилась установка по перемещению во времени. Эта модель работала так же, как и существовал сам Вилли. Она была очень капризна, требовала к себе большого внимания и тоже была похожа на огромного паука, опутанного проводами и датчиками. Это был портрет Вилли, о чем тот не догадывался.

Вилли объяснил, как он добывается получения той самой экзотической материи, и теперь Леонид понимал, зачем им нужна его установка. При использовании в ней некоторых

элементов таблицы Менделеева как раз и получается та среда, которая создает устойчивый канал во времени. Устойчивый, потому что в отличие от изобретения Вилли, его установка делает этот процесс стабильным. Вилли, ознакомившись с работой Леонида, был в восторге. Многие годы он стремился к таким результатам, но шел своим путем, и теперь пути двух гениальных физиков пересеклись...

Леонид конечно же попросил Вилли продемонстрировать работу его «паука». Тот встал у пульта и теперь был похож на капитана фантастического, неземного аппарата, который распрямит свои усы-провода и двинется с места.

– Какое время нас интересует? – спросил Вилли.

Леониду, несмотря на все факты, предоставленные Генри, было любопытно самому проверить тот конечный этап на планете, который предрекал им виденный кинофильм. Его не интересовало прошлое, история, динозавры, Наполеоны или фараоны – только будущее и ничего более.

– Это может быть опасно! – возразил Вилли, услышав просьбу переместиться на два года вперед.

– Время ИКС! Мы попадаем как раз туда, откуда стоит держаться подальше...

– Не важно, – ответил Леонид, – можно на три года, на пять лет...

– Какое место выбираем? – Вилли дал ему защитный костюм, и сам облачался в подобный.

– Россию, – сказал Леонид.

– Конечно, риск есть. Он есть всегда. Но для тебя, Леонид...

И рассказал, что ему не разрешают покидать лабораторию таким путем. Случись что, неизвестно, как они будут возвращаться.

И теперь они стояли на дне небольшого резервуара, похожего на пустой круглый бассейн. Вилли установил на пульте необходимые показатели, и процесс начался...

Собственно, ничего не произошло, просто крыша этого подвального помещения исчезла, и яркое солнце ослепило глаза сквозь пластик защитного шлема. Леонид огляделся. Они стояли на просторном, открытом месте. Повсюду были заросли травы, виднелись отдельно стоящие высокие деревья.

– Какая-то глушь, – подумал Леонид. – Так нам ничего не понять...

– К сожалению, нам не удалось перейти на расстояние в пять лет. Прибор показывает интервал – пятьдесят лет... Вилли как-то смущенно признался в этом, извиняясь за сбой в работе своего детища.

– Ничего страшного, – произнес Леонид, – пятьдесят, так пятьдесят, и пошел дальше по полю.

– Зато место выбрано правильно, – продолжал он, – это Москва.

– Где она – эта Москва? – подумал Леонид, продолжая шагать. Ровное пространство заканчивалось, и начинался крутой косогор, на который он не без труда начал забираться. А повсюду высокая трава и кустарники. Склон был геометрически абсолютно ровным и, забравшись немного выше, он оглянулся. Напротив, за деревьями находился точно такой же склон, был он одинаковым по высоте и подобен этому. На нем просматривались ровные террасы, которые шли на равных расстояниях параллельно земле.

– Что-то это мне напоминает! – подумал Леонид, продолжая свое восхождение, оглядываясь по сторонам.

– Что-то непонятное, но очень и очень знакомое...

Теперь он находился на самой вершине холма, и внимание его привлекла вывеска или табличка внушительных размеров. Она висела немного в стороне на высокой штанге, и сейчас, когда деревья не заслоняли, он смог ее разглядеть. А на ее верху четко проглядывала надпись, которая была на русском языке. И тут Леонид понял все! «ТАБЛО» – вот что было написано на ней. А если соскоблить с этих холмов траву и землю, вырубить высокие деревья и оставить ровную площадку, место это превратится в обыкновенный стадион.

Вдруг что-то его схватило за ногу. Он был одет в прочные сапоги, но сквозь них почувствовал, как кто-то пытается разорвать пластик и добраться до ноги. Посмотрел вниз.

– Не бойся, Леонид, это крысы, – успокоил Вилли. Он, стоя рядом, пнул такое же серое создание. Этот комок отце-

пился от ноги и серым мячиком полетел на поле стадиона. А крыс становилось все больше, они уже кишели под ногами, норовя вцепиться.

– Ботинки прочные, нам ничего не грозит, главное, не упасть, – добавил Вилли. – Крысиный мир! Они лучше всего перенесли войну, и теперь планета принадлежит им.

Леонид стоял и оцепенело смотрел по сторонам. Вдалеке за верхней кромкой стадиона различались высокие строения, вернее то, что от них осталось – обвалившиеся стены домов без окон, без крыш, обрывки проводов, свисавших с покренившихся высоковольтных мачт, поросших вьющимися растениями. Все напоминало о той прошлой жизни. Он перевел взгляд на табло. На мгновение показалось, что в свете солнца электронные цифры показывают счет 1:0. Но, в чью пользу? Кто выиграл на этом стадионе на последнем матче той войны. Если есть победители? Где они и почему не играют на этом футбольном поле, не живут в тех домах? Ведь все должно иметь смысл!.. Победили крысы?

– Пора возвращаться, – сказал Вили, – канал неустойчив, как бы не задержаться здесь надолго или навсегда.

Он пнул ногой крысу, и та с диким визгом полетела вниз.

– А то придется питаться этими тварями... Леонид, ты ел когда-нибудь крыс? – и захохотал, повернув рычаг на переносном пульте, который держал в руках. Еще мгновение, и два человека в защитных костюмах оказались в лаборатории Вилли. «Кротовая нора» работала...

Они сразу же заметили Генри, который расположился в кресле, дожидаясь их. Вилли, как-то извиняясь, взглянул на него и улыбнулся:

– Вот, демонстрирую свою установку, – сказал он.

– Вилли, ты не должен покидать этого места. Если ты не вернешься, тебе уже никто не сможет помочь. Тем более, вы отправились туда вдвоем...

Вилли сконфузился и обещал больше этого не делать. Так ему и поверили. Чтобы Вилли периодически не проверял свое детище – такое было просто невозможно...

– Однако я смотрю, вы выбрали интересный маршрут, – воскликнул Генри, глядя на пульт управления. – Ну и как впечатления? Вы проверили наши тревоги?

– Мистер Генри, – Леонид ушел от прямого ответа, – мы опробовали установку, она работает, и это главное. Теперь можно будет сделать совместный проект...

– ... правда, работает с некоторыми огрехами. Мы промахнулись почти на сорок пять лет, – перебил его Вилли.

– Да, мы промахнулись, – сказал Генри. – Мы потеряли первого нашего гражданина в той войне. Ты уже рассказал Леониду?

– Пока еще нет, – ответил Вилли.

– Мы не смогли вернуть нашего лучшего агента. Он погиб,

не справившись с заданием.

– Сожалею, – ответил Леонид.

– Да-да, – вмешался Вилли, – я никак не могу повторить тот интервал, и все время попадаю мимо... Тычусь, как слепая овца...

– Поэтому теперь дело за вами двоими, – сказал Генри, – а отсчет уже начался. И большая просьба, господа, не отправляйтесь никуда вдвоем с помощью этой установки. Это будут делать за вас другие, а вы нам нужны здесь...

– А как же ваша теория, мистер Генри – каждый ученый должен на себе проверить свое изобретение? – спросил Леонид.

– Вот решим нашу основную проблему, тогда наиграетесь, – и, кивнув на прощанье, Генри покинул помещение...

19

Писатель сидел на далеком диком берегу острова. Того места, где только пустынные пляжи заполняли все пространство вокруг и где не было никаких отелей. Эта часть не была застроена то ли за ненадобностью, то ли по какой-то иной причине. И он часто приходил сюда, где было пусто, и никто ему не мешал. Он тоже нашел свой остров и теперь искал самого себя. В последнее время он мучительно думал, что ему написать. И если там, в прошлой жизни, все получалось достаточно просто, и тема возникала перед его воспаленным

воображением легко, и сюжеты разворачивались на бумаге, как само собой разумеющееся, то здесь... Эти потрясающие места и виды, удивительная жизнь без видимых проблем и тягот не давала ему пищи для борьбы и протеста, для бунта в душе и не рвалась из груди наружу. А писать он умел только по больному, и бить по тупому безразличию мысли и бессмысленной жизни. Когда из груди вынимаешь сердце, а из него еще сочатся остатки крови, такой яркой и чистой, окунаешь туда перо и пишешь. И пока она не кончается, делаешь это до последней капли. А потом уже все равно...

И теперь он, наконец, понял, что искал и что его мучило. Та безжалостная кинолента, та война, уничтожившая все на своем пути где-то миллионы лет впереди или всего в двух недолгих годах отсюда (от него и ото всех тех, кто жил здесь, работал и пытался что-то сделать). Это и была его тема и его книга, а люди, окружавшие, стали ее героями, остров – местом действия и арена для битвы над тупой бессмысленной войной, которую придумали «наверху», а переписывать и исправлять приходилось здесь, на острове, на этом пустынном пляже... Раньше он не писал на военные темы и, как многие современники, не описывал сцены насилия и убийств ради самих этих сцен. Но теперь, когда лодка была на краю, каждый должен был взять в руки весло и сделать гребок, который оттолкнет ее от опасной черты и не ввергнет в пучину безумия. Война – одно из самых печальных наследий и тяжелых пороков человечества, и не говорить об этом он не мог.

В последние дни на этот берег пришли люди. Какая-то техника выходила в море, и уже создавалось нечто, высоко поднимаясь над водой впечатляя своими размерами. А он, как хроникер истории цивилизации, пролистнув еще одну страницу, записывал следом за этой стройкой новые мысли и ощущения. В руках его была небольшая папка и ручка, а больше ничего и не нужно писателю, который не так давно превратил этот пустынный пляж в свой кабинет.

Он оглянулся по сторонам, собираясь с мыслями. Сейчас он искал слово, с которого начнет главу. Не хватало лишь какой-то мелочи, штриха, крошечной детали, и все оживет, заиграет, снова пустой лист бумаги начнет заполняться символами, наносимыми мелким стремительным почерком, увлекая события одно за другим, вслед за безумной фантазией.

– Или фантазией безумца? – поймал он себя на мысли.

– Там будет видно, – отмахнулся он, и снова, мучаясь и озираясь, стал искать, откуда ему списать – не хватало какой-то мелочи, детали...

А солнце уже высоко поднималось над горизонтом, ярко освещая остров.

– Всего одно слово, и можно будет начинать, – трепетало в душе.

Его внимание привлекла женщина, одиноко бредущая по берегу. Вид у нее был задумчивый, потерянный, словно она заблудилась на этом широком пляже. Завидев писателя, она

медленно направилась к нему.

– Здравствуй, Юрий, – поздоровалась она.

– Здравствуй, Валери, – обрадовался он.

– Как твои дела? – спросила она, – работаешь?

– Пока лишь думаю.

– О чем?

– О чем написать!

– Пиши об этом, – и она показала на остров.

– Об этом... Боюсь, об этом захотят читать только динозавры, – засмеялся он, уклонившись от прямого ответа, потом спросил:

– Как твои дела Валери, как лаборатория, твои опыты?

– Очень интересно! – встрепенулась она, очнувшись от своих мыслей. – Мне дали в помощь настоящих ученых, я им в дочери гожусь, а они слушают меня, открыв рты, как будто я мать Мария! Специально для меня привезли целый корабль с крысами и другими зверушками... В общем, здорово,... работаю,... как никогда!

– Давно не видела Леонида? Как он там? Я в последнее время совсем его потерял.

Улыбка медленно сошла с ее лица.

– Я тоже потеряла... Давно потеряла...

Писатель внимательно заглянул в ее задумчивые глаза и мягко произнес:

– Наверное, много работы, от него теперь зависит многое. Зависит все!..

Валери подумала и коротко ответила:

– Наверное. Я пойду, Юрий, увидимся, – и медленно побрела по пляжу, просеивая босыми пальцами ног горячий песок. А Юрий, провожая ее взглядом, подумал:

– Вот чего не хватало в этой главе, на этой чертовой войне и этом острове. Таких печальных зеленых глаз. А значит, жизнь продолжается...

И теперь слова одно за другим легко ложились на белый пустой лист бумаги.

Леонид успел лишь поздороваться с Юрием на бегу и на лодке поплыл к сооружению, поднимающемуся из воды. А Вилли, словно тень, следовал повсюду рядом. Его черная бандана развевалась на ветру, и он походил то ли на пирата, то ли на рокера, который сейчас вынет свою электрогитару и взорвет децибелами остров.

Леонид и Вилли несколько месяцев провозились с совместной моделью «кротовой норы». Им помогали, корабли с Большой Земли привозили материалы и оборудование, которое понадобится для большой установки. Но пока все хранилось в специальном ангаре, а эти двое бились над их детищем в лаборатории. Прошло полгода с момента прибытия на остров нашей троицы, а значит, и там, наверху, прошли те же полгода – время шло параллельно. Генри с волнением поглядывал на календарь и на этих двух фанатов, но они убеждали, что сначала нужно в «пробирке» получить желаемое.

емый результат, и только потом строить рабочую станцию. «Пробирка» представляла собой малютку в несколько метров высотой и напоминала первые компьютеры, которые когда-то заполняли целые комнаты. Теперь никаких проводов, торчащих во все стороны, и «рабочего беспорядка». У Леонида был другой стиль работы, и Вилли уважительно, но, порой с раздражением терпел своего коллегу. Ему нужен был полет фантазии, внешний «комфорт». Поэтому он постоянно что-то переключал, изменял. Так, сталкиваясь лбами, они создали совместную модель «кротовой норы» – «Червоточины», как еще ее иногда называли. И первым же пробным полетом было перемещение в ту самую точку на карте и во времени, где мы потеряли навсегда доктора Вудли...

Теперь Генри был спокоен, обнимая своего агента. Война еще не началась – если никто не убит и пока не стреляют, значит, есть шанс. И время есть... Немного, но все же. А значит можно все поправить, изменить... «Червоточина» работала.

Вудли шел по городу и нес в руках чемодан. Снова ленивое сонное утро, знакомый город, горы, виднеющиеся вдалеке. Его забрали отсюда несколькими мгновениями ранее, чем все произошло. Потом остров, инструктаж – и снова сюда.

– Неужели можно все вернуть, второй раз пройти по известному маршруту и, повторив его, исправить ошибку, рас-

ставив все по своим местам? – думал он.

– Но тогда нужно будет поверить в этот остров и дьявольскую машину времени? Какая-то ерунда!

Но одно не давало покоя:

– А если все это правда! Где же тот другой Вудли, который побывал здесь, не вернулся, а потом его накрыло волной огня и пепла? Ведь тогда его забрали раньше! На мгновение, но раньше!

От мысли такой ему стало не по себе.

– Но почему его не забрали позже? Хотя, как такое было возможно? Разве оттуда можно забрать, разве ОТТУДА возвращаются? Тогда, где же ты есть, Вудли, – здесь ты или сидишь обугленный на стуле кафе той набережной?

Он шагал и напряженно соображал:

– Вот он, живой, в полном здравии и сознании шагает по улице, чего же еще? Чертовщина какая-то!

А мозги уже начинали плавиться от этих мыслей. Извилины сворачивались невероятным клубком, потом распрямлялись, просясь в привычное состояние, снова изгибались, и по ним проходил ток невероятного напряжения. Но, подходя к цели, он успокоился, и сознание заработало привычно и четко.

– Пожалуй, об этом нужно подумать еще... как-нибудь потом.

Он уверенным шагом приблизился к большому зданию и вошел в проходную.

– Стой! – окликнул его сонный охранник, но Вудли, не обращая на него внимания, прошел мимо. Он уверенно двигался вперед по длинному коридору, пока не попал в большое помещение. Посмотрел на часы, висящие на стене. Время – 09.00. И снова в его сознании возникли те часы – на набережной! Тогда на них было 10.00, а потом яркая вспышка и конец!..

На мгновение остановился и закрыл глаза, постепенно приходя в себя.

– В себя, – мелькнуло в голове, – где ты есть Вудли? Где ты есть?

Наконец, сконцентрировался и огляделся. Посреди зала висела большая табличка – «ТИШИНА. ЭФИР». Увидев какого-то человека в конце большой студии, он быстро направился к нему. Дальше все было просто и привычно.

– Стойте-стойте! – какая-то женщина бросилась ему наперерез, но ее остановил окрик человека.

– Вудли, дорогой! – радостно встал тот навстречу агенту. Хотел было обнять, но Вудли, схватив его за шиворот, ткнул носом в монитор компьютера. Люди вокруг вскочили и бросились к нему. Человек неуклюже плюхнулся на стол, Вудли достал пистолет и выстрелил в голову жертве.

– Передай привет своему папаше! – беззлобно произнес он. Потом вынул маленький автомат и спокойно навел на оцепеневших людей.

– Малой кровью, – вспомнил он наставление Генри. – За-

дание должно быть выполнено малой кровью.

А люди замерли и в ужасе на него смотрели. Он улыбнулся, отбросил в сторону свое, теперь уже ненужное оружие, и уверенным шагом направился к выходу – задание было выполнено!

Потом шел по городу и смотрел по сторонам: на машины, пешеходов, на дорогу, где светофоры методично пропускали людской поток куда-то вниз, к морю. Улицы заполнялись нарядными горожанами. Вот уютное кафе в самом конце набережной. И снова в голове застучало:

– Если бы его не забрали отсюда, он снова бы сидел здесь, в это самое время! Они отменили того Вудли. Отменили его встречу, изменили маршрут, и сегодня он прошел другим путем. Но, где же тот Вудли?

На часах было 09.50 часов, а знакомый бармен нес ему чашечку кофе. Бармен не помнил его – он видел его впервые. Они отменили и этого бармена и тот отрезок времени, пустив все по иному руслу!

Он сидел на открытой веранде, смотрел на море, на набережную, на корабль, который стоял у причала. Люди в красивых нарядах проходили мимо, никуда не торопясь. И вдруг перед глазами возникла страшная картина. Он помнил ее, она снова восстала из памяти, а может быть, возникла наяву?

...Море вставало стеной, и над ним поднималось яркое облако, как огромный огненный шар, как восход неизвест-

ного солнца над этой планетой. Оно поднимало яркий диск над морем, освещая немыслимым блеском небо и горы, и набережную, потом на мгновение исчезло. И сколько длилось то мгновение – не знал никто, а те, кто знал, уже никому не расскажут. Потом сумасшедший огонь устремился от ослепительной точки во все стороны, и теперь уже ничто не могло воспротивиться этому блеску и дьявольскому жару из преисподней.

Вудли сидел и заворожено смотрел, а память рисовала страшную картину пережитого. Он вспоминал! Еще секунды... Внезапно рядом возникло лицо связного. Вудли вскочил и бросился к нему. Через мгновение эти двое – единственные на набережной, в этой стране, на всей планете оказались вдалеке, в миллионах годах отсюда, и толща времени теперь надежно защищала их. Шестьдесят пять миллионов лет позади того кошмара. А спустя долю секунды горное озеро закипело, опрокинув горячую чашу на город, на зеленые склоны и далекий безумный мир где-то там, «наверху»...

Потом он пришел в себя. На часах было 10.00. Тогда его забрали отсюда именно в эту секунду, а тот Вудли остался на набережной навсегда. Сейчас ему даже казалось, что видит его. Захотелось протянуть ему руку, помочь, выдернуть его из той ловушки, но все было тщетно. И в это мгновение время словно разорвалось на части. Теперь тот Вудли находился в каком-то другом, параллельном мире. А в этом мире все изменилось, когда он вошел на телестудию и сделал выстрел.

Тогда все и пошло другим путем...

Связной появился вовремя и как всегда ниоткуда:

– Пойдем? – коротко с улыбкой произнес тот. Вудли неспешно допил кофе, положил на стол монетку, потом задумчиво бросил последний взгляд на море и горы, на набережную, на маленький бар, откуда слышались звуки телевизора, на часы, висевшие напротив, на столик, за которым сидел, на пустую чашечку кофе и тихо произнес:

– Пойдем.

20

– Ты давно не приходил, – сказала Валери.

– Да, был занят. Сутками пропадал на объекте.

Они снова сидели на «их» берегу таким ранним и удивительным утром. Удивительным, потому что ей было хорошо с ним, и ему с ней, по-видимому, тоже. И теперь они смотрели на спокойный океан, встречая рассвет. Сегодня, спустя полгода с момента начала работ, будет запущена большая рабочая станция, и он волновался... А поэтому сделал все наоборот. Не помчался с самого утра туда, к своему детищу (это Вилли там дневал и ночевал), а пришел сюда, к своему морю, пустынному острову. И теперь вспоминал, как когда-то симпатичная француженка с пронзительным блеском зеленых глаз ворвалась в его утро, плавала в его океане, сидела с ним на его берегу. Потом еще несколько раз они

встречались – волны становились ласковыми, а песок теплее и мягче, и не хотелось уходить от нее и от этого утра туда, в свой день... Но время шло, его оставалось все меньше, а работы становилось больше. Вилли своим фанатизмом и азартом заражал. Физику много не надо. Не каждому удается при жизни успеть сделать такое, и постепенно сны о ней сменились на схемы рабочей станции, потом эксперимент, еще один, и, наконец, они погрузили установку в воду, где теперь гигантское сооружение у пустынного берега не давало ему покоя и лишало сна. И наступил ЭТОТ день, сегодня они сделают ЭТО!..

Но сейчас, спустя столько времени, он вновь пришел сюда и хотел видеть ее. Ему почему-то было важно именно сейчас встретить Валери, и Леонид загадал: если она придет – все будет хорошо. Но проходит минута, другая, а пляж по-прежнему пуст, и только свободные лежаки, свидетели их встреч, сочувствуют ему. А солнце с укоризной поглядывает, не в силах помочь... Пора уходить.

– Что же, в другой раз, – подумал он и отмахнулся от своих мыслей...

Но вот она, знакомая, стройная фигурка, этот голос, и ее глаза. Снова море ласково принимает их, а песок не отпускает и не дает раствориться в суете дня... Они сидели так несколько минут, пока он не посмотрел на часы и не вспомнил – пора идти. Она тоже поняла, что ему пора...

– Теперь я знаю, почему от тебя сбежали твои жены, если

они были, конечно, – внезапно произнесла она.

– Почему? – спросил он.

– Потому что твоя невеста – чертова наука, и ей ты не изменишь никогда...

Девушка вскочила и пошла к отелю. Ее волосы спускались мокрыми темными струйками по спине, отражаясь золотистым блеском на утреннем солнце, стройная фигурка уменьшалась и таяла вдалеке на этом песке, пляже, набережной. И скоро уже исчезнет совсем. Вдруг, Валери на мгновение остановилась, обернулась и, улыбнувшись на прощание, крикнула:

– Удачи, мой физик!..

21

Люди шумной праздной толпой собирались на берегу. Они пока только догадывались, что здесь произойдет, и, весело гомоня, делились впечатлениями, а установка поражала гигантскими размерами и необычностью форм. Из воды в сотне метрах от берега поднимались четыре огромные мачты. Эти тяжелые массивные сооружения, словно четыре атланта, крепко стояли на ногах, а между ними, как чаша весов, раскачивалась огромная полусфера. Она была заполнена массой какого-то жидкого вещества, висела на толстых стальных струнах, накрывая собой значительную площадь поверхности океана. Высота сооружения была не менее двух

десятков метров, и все напоминало огромный металлический навес.

Вилли был, конечно же, здесь. И там был Вилли, и везде только один Вилли, и повсюду. Он сновал на маленькой лодочке от одной опоры к другой, и так по кругу. Забирался на них, что-то проверял, снова прыгал в лодку, лихорадочно суетился, делал массу лишних движений, позировал на публике, и если смотреть только на него, голова начинала кружиться. Сегодня был его день! Леонид тоже находился здесь, он занял место в небольшой палатке у самой кромки воды, где находился пульт управления, и проверял оборудование. Оставалось включить приборы и начинать. Вилли, наконец, причалил к берегу, и, довольный, гордо занял место рядом с ним.

Все происходило как в летнем кинотеатре – зрители собрались, оператор вставил киноленту и очень скоро начнется показ кинофильма с названием «Червоточина». А люди на берегу продолжали в нетерпении роптать. Они напоминали малых детей, а кино все не начиналось. Наконец, Леонид уступил место и право первого запуска Вилли, и тот включил приборы.

Огромная чаша невозмутимо покачивалась в вышине, штанги уходили, казалось, в самое небо, зрители замерли, и в воздухе повисло напряжение. Нет, пока ничего не произошло, но все почувствовали его – и их словно под гипнозом притягивало невиданное зрелище, оторвать взгляд от кото-

рого они уже не могли. Между штангами начали пробегать небольшие разряды, и вот молнии стремительно понеслись по проводам и воздуху. Люди вздохнули, молча продолжая смотреть. И вдруг тот самый, всем знакомый, крошечный огненный шарик из лаборатории возник в воздухе над чашей. Он повис и начал медленно увеличиваться прямо на глазах. Сначала это был маленький, яркий мячик, потом он стал размером с большую круглую подушку. Люди в восхищении загудели, а он становился все больше. Уже размерами напоминал автомобиль. Он словно вбирал в себя невидимую энергию, излучая уверенность и мощь, продолжая расти. Вилли ошарашено смотрел, автоматически увеличивая мощность. И вот шар, величиной с корабль – десять, пятнадцать метров в диаметре плыл на океаном. Огромный оранжевый апельсин, гигантское огненное сердце висело в раскаленном воздухе, пульсируя, и казалось, увеличиваться оно может до бесконечности. А зрелище теперь внушало одновременно восхищение и ужас. Сейчас это огненное сердце превратится в гигантский метеорит, потом в целую планету и закроет собой весь горизонт и даже солнце.

– Достаточно! – скомандовал Леонид.

– Включаю, – ответил Вилли. Он снова щелкнул выключателем, и тут огненный шар словно испустил из себя серебристый пучок света, направив его прямо в чашу, в месиво, которое в ней находилось. Чаша пропустила его сквозь себя, и блистающий шлейф коснулся поверхности океана. Эта была

ть, только была она серебристого прозрачного цвета, зрелище завораживало, и оторваться от него было невозможно. Люди кричали от испуга, восторга и изумления. Всеми гранями этот серебряный пучок переливался в лучах утреннего солнца, словно соревнуясь.

– Есть! – закричал Вилли. Он вскочил с места и побежал вдоль берега. Что-то громко вопил, размахивая руками, и снова бежал. Это был маленький взъерошенный дьяволенок, а его бандана плавала в море, которую отливом относило все дальше от берега. Она была, как пестрая рыбешка, не тонула и плыла напрямик в серебряный поток. Все замерли. Цветная тряпка приблизилась к краю серебряной тени, вошла в ее свет и растворилась, исчезнув навсегда...

– Вилли, твоя бандана от нас в миллионах лет! – закричал Леонид. Он тоже был возбужден, дальше не помнил, что кричал и что делал. Зрители ликовали, исступленно аплодируя, они бросались к кромке воды, и отогнать их было невозможно. Какая-то дама захотела прямо сейчас сбросить одежду и плыть туда, в ослепительный серебряный поток, но ее вовремя остановили. А гигантский шар тем временем, покачиваясь в вышине, внимательно и спокойно наблюдал за людьми, поздравляя их с победой, словно приглашал помчаться сквозь времена и расстояния в неизвестность прошлого и будущего. И теперь две стихии: люди на берегу, их человеческий гений и напротив, так близко – детище, их разумное воплощение, переливающееся светом и огненными

тениями, смотрели друг на друга, не отрываясь, сливаясь воедино на берегу и этих волнах...

Внезапно появился Генри. Он приветствовал людей, поздравляя ученых. Публика громко аплодировала, а огненный шар спокойно и уверенно замер в вышине, покорно ожидая команды своих «родителей» – он с уважением относился к ним и готов был удивлять дальше. К берегу причалила небольшая яхта, и Генри поднялся на палубу.

– Есть смельчаки? – крикнул он. – Кто будет первым?

Вилли, подскочив, кинулся к воде и хотел, было, забраться в лодку.

– Нет, Вилли, нет, приятель, ты останешься здесь, – остановил его Генри. Вилли в отчаянии огляделся, словно ища поддержки, но покорно вернулся к приборам.

– Так, кто же хочет рискнуть отправиться подальше отсюда? – Генри стоял на палубе, весело приглашая желающих, а люди с восхищением смотрели на огненный шар, робко переминаясь с ноги на ногу, оцепенев. Все молчали, в тишине был слышен только размеренный плеск волн.

– Может быть, ты, Леонид? – позвал Генри. – Вилли справится. Да, Вилли?

Тот заныл так, словно у него разболелся зуб, а Леонид быстро направился к лодке.

– Кто еще?... Есть пара смельчаков? – прокричал Генри. А писатель уже смелой и уверенной походкой шел к ним.

Шел быстро, не оборачиваясь, боясь, что его кто-то обгонит. Такое зрелище он пропустить не мог.

– И еще один! Кто смелый? – Генри засмеялся, приглашая желающих на палубу, – Ну вот, я так и знал – женщина на корабле! – воскликнул он. Но Валери, не обращая внимания на его реплику, уже взбиралась по трапу.

– Ну, я вам устрою, господа! – в отчаянии закричал Вилли. – Я покажу вам, как меня бросать!

И начал вводить данные на компьютере. А люди вокруг смеялись.

– Пожалуй, стоит надеть защитные костюмы, – весело сказал Генри, – мало ли что, – и покосился на Вилли. Вскоре они, как космонавты, облаченные в легкие, но прочные скафандры, стояли, ожидая отплытия. Вилли закончил вводить данные, которые знал только он один, и лодка быстро поплыла навстречу серебряному потоку. Навстречу времени и судьбе. Волшебный шар удивился смелости такого решения, но покорно выполнил приказ. А лодка подходила все ближе и, наконец, покрылась серебряным блеском, войдя под навес огромной полусферы. Мгновение покачалась на волнах и растворилась в призрачном тумане...

– Снова компания в сборе, – только и успел произнести писатель, они уже исчезали, и удивительная картина открывалась взорам этих четверых.

Нет, они никуда не перемещались, но было, словно, стер-

ты. Растворялись их тела и скафандры, таял рассудок, таяла душа, исчезали судьбы и жизни, корабль тоже становился прозрачным, этот серебряный свет словно забирал их отсюда, чтобы абсолютно точно скопировать и перенести в какую-то иную реальность. И теперь они материализовались из ничего, вновь появляясь на свет, на этот серебряный свет, который так же ярко освещал их фигуры. Сначала они были совершенно прозрачными. Только невнятные контуры людей колыхались на прозрачной палубе прозрачного корабля. Потом эти очертания начали заполняться невнятной массой, появился объем и цвет. И, наконец, четыре человека обрели жизнь, рассудок и тела в совершенно другом пространстве и времени. Связь работала, люди на палубе слышали в наушниках взволнованное дыхание друг друга, а вокруг только бесконечный океан.

Была темная звездная ночь, и серебряный луч уходил в высоту, растворяясь и освещая все пространство вокруг.

– Ну, Вилли, ну, ненормальный! – первым нарушил молчание Генри. Он смотрел на пульт и читал цифры, те длинные нули лет, на которые Вилли отбросил их во времени назад.

– Два с половиной... миллиарда лет тому! – изумился он.

– Миллиарда!!! – все невольно воскликнули в недоумении, и снова замолчали, глядя по сторонам.

– Как удивительно, как спокойно, – прошептала Валери. –

Как будто нет жизни, нет ничего...

Снова тишина повисла в воздухе, и нарушить ее не решался никто. В этот момент каждый замер, думая о своем.

Это была совсем другая планета. Ее не бомбили, не терзали чистую атмосферу ядовитыми выбросами, не бурили тысячами острых иголок в поисках ископаемых, не поворачивали реки вспять. Она просто жила естественной, размеренной и спокойной жизнью, и эти четверо словно пили из атмосферы незнакомой ночи благодать, которая окружала их. И только серебряный поток, который принес их сюда, нарушал картину мироздания...

– А говорят, мировой океан появился 500 миллионов лет назад, – очнулся Генри. – Вот он, океан, вода повсюду, а где-то там огромный, единственный материк ждет своего разделения, пока это единая суша, покрытая кратерами и равнинами... Если бы Вилли дописал еще пару миллиардов лет, мы попали бы на поверхность, где все горит и низвергается лавой. Огромная кастрюля кипящего бульона.

– А здесь только океан и потрясающее спокойствие, – отозвался писатель. – О том, что здесь когда-то появится человек, эта земля пока не догадывается. Тогда для кого создана эта планета? Кому она нужна: океану, далекому материку, вулканам? А может, все и должно оставаться так.

– Как? – не понял Леонид.

– Вот так, как мы видим сейчас. Во всем какой-то великий, глубокий смысл. Все продумано божественным гением,

все работает на созидание, никто не разрушает, не стирает с лица Земли, просто строит. Строит осмысленно – камень за камнем, волна за волной. Материки, полюса, океан, вулканы, где-то там ледники. Атмосфера, как аура, окружает эту массу воды и земли, а дальше бесконечность и космос. Величественно и разумно. Даже эта Луна совсем другая...

Все подняли головы и посмотрели в небо.

– Это не Луна, Юрий, – задумчиво произнес Генри. Теперь и он внимательно глядел туда, где незнакомая большая планета удивительным сиянием освещала все пространство вокруг, оставляя бесконечную яркую дорожку на поверхности воды. Эта дорога приглашала, звала за собой к неизвестности и скорой встрече там, в океане космоса.

– Что же это? – спросила Валери.

– ТЕЙА! – воскликнул физик.

– Совершенно верно – это Тейя! – подтвердил Генри. – И скоро этот темный звездный планетарий превратится в мисиво огня и лавы. Эта планета, незваная гостья, которая несется навстречу нам не так быстро, всего каких-то 1000 метров в секунду, но она величиной с Марс и скоро столкнется с Землей.

– Что же тогда произойдет? – воскликнула Валери.

– Тогда и появится Луна. Из пыли и пепла, из лавы, вырванной с поверхности мантии Земли, превращенной в кипящее облако. Потом оно затвердеет и станет очаровательным круглым светилом, которое мы видим каждую ночь.

Оно и будет освещать наши поздние свидания...

А все уже с восхищением и ужасом, задрвав головы, смотрели на небо. Генри перевел взгляд на писателя и произнес:

– Не все так просто, Юрий. Планеты тоже сражаются – там, на небесах, происходят катаклизмы, которые человеку не снились. И каждая такая битва может стоить жизни целым планетам, звездным системам, но она дает рождение чему-то новому. Взрыв – и появляется молодая галактика. Рождение через уничтожение и не иначе, постоянное движение и борьба, а потом смерть одних и зарождение из этого хаоса других.

– Абсурд!.. В основе мироздания заложен абсурд, – задумчиво произнес писатель.

Тишина и спокойствие больше не радовали их, давили на слух и зрение. Это было лишь затишье, временное и прозрачное в океане безумия и огня. Затишье перед катастрофой, которая сметет все на своем пути, превратив их маленькую Землю в пылающий факел. И гореть будет все: Земля, небо, воздух, даже вода. Она закипит, испарится и опояшет горящим облаком всю планету. И та на миллионы километров и световых лет отправит фотографии пылающих отблесков во вселенную, чтобы рассказать о случившемся.

Они долго молча смотрели по сторонам: на океан, на небо, где уже появилась соперница Тейя, и где все готовилось к этой встрече и к концу, к жутким родам, в которых появится на свет маленький спутник Земли – Луна. И неизвестно, где страшнее – здесь, миллиарды лет позади или там – «навер-

ху», в далекой жизни. История повторяется...

– Все предрешено, – прошептал писатель. – Вот и ответ. Посмотрите, никто не в силах остановить подобное. Миллиарды лет божественная природа выстраивает жизнь по своим законам, а тут какой-то человек с крохотной жизнью, ничтожным разумом пытается что-то изменить. Это смешно. Мы как бабочки, которые живут один короткий день. Успели родиться, махнуть крылом – и все. Мы – тупиковая ветвь, как появились, так и уйдем, нас смахнет ветерком, небрежно сдует с этой планеты. Время стряхнет нас, как крошки со стола, и на этом все закончится. Человеку нужно не продлевать свой век, а заполнять короткую жизнь, чтобы, пусть не у каждого, но у единиц она блеснула огоньком и оставила след в бесконечности. Тогда появится смысл, а потом... Всеу приходит время, всеу свой срок, и уже ничего не изменишь...

– Изменишь. – Генри стоял на носу их маленького корабля, и казалось, был песчинкой в свете величественной красавицы-планеты, которая очень скоро уничтожит все вокруг.

– Изменишь! Мы изменим! Нет предопределенности, всегда есть выход, иначе все было бы обречено и не имело смысла! Так быть не должно!

– Но, это закон природы, – прошептал писатель, не в силах оторвать взгляда от Тейи.

– Значит, мы перепишем этот закон...

Они сидели за столиком открытого кафе и смотрели на спокойный океан и высокое небо над головой. Казалось, так и должно быть в их теперешней жизни и в завтрашнем дне тоже: диковинные птицы, не боясь, подходили близко к паркету набережной, к ступенькам кафе, к ногам. Они важно шагали по песку, размахивая крыльями, и смотрели на этих двоих, на столик, на еду, которую приносили. Генри был молчалив и задумчив, Вудли, как всегда, невозмутим и спокоен. Эти двое пили аперитив и каждый думал о своем.

В последний месяц доктор Вудли был очень занят. Его использовали в операциях, с которыми он блестяще справлялся. Тот промах, ту ошибку, которую он допустил, ему не вспоминали. Он сумел с честью себя реабилитировать и доказать, что он лучший специалист. И теперь, когда он был жив, готов был повторять и доказывать, и побеждать, потому что он и был лучшим, был способен на все...

Всего тремя неделями ранее они так же сидели за этим столиком, изучая документы. Это был обычный инструктаж, но Генри был чем-то обеспокоен, и Вудли не понимал причины. Генри тем временем продолжал:

– Обстановка следующая. Это государство потопило подводной лодкой военный корабль соседа...

Он все говорил, а Вудли пытался его понять. Это была обыкновенная операция, которая ничем не отличалась от прочих. Задание, которое не составляло труда выполнить в короткий срок малыми затратами и вернуться домой. Вудли, продолжая слушать, внимательно поглядывая на Генри, вникая в суть, наконец, перебил:

– Данные достоверные?

– Во всяком случае, корабль был взорван, – продолжал Генри. – Кто это сделал, чья была подводная лодка, кому был нужен этот конфликт, мы пока не знаем. Но, события освещаются именно таким образом. Через неделю противник обстреляет их границу, введет свои войска, а еще через два дня...

– Понятно, – перебил Вудли. – Координаты, время?

Генри положил перед ним карту. – Какие твои действия? – спросил он.

– Как всегда, работать на опережение – обезвредить подводную лодку, – спокойно ответил тот.

– Потопить... обезвредить..., – повторил Генри, – все равно неминуемо произойдет конфликт, если не в этом регионе, так в другом.

– Другом, значит, решим вопрос другим путем, – недоумевал Вудли. Он встал и уже хотел уйти, собирая со стола бумаги.

– И еще, – произнес Генри и запнулся.

– Да? – переспросил Вудли. Генри какое-то время молчал,

наконец, вымолвил:

– Обрати внимание на дату!

И тут Вудли понял все. Он опешил, мысленно сверяя дату произошедшего с событием в маленьком городке-столице маленькой страны, откуда он недавно вернулся.

– Снова тот день? – пробормотал Вудли.

– И даже час, – подтвердил Генри. Вудли удивленно замер, не веря своим глазам. – Совпадение, – наконец, произнес он, а про себя добавил: – Дьявольское совпадение!

Потом он медленно брел по набережной и рассуждал. Раньше все операции разрабатывались долгие недели и месяцы. В них были задействованы значительные силы и средства. Теперь ситуация изменилась. Как будто времени стало меньше, а проблем больше. Перед ним быстро ставили задачу, он мгновенно принимал решение, просил все необходимое и отправлялся на задание в разные места на планете, но сейчас!.. Это было невероятно! Все происходило в одно и то же время, такое не укладывалось в голове. Снова достал документы, на ходу с изумлением продолжая рассматривать фотографии местности, где все произошло. Все случилось в тот самый роковой день и час, когда горное озеро однажды опрокинуло горячую чашу на город и всю планету. Теперь это была другая страна, горы там были другие, и озеро. Но это озеро на вершине горы напоминало ему, как две капли воды, то, которым он так когда-то любовался. А под ним в

долине стояли города, в них жили люди, и пока не догадывались ни о чем. Но взрыв под водой, корабль тонет, спустя какое-то время небесная эскадрилья пролетает низко над океаном, и огненная волна уже накрывает и землю, и страну, и всю планету...

Снова задание: У незнакомого берега на рейде стоял большой военный корабль. Утро, яркое солнце. На палубе матросы весело драят палубу. Один из них оторвался от работы, мечтательно прищутив глаза, посмотрел на солнце, перевел взгляд на набережную и длинный пирс.

– Сегодня она должна прийти, – думал он. – Сегодня, спустя столько месяцев, он увидит ее на набережной. Увидит ИХ! Он так ждал этой встречи, но рейс затянулся, и сегодня опять им не дадут пропуск на берег, а завтра в путь. На днях по случайности он получил с берега короткую радиограмму-восточку. В 10.00 она будет встречать его на берегу. А с ней будет ОН – крошечный сын, которого он еще никогда не видел!

Матрос снова уставился в пол и молча принялся драить палубу, поглядывая на часы. Еще минута, еще мгновение. На часах 09.55! И снова взгляд находит далекий пирс! Вот она, а рядом коляска. Они подошли к самому краю парапета, и жена выглядывает на палубе его фигуру – она ищет его. А коляска с малышом стоит рядом и таит в себе маленькое чудо, которое не дано ему увидеть еще несколько месяцев,

но сегодня его день!

Офицер, подойдя вплотную, отдает резкую команду. Он лающим языком доносит приказ – нужно мыть палубу и не отвлекаться, и матрос берется за дело. А женщина с коляской все стоит на берегу и машет рукой. Но, что это?

Матрос в ужасе покосился на берег. Еще шаг, еще доля секунды, коляска соскочит с парапета, устремиться вперед, потом по ступеням вниз и упадет в пучину океана. А там его малыш! Он оторопело, невзирая на команду начальника, не отрываясь, смотрит на набережную, на парапет...

А в это мгновение рядом, на небольшой глубине всего в миле отсюда, появляется подводная лодка. Она быстро скользит по дну бухты, потом останавливается. На ее радаре силуэт нашего корабля.

– Приготовить торпеды к атаке, – раздается команда в рубке. Снова лающий звук, и не выполнить приказ невозможно, а рука офицера тянется к кнопке запуска. Те из хранилища уже поступают в торпедные отсеки.

– К запуску готов, – отвечает он, и лоб становится мокрым.

– Навести торпеды, – снова этот резкий лающий звук над ухом. Его пальцы на клавиатуре выстукивают координаты цели.

– Цель захвачена, – четко по-военному рапортует он.

– Огонь! – слышит он последнюю команду капитана, на

часах 10.00 и палец за висает над клавишей. Он смотрит на кнопку, и взгляд гипнотизирует ее. Он знает, что сейчас произойдет. Это не простая атака, это война. Настоящая, может быть, последняя, а рука его на кнопке, и сейчас именно он сделает это простое движение. Все мгновенно промелькнуло в голове, посмотрел на часы – ровно 10.00. Время замерло, стрелка часов остановилась, теперь оно не торопило, это неумолимое время ждало его движения, простого нажатия клавиши, и тогда...

– Стоп! Отбой! – внезапно слышит он голос командира.

На радаре с разных сторон появляются три светящиеся точки. Это военные корабли – три подводные лодки противника, которые выстраиваются в одну линию, и яркие прожектора ослепляют нашу лодку под водой. В свете прожекторов она, как на ладони. Боевые корабли замерли друг напротив друга. Яркими точками, зависая на экранах радаров, черными акулами, лежа на дне бухты готовясь к прыжку. И снова офицер слышит команды, но уже в соседнем отсеке:

– Отбой, задний ход, полный назад, – но его это уже не касается! Он нервно отдергивает руку, вытирая крупные капли пота со лба. А на часах 10.00, но вот стрелка часов сорвалась и уже весело помчалась по бесконечному кругу, а время устремилось вдогонку за ней. Подводная лодка отошла от берега и растворилась в мутной синеве океана.

А на военном корабле офицер, наконец, отвернулся, и

можно снова взглянуть на берег. Матрос украдкой косится взглядом, ища пирс. Чего стоили ему эти секунды неведения! Что он пережил за такое короткое мгновение! Но, видит жену – она машет ему, а в другой руке крепко держит завернутое в белоснежную ткань крошечное существо, малыша, его сына! Матрос счастлив! Он с облегчением смахивает со лба капельки пота и кивает ей на прощанье. Оглядывается на город, на набережную, где ездят машины, прогуливаются люди, а дальше только высокие зеленые склоны, освещаемые ярким солнечным светом, и озеро на вершинах горы под облаками и голубым небом. И снова щетка в его руках драит палубу. Слава Богу – ничего не произошло! А часы показывают 10.00...

Доктор Вудли решил и эту проблему – корабль благополучно покинул бухту и отправился в рейс, конфликт был исчерпан, не начавшись, а тем, кому хотелось погреть руки на этой войне, пришлось свои планы изменить.

Все происходило три недели назад. А теперь они с Вудли сидели за столиком и пили виски, поглядывая по сторонам. Это кафе было для Генри небольшим кабинетом, куда он любил приходить и где ему не мешали редкие посетители. Он смотрел на море, на спокойные волны, принимая решения. Вот и сейчас следил за тем, как диковинные птицы близко подходят к столику, находя кусочки хлеба, брошен-

ные им, за Вудли, который сидит напротив. Сюда же приходили граждане его маленького острова, общались с ним, сплетничали. Этих людей, как правило, не интересовали глобальные проблемы, они вели праздный образ жизни, волновали их исключительно светские дела – кто во что одет, как выглядит, кто что сказал и кто приедет на ближайший уик-энд. Некоторые рассказывали анекдоты, и Генри с удовольствием с ними беседовал. Все они были людьми достойными, талантливыми и, безусловно, заслуживающими внимания. Но пару недель назад к его столику присел Леонид.

Генри почему-то вспомнил об этом визите. Зачем вспомнил, не понимал, но перед глазами стоял этот угловатый неуклюжий русский, который тогда скромно появился на веранде кафе, не решаясь подойти. Этот русский совсем не походил на прочих на его острове – замечательный малый, который создал гениальную установку, но теперь оказался не у дел. Его детище работало, Вилли теперь справлялся с ней сам. И сейчас, когда голова была занята проклятой войной, он зачем-то вспомнил этого человека. А голова шла кругом. От осознания неизбежности, когда все сводилось к одному проклятому дню и часу, он впервые почувствовал себя неуверенно, почувствовал человеком, который был не в состоянии принять правильное решение. А тут этот физик, который, как, впрочем, и остальные на острове, не в силах был ему помочь.

– Ах, Леонид! – поздоровался тогда он, – присаживай-

тесь, – и вяло кивнул, приглашая к столу.

– Мне нужно с вами поговорить, – волнуясь, произнес тот.

– Да-да, слушаю вас, – вежливо отозвался Генри.

– Доброе утро..., – неуверенно повторил Леонид. Он был чем-то озадачен, и Генри было любопытно за ним наблюдать, он с интересом и вниманием уставился на физика. Этот твердолобый, прямолинейный мужчина совсем не умел вести себя в обществе. Такие люди обычно не добиваются ничего, а своим характером портят все. Но, если вспомнить, чего добился и сделал этот человек – можно было бы забыть о его дурацком характере и поставить ему памятник где-нибудь у причала, а, может быть, в самом центре острова... Да что там острова. Там, на Большой Земле, поставить прижизненный монумент и поклоняться ему. А сейчас этот человек стеснялся начать разговор и робко смешался, краснея.

– Я закончил работу над вашей установкой, – наконец вымолвил Леонид и снова замолчал.

– Я в курсе, и?... Теперь хотите отправиться домой? – спросил Генри.

– Домой?... Да, домой,... конечно, домой! – зло и обреченно ответил тот, словно только что принял для себя простое решение.

Генри с вниманием посмотрел на Леонида, – Зачем? – наконец произнес он, лукаво улыбаясь.

– Мне нужно работать,... я должен делать свое дело, – тупо, упрямо пробубнил Леонид.

– И для этого вам нужно возвращаться домой? – Генри снова улыбнулся. – Что вы будете там делать? Оббивать пороги уважаемых учреждений?... Как странно устроен мир, Леонид, не правда ли? Миллиарды людей нуждаются в чем-то новом, необходимом для их жизни. И вот появляется он – человек, гений, которому это удастся, он приносит свое открытие, отворяет двери, дарит его людям,... но нет! За теми дверями сидят чиновники, правители, хозяева. А они, словно, с другой планеты. И тут все только начинается. И уже кажется – проще было сделать открытие, чем донести его до человечества. Факел затухает по дороге. И мысли приходят в голову: а может это никому не нужно, не столь ценно, как казалось когда-то, не интересно. Труд летит в корзину с мусором, а человек, опередивший время, бесцельно проводит остаток дней в поисках правды и признания. Выращивает на подоконнике цветы, одиноко бродит по улицам в толпе людской, и никто не узнает того, что сделал он!..

Генри замолчал, глядя куда-то вдаль. Потом машинально повторил:

– Никто не узнает... Никто!..

– У вас что-то случилось? – удивленно спросил Леонид.

Генри очнулся. Он действительно был в растерянности, а проблема, которая так волновала его в последние дни, не давала покоя. Поэтому был рассеян.

– Нет, Леонид... А, может быть, да... Так, немного устал, давно не был дома, там, куда вы так стремитесь...

Но, собравшись с мыслями, горячо заговорил:

– Да, не хотите вы домой, черт вас побери, потому что все понимаете! Просто, стесняетесь просить меня о том, о чем обязаны просить! Вы – гений, Леонид. Гений, но русский медведь. Вам проще уехать, чем унижаться. Только, нет в этом ничего унижительного – потребовать от таких как я условий для работы, потому что о нас не вспомнит никто, а вашим именем назовут планету, до которой долетят с помощью вашего двигателя... Извините за многословность. Что-то сегодня я... У вас, Леонид, будет всё для работы на моем острове. И если вы не можете потребовать от меня необходимого, значит я сам буду вынужден просить вас, чтобы вы остались и работали. И сделаю для вас все.

Леонид покраснел, удивленно посмотрев на Генри.

– Кстати, хотел вас спросить об одной вещи...

Генри замолчал. Какая-то птица подошла вплотную и нагло, прямо со стола, стащила кусок хлеба. Генри улыбнулся, потом устало спросил:

– Зачем сейчас нужен там, на «Большой Земле», ваш двигатель? – он неожиданно задал этот вопрос, и Леонид не знал, что ответить. – Вы обо всем знаете. Осталось полтора года, а потом...

– У вас ничего не получается? – наконец произнес Леонид.

Генри на минуту задумался, устало на него посмотрел и грустно закончил:

– Все получится. Обязательно получится. Работайте, Леонид. Все будет хорошо!..

Физик кивнул и удалился, а он долго еще сидел и смотрел вдаль океана, размышляя:

– Зачем нужен этот двигатель? Почему сегодня нужно заниматься такими вещами? Зачем все это, когда осталось всего полтора года, и голова идет кругом... Но, тогда, зачем нужны поэты и художники, музыканты, ученые? А зачем нужен остров – наследие деда и его компаньона? Может быть, эта коллекция и составит на острове общество, которое возродит цивилизацию. Ведь, не зря же он, как истинный меценат, по крупицам собирал здесь то уникальное, великое, что должно сохраниться и жить...

Это произошло всего пару недель назад. Тогда Генри выполнил обещание – отдал распоряжение дать физику свободную лабораторию и привезти для него оборудование, которое тот просил.

Генри снова очнулся от своих мыслей и посмотрел на Вудли, а Вудли без всяких эмоций на него. Сказать им друг другу было нечего.

Потом скатал комочек хлеба и протянул птицам:

– Подойдут или нет? Возьмут ли с руки? – загадал Генри. Одна, по-видимому, самая смелая, сделала пару шагов, потом отвернулась, презрев угощение, но неожиданно вытяну-

ла длинную шею и выхватила мякиш прямо из рук. Генри засмеялся и подумал:

– Конечно, чего им бояться? Уже около 50 лет они не знают, не ведают, что такое опасность, ходят себе по пляжу, едят корм. Не знают, что такое война – а у каждого она своя. Дед на этом острове подарил им мир, спокойствие. А что будет там – «наверху» им неизвестно, не интересно – 65 миллионов лет спустя – это так далеко – призрак, утопия.

Вудли внимательно поглядывал на Генри, не понимая, что беспокоит шефа на этот раз. А Генри мучительно размышлял:

– Стоило Вудли спасти чертов корабль и решить проблему, как она появлялась с точностью до часа и секунды в том же времени, но в другом месте. Какая-то игра, злой рок, судьба. То, что должно было случиться, происходило, и, видимо, неминуемо должно произойти. С кем посоветоваться, что предпринять, как избежать этого проклятого часа и дня, Генри не знал. Эта дата на календаре и стрелка на часах сходились в магической точке, притягивая роковое событие, которое должно было неминуемо случиться. Какой-то злой гений неумолимой волей, безжалостным перстом уже начертал этот день и час, и обойти, отменить его было невозможно.

Неделя назад:

На сей раз группа террористов захватила установку с ядерной боеголовкой, выдвигая условия. И уже не нужно бы-

ло смотреть на часы, оставалось только одно – снова и снова посылать людей в одно и то же время, но разные горячие уголки на Земле...

Снова инструктаж. Генри вынимает бумаги и бросает их на столик перед Вудли. Тот невозмутим:

– Группа террористов захватила установку с ядерной боеголовкой... выдвигает условия... Миллиард долларов... Ха-ха-ха – миллиард долларов наличными!.. Координаты... Место встречи! – читает документы Вудли.

– Время, как понимаешь, тоже!.. Кто-то в небе начертил эту дату, – медленно серьезно произнес Генри, – водя рукой, – и теперь она светится в темноте. Дьявольская, мистическая точка во времени!

Вудли снова внимательно посмотрел на Генри-философа или скорее на уставшего человека, который медленно начинает сходить с ума.

– Мистер Генри, ничего страшного не случилось, будем работать, – успокоил он его.

Вечерело. Две группы вооруженных людей сходились в лесу на небольшой заснеженной просеке. С одной стороны стояла колонна, состоящая из нескольких грузовиков, с другой подъехала военная машина, оснащенная ракетной установкой. Каждая группа охраняла свой груз. Два человека сошлись, о чем-то поговорили, потом отправились к одной из машин. Они откинули с нее брезент, и один полез внутрь.

Разрезав картонный ящик, вынул пачку денег. Разорвал ее, и посыпались купюры. Человек поднес скомканную горсть купюр к глазам, понюхал, вытер лицо, чихнув, высморкался в нее, как в салфетку, и радостно отшвырнул вглубь машины.

– Пересчитывать будешь? – весело спросил Вудли. Тот спрыгнул с борта машины, отряхнул руки и ответил: – Нет, не буду. Верю... Тебе верю...

Махнул рукой, и его люди подкатили машину с ракетной установкой. Вудли хотел было сесть в кабину и уехать, но зачем-то спросил:

– Если бы тебе не заплатили, когда бы ты запустил ракету?

– Завтра! – радостно ответил тот.

– В 10.00 утра? – спросил Вудли.

– Да!?! – удивился тот, – а откуда ты знаешь?

Вудли, не ответив на этот вопрос, и задал еще вопрос:

– А почему ты выбрал именно это время?

Тот осклабился, мгновение подумал и ответил:

– Это не я его выбрал. Это время выбрало меня! Давай, – и махнул на прощанье рукой. Люди начали забираться в машины, колонны разъезжаться в разные стороны. Когда те удалились на 200 метров, Вудли в рацию произнес:

– Можно.

И в вечернем небе прочертили траекторию две ракеты. Они с грохотом вонзились в центр колонны террористов. Взрыв и снегопад из денег просыпался на белые сугробы с небес...

– А теперь я тебя выбрал, – пробормотал Вудли. Он постоял немного, посмотрел на падающий вихрь летящих купюр, забрался в кабину и уехал...

Это произошло неделю назад, а теперь, сидя с Вудли в кафе, Генри продолжал размышлять:

Совет квалифицированных экспертов рекомендовал одно – локализация конфликта, предотвращение и предупреждение на месте. Но, как можно локализовать ветер, который дует, куда ему вздумается, предотвратить дождь, поливающий холодными каплями землю, предупредить неизбежное... Предопределение...

Опять это слово всплыло в памяти. Неужели писатель прав? «Время стряхнет нас, как крошки со стола, и на этом все закончится». Но тогда какой выход? Вудли сидит напротив, пьет виски, он спокоен. «В любое место, в любое время я отправлюсь и решу любой вопрос, – скажет он. – К чему так беспокоиться?»

– Но нет гарантии, что после твоего возвращения в тот же проклятый миг не произойдет подобное, только в другом месте, – думал Генри.

– Значит, я снова отправлюсь туда и снова заткну чертову дыру, это моя работа. – Вудли, словно читал его мысли, он отхлебнул немного виски и бросил кусочек хлеба птице.

– И так до бесконечности, – молчаливо возразил Генри. – А время все уходит, оно сжимает реальный срок, который

остаётся до конца. Так уменьшается кусочек хлеба, который бросаешь птицам. Но птицы переживут, а человек, люди, человечество?

Генри был в тупике. Он впервые не знал, что делать. У него не было плана. Они с Вудли уже месяц затыкали дыры, но болезнь прогрессировала, и пациент был обречен. На его судьбе, как зубилом по граниту, был начертан приговор, и этот камень неминуемо превращался в надгробную плиту. А птицы все ходили, расправляли красивые крылья, помахивали ими, и, словно, говорили:

– Брось нам свое лакомство. Брось этот белый мягкий кусочек хлеба, а остальное так далеко, так нереально, что не имеет никакого значения, не имеет смысла...

И тут он, глядя на невозмутимого Вудли, в ужасе понял: Все это время они собственными руками провоцировали войну. Каждый раз, посылая туда людей и устраняя конфликт – убивая, взрывая, уничтожая – делали это теми же методами. Нельзя на крови построить Храм. Нельзя войной уничтожить войну. В этот миг для него все стало настолько очевидным, что он оторопел. И сколько еще раз они будут появляться со своим оружием там наверху, столько раз мир перевернется и будет разорван в клочья! Та роковая дата притягивала их, как в воронку, приглашая войти, что-то придумать, изменить, разорвать порочный круг, но появлялся Вудли...

Тогда, что же делать? – в ужасе замер он. – Не делать со-

всем ничего? Неужели мы проиграли эту войну? – обреченно подумал он.

23

Прошло три месяца. Теперь Леонид был абсолютно свободен на пути к своей основной цели. Установка работала. Его помощь больше была не нужна – Вилли сам прекрасно справлялся с гигантским огненным монстром. Там постоянно шли испытания, вернее, ее использование. Казалось, политики, наконец, добрались до желаемой игрушки, пытаются перестроить сквозь время целый мир. А тот мир с их политикой его совершенно не интересовали. Конечно, иногда он вспоминал Москву, белый пушистый снег, зиму. А она как раз сейчас была где-то там, замечая снегом московские улицы всего в 65 миллионах лет отсюда. Люди ходили в шубах, шапках, дети катались на санках и коньках, будки с мороженым простаивали в ожидании покупателей, но никто не обращал на них внимания, все скользили по этому снегу и льду, по своим зимним делам. А тут каждый день только горячее солнце и теплый океан. И еще работа. Работа, которая, наконец, давала ему возможность построить фотонный двигатель и перевернуть этот мир и холодныйю. зимний мир тоже где-то там «наверху»... А еще Валери...

Та зима иногда не давала ему покоя, работа не оставляла времени, а Валери не давала заснуть. Иногда, закрывая гла-

за и собираясь увидеть первые сны, он видел ее. А однажды теплым шумным вечером в толпе гостей острова на набережной, прогуливаясь с писателем, он встретил ее... (С Юрием он общался часто, тот был интересен ему. Прочитал несколько его книг. Удивительное, странное чувство возникало после прочтения. Казалось, что написаны они не о прошлом, не о настоящем, а о будущем, которое так волновало автора, и ничего настоящее этого будущего не существовало.)

И однажды он встретил ее. Вернее их. Валери шла вдоль берега, босыми ногами касаясь вечерних ласковых волн, держа за руку какого-то незнакомца. Так они босиком шли по пляжу, пока не натолкнулись на них. Его словно ударило разрядом тока, подтолкнуло, выбросило на берег, где не так давно утром он любовался девушкой. Но теперь эти двое вежливо поздоровались и пошли каждый своей дорогой... Еще какое-то время писатель и физик брели, забыв о своей беседе. Леонид уже не помнил, о чем они говорили, а Юрий не собирался вспоминать, заметив взгляд своего друга.

– А почему бы тебе не оказаться на месте этого барона? – неожиданно спросил его Юрий.

– Барона? – рассеянно повторил Леонид.

– Какого-то баловня королевских кровей, который имеет неплохой тенор, кучу денег, и не более того...

– Может быть, ей нравится, как он поет? – рассеянно пробурчал физик.

– Не валяй дурака. Мне показалось, что ты не прочь сме-

нить мою компанию, и был бы абсолютно прав. Охота проводить вечер со стариком, когда рядом такая женщина...

– Что ты предлагаешь сделать с этим бароном? Дать ему в морду? – спросил Леонид.

– Хотя бы это. Женщина не терпит безразличия. А после такого поступка на острове, может быть, появится полиция... Шучу! Но, ты просто болван! Если она тебе нравится, почему теряешься? Ты – Леонид Громов, русский ученый, молодой сильный мужик, а там какой-то барон...

– Но война..., моя работа и вообще..., – сказал Леонид.

– Войны были всегда, а любовь никто не отменял. И ничто никогда не мешало быть людям вместе...

– Пожалуй, нужно зайти в этот бар, – и Леонид указал на дверь ближайшего заведения.

– Пожалуй, – согласился писатель, украдкой улыбнувшись, и они скрылись в спасительной гавани для таких же одиноких холостяков...

24

После того, как Леонид получил все необходимое, он просиживал в лаборатории сутками. Наконец он создавал двигатель. Перед ним была масса деталей и элементов будущей модели. На бумаге он уже нарисовал ее, мысленно построил, даже испытал, но теперь на какие-то мелочи уходили дни и недели. Одно дело придумать и замахнуться на что-то новое,

глобальное, но совсем другое – воплотить это в куске металла, в небольшом объеме и сделать так, чтобы оно работало на любой машине, станке, лодке или самолете. Как ни казался грандиозным их проект на берегу, результат был бесформенным и не имел очертаний и границ – только огромный океан и пляж, где можно было до бесконечности увеличивать мощность и размеры установки. И совсем другое – из ученого, из физика, лабораторного червя превратиться в виртуозного инженера, когда гениальная идея уже разработана, опробована, оставалось придать ей форму и размер, поместив пылающее огненное сердечко в маленький изящный корпус будущего двигателя. Вот когда начинался высший пилотаж.

Когда-то великий да Винчи, получая заказы, быстро придумывал идею и саму картину, но потом, пользуясь уникальной техникой, писал по тридцать, по сорок слоев, накладывая краски на полотно, прорисовывая каждую деталь и мелочь. На это уходили годы. Заказчики роптали, нетерпеливо ожидая, отказывались платить, но когда, наконец, им показывали работу, прощали все и в восхищении преклоняли головы перед мастером.

Сейчас Леонид сидел за столом лаборатории, а перед ним был небольшой корпус мотора. Он был сделан на заводе по его чертежам там, «наверху», скорее всего, маленькими трудолюбивыми руками китайского инженера, который на расстоянии 65 миллионов лет ломал себе голову, для какого двигателя может быть использован такой корпус? Снова не

понимал, но идеально с чертежа воплотил в металле его замысел, и теперь Леониду оставалось только – собрать все, как детский конструктор, и проверить его работу уже здесь, в далеком прошлом. Иногда даже чувствовал, что находится не один, китайский инженер где-то рядом, он смотрит, помогает, дышит с ним одним морским воздухом. И не было так одиноко. Но это чувство пропадало, как только покидал лабораторию, шагая по острову, и вспоминал Валери, в который раз оставаясь наедине с собою.

– Чего я стесняюсь? Нужно разыскать ее и все. А дальше пусть решит сама, кто ей нужен, – однажды принял он такое решение.

На острове был большой яхт-клуб, и каждый желающий имел возможность выбрать себе корабль или лодку, плавать на ней, жить, ездить на далекие дикие острова на сафари, да все, что угодно. «Чертов коммунизм» – как когда-то назвала все это Валери. И однажды Леонид вспомнил ее слова.

Он, выбрав небольшую яхту, желая научиться ею управлять, отчалил от пирса и, помахав на прощание инструктору, одиноко поплыл по волнам.

– Сказочное удовольствие – плавать на таком замечательном судне, – думал он, отплывая от берега, а вокруг только океан, высокое небо бесконечным голубым куполом накрывающее водную стихию, их маленький островок, и он, один у штурвала корабля. Капитан – без команды, адмирал флоти-

лии, состоящей из одного корабля, – смеялся он над собою, продолжая плыть. Его целью было – освоить корабль, а потом проверить на нем свой двигатель. Для настенных часов тот был слишком велик, для электростанции мал, и тогда он подумал, что задуманный размер двигателя как раз подойдет для любого автомобиля или лодки... Автомобиль? К черту! Лодка намного интереснее, ведь не зря же он находится на острове! Поэтому сейчас учился ею управлять...

Он несколько раз обошел остров, научился причаливать, ровно швартоваться у пирсов, и, уже собираясь обратно, его внимание привлек шум за скалой. Нет, не шум – это была музыка или, скорее, пение. Он подошел ближе. На камнях стоял человек и пел тенором какую-то арию. Какую, Леонид не знал, да и не важно это было, а важно было то, что рядом покачивалась на мелких волнах небольшая яхта, где на корме сидела Валери. Она откинулась на широком кресле, загорала и слушала. Кровь прилила к лицу физика. Он выключил мотор, неотрывно следя за этими двоими, и никуда уплыть не собирался. Он готов был остаться здесь навсегда, позабыв о делах, готов был бороться за женщину, которую так нелепо потерял когда-то, но теперь увидел вновь. А чертов барон, ничего не замечая, самозабвенно выводил рулады. Он взбирался все выше и выше по камням на макушку скалы. И чем выше он поднимался, тем красивее и мощнее становился его голос. Певец знал, что им, безусловно, восхищаются и испытывал сказочное наслаждение. Ни одна жен-

щина не могла устоять перед ним и его удивительным тенором, поэтому сейчас он наслаждался собою, и этой очаровательной француженкой, которая, безусловно, принадлежала только ему одному... Ария закончилась, тенор постепенно вышел из вокального транса, грациозно склонялся в поклоне, но аплодировать было некому и бросать букеты тоже – прекрасная женщина исчезла из его лодки, из его жизни навсегда...

– Как он удивительно поет, – думала она. – Он так любит, когда им восхищаются, такой изысканный и тонкий, как женщина.

Тенор уже пел свою вторую и третью арию, а она в перерывах (антрактах) махала рукой, щурясь от яркого солнечного света.

– Но, иногда так хочется, чтобы тебя просто взяли сильными мужскими руками, ничего не пели, не говорили и куда-нибудь унесли, похитили – а, куда? Все равно...

Она уже засыпала. На жарком солнце ее разморило от высоких нот и размеренного покачивания лодки, и больше она не думала ни о чем. А во сне показалось, что какой-то мужчина склонился, заслоняя солнце своей широкой спиной, легко поднял ее и унес в неизвестность. Пение становилось все тише, и только ровное урчание мотора и плеск волн...

Поэтому, когда открыла глаза и увидела его, ничего не сказала. Так за ней еще не ухаживал никто. И приятная дрожь пробежала по телу. Леонид сидел рядом, смотрел на

нее, а она улыбалась своими зелеными глазами и знала, что они ему нравятся, и она нравится тоже. А лодка, словно понимая, тихо урча моторами, уносила их от этого берега в неизвестность океана, в неизвестность их новой жизни, их новой мечты...

25

Леонид завершал работу над своим двигателем. А в жизни произошли некоторые изменения, и он даже удивлялся, что иногда заставлял себя покидать Валери и отправляться в лабораторию. Но, у нее тоже была работа, поэтому вечерами после большого дневного расставания они с удовольствием встречались вновь и были вместе...

– Неужели женщина может заменить дело всей твоей жизни? – протестовал его разум. – Конечно же, нет!

– Неужели он сможет без нее? – пело в душе, – конечно, нет. Тогда, как выбирать? А нужно ли? Всему свое место и срок.

Наконец он успокоился, он ответил на все вопросы. А еще заметил, что теперь, даже в ее отсутствие, в лаборатории делал все как-то по-другому и делал это для нее. Валери тоже с радостью ждала вечера, и следующего тоже. Может быть, он не пел так замечательно, как тенор или баритон, но этот русский!.. Как сказал когда-то Генри: «У нас сегодня русский день». И теперь ее «русский день» наступал снова и снова,

не заканчиваясь никогда. Он был всегда рядом, и больше не хотелось ничего. А время шло, оно сжималось в призрачное облачко, неуловимо таяло, растворяясь, оставалось совсем немного – год и еще пара месяцев, несколько дней, часов, а потом...

Генри, привычно сидя на любимой веранде, бросил последний кусочек хлеба птицам. Одна, самая быстрая, подскочила и выхватила добычу из-под носа других. Ей повезло...

– Вот так, – подумал он, – и люди, совсем немногие, получившие билет в свое будущее, спасутся в этом далеком прошлом, а другие останутся там и закончат свой путь все вместе в проклятый час навсегда. Повезет немногим, и как изменить, как спасти тот мир, он не знал. Чтобы они не предпринимали, финал был неизменным, до конечной даты оставалось всего год и два месяца. Вудли всегда был рядом, он был невозмутим, спокоен, уверен в себе, он мог сделать все: пресечь любую провокацию, устроить переворот, начать или остановить конфликт, но тот мир и тех людей он переделать не мог. Этого он не понимал, потому был бесполезен и помочь не мог ничем...

Генри присмотрелся, и с удивлением наблюдал за происходящим. Пестрые птицы в панике испуганной стаей бросились в разные стороны, шарахнулись и улетели прочь. А ми-

мо них вдоль берега стремительно проплыло небольшое суденышко. Гул его двигателя был еще слышен, когда с другой стороны уже появилась точно такая же лодка. И она, промелькнув, исчезла вслед за первой, потом еще и еще. Целая флотилия одинаковых моторных яхт, следуя с небольшим интервалом, пролетали мимо. За короткое время их можно было насчитать штук пятьдесят. Все они были одного размера и цвета, как будто их спускали с конвейера. И все они с сумасшедшей скоростью пролетали мимо.

На острове не было такого количества одинаковых лодок этого размера – две или три, не больше. Генри прекрасно знал «парк» своих кораблей и не понимал – откуда эти? Неужели экспансия? Неужели канал найден, и теперь флотилия маленьких кораблей ворвалась в их пространство? Но это невозможно! Сегодня канал закрыт, а установка Вилли выключена, уже несколько недель ей не пользовались. Может, это Вилли, соскучившись по работе, что-то натворил? Вудли встал, взял у бармена бинокль и внимательно посмотрел вдаль. Он едва успевал настигать лодки прицелом бинокля, как те скрывались за далеким краем острова. Их уже проплыло, наверное, больше сотни, но они все прибывали и прибывали.

– Это Леонид! – вдруг воскликнул Вудли... – А это Валери! – снова произнес он... – и Леонид тоже... В следующей лодке тоже Леонид. Это одна и та же лодка! Генри, эта одна лодка, но она кружится вокруг острова с непонятной скоро-

стью!

Генри выхватил бинокль, и теперь сам наблюдал за этой гонкой.

– С сумасшедшей скоростью! – подтвердил он и добавил: – Он сделал это! Ну, русский! Вот чертов физик, посмотри, что он творит!

А на берегу начали собираться случайные прохожие, уже небольшая толпа зевак стояла неподалеку, и люди неотрывно следили за лодкой. А та, перестав исчезать, теперь рисовала восьмерки и широкие круги в океане у всех на виду.

– Ты сумасшедший! У меня кружится голова, – закричала Валери...

Когда он пригласил ее на небольшую прогулку, она не ожидала таких маневров. И, действительно, сначала лодка размеренно плыла вдоль берега. Потом Леонид увеличил скорость, и та, легко набирая обороты, пошла быстрее.

– Откуда у Генри такой быстрый корабль? – подумала она.

– Еще быстрее? – спросил Леонид.

– Да, – засмеялась она, будучи уверенной, что быстрее невозможно. Тут все и началось. Теперь они, как на большой карусели, вращались вокруг острова, а центробежная сила уже сносила их к бортам. Леонид захотел сбавить скорость, но не тут-то было. Энергия фотона, впервые вырвавшись, ни за что не хотела останавливать свой разбег. Она только начинала жить, действовать, а корабль все набирал обороты.

Люди на берегу едва успевали следить за судном, а эти двое, вцепившись в панель приборов и штурвал, едва не улетали в воду.

– Я тебе обещал сюрприз? – перекрикивал порывы ветра Леонид – Значит, будет сюрприз!

– Притормози!

– Не могу!

– Останови!

– Не могу!

Они хохотали, как сумасшедшие...

Наконец, Леониду все же пришло в голову прекратить это вращение, и он выпрямил курс. Лодка, как самолет на взлетной полосе, продолжала набирать скорость, теперь они за считанные секунды преодолевая целые километры. А впереди был бескрайний океан! Тогда они широко повернули, снова повернули. Что дальше? Оставалось только взлететь! Но их корабль не был готов к такому, он не умел летать! Винты вращались, как сумасшедшие, и тут люди на пляже увидели, как вода, вылетающая из винтовых лопастей, закипела и длинным шлейфом горячего пара потянулась за лодкой. Винты раскалились докрасна, и было непонятно, на чем они могли держаться при такой скорости. Потом лодка сделала еще пару кругов, на каждой волне подпрыгивая, пролетая десятки метров, опускалась, но снова искала новую волну и снова летела. Она училась летать! И так без конца! Что дальше?! И тут стало ясно, что она готовится к решающему

прыжку...

Вудли в прыжке профессионала накрыл своим телом Генри, которого сбил со стула, и в этот миг оба винта, как две раскаленные юлы, оторвались от лодки и полетели в сторону берега. Они пробили первую стену кафе, потом вторую и взмыли высоко в небеса. Где они носились, никто не видел, сколько это продолжалось, никто не помнил, потом две светящиеся точки, бумерангами промелькнув в вышине, вернулись, врезавшись в стену кафе, где и остались навсегда... А маленькое яркое сердечко там, на лодке, в глубине мотора, смеялось и вырвалось наружу. Оно было еще несмышленым ребенком, ему можно было простить все.

– Вот!.. Вот что мы будем делать! – заорал Генри, усаживаясь на полу. Он произнес это тоном человека, который только что сделал открытие, и теперь, не отрываясь, смотрел на этих двоих – Леонида и Валери, которые, мокрые от соленой воды, растерянно сидели в лодке, потерявшей управление. И сразу все само собой улеглось в голове:

– Фотонный двигатель! – лихорадочно бормотал он. – Бесплатное топливо! Мы дадим людям колоссальную энергию, которую можно будет использовать везде! Это рывок в науке и производстве. Они перестанут воевать, будут строить, будут жить и получать удовольствие от жизни, черт возьми. Нельзя затыкать дыры, когда планета как решето. Нужно исцелить тело цивилизации, тогда она с благодарностью сохранит души, живущие в ней. Нужно просто сместить акцент,

принести что-то новое, отвлечь их от привычной рутины, тогда появится надежда... А, значит, жизнь...

Тем временем физик, взяв в руки весла, уже отбуксировал свою лодку к берегу. Эти двое, как после аттракциона в парке развлечений, с трудом выползли на берег и, шатаясь, едва добрались до столика в кафе. Вернее, уселись под столиком на полу рядом с Генри.

– Русские горки, Леонид? – весело спросил Генри. – В следующий раз полет в небеса?

– Вроде того, – подмигнул Леонид.

– Тебе понравилось? – обратился он к Валери.

– Да уж! – восторженно ответила она, тряся растрепанной головой. Он засмеялся, люди вокруг тоже начали смеяться, поздравлять физика с новым изобретением. Женщины смотрели на него с удовольствием, а на Валери с завистью, и если бы здесь находился всем знакомый тенор, наверное, растрогавшись, он спел бы пару арий из своего репертуара, простив им все... Потому что гению нужно прощать все...

Часть 3

26

Генри понимал, какую брал сейчас на себя ответственность. Раньше все было по-другому. Они воздействовали на события, которые происходили в будущем, но не трогали прошлого. Это было естественным и не шло в разрез с существованием их в этих временных рамках. Другое дело – изменить настоящее. Иногда они делали это раньше. Достаточно вспомнить тех людей, которые попали сюда, и то удивительное спасение Громова от руки киллера. Так или иначе, жизни всех этих людей уже были изменены островом, и он теперь стал неотъемлемой частью их будущего и судьбы. Но природа для того и создала человека, чтобы тот мог что-либо изменить в настоящем ради будущего, но никак не в прошлом.

На острове существовала лаборатория времени. Там работали математики, философы, физики, историки... Словом, целая группа специалистов, которая исследовала и контролировала этот процесс. У них не было оборудования, установок или приборов. Они сидели за столом и проигрывали разные ситуации во времени. Просто играли и в итоге пришли

к серьезному выводу – со временем играть нельзя! Тогда эти люди предупредили Генри об этом, теперь каждая операция ими просчитывалась, и ошибиться было невозможно. Их вывод был такой: перемещаясь в далекое или близкое прошлое, нельзя касаться событий, видоизменяя их. Все дело в том, что время имеет некоторую «многослойность». Это не линия, даже не плоскость. Это большой слоеный пирог. Это объем, который мы пока не можем постигнуть разумом и понять. Конечно, часто бывает так, что человек, не зная и не понимая, стремится воздействовать на объект своего невежества, даже пытается уничтожить его. Так было в истории не один раз. Разрушение – один из путей познания. Но его предостерегли – со временем играть не стоит. Достаточно изменить что-либо в прошлом, наступает некий временной коллапс. Мы – люди, не умеющие обращаться с этим временем, попадаем в один и тот же момент в разные, параллельные плоскости, и не понятно, где тот мир, в котором мы живем. А, пытаясь понять многомерность этого временно-го пространства, теряемся и пропадаем, потому что постичь этого нам не дано. Возникает некий хаос, абсурдность ситуации. Мы находимся в прошлом, видим там себя, находимся с ним рядом. Каждый выполняет свои действия, которые противоречат друг другу, а результатом может стать многоплоскостной временной хаос, который контролировать и предвидеть будет нельзя. Вот тогда и возникает конфликт между некоторыми временными пересечениями и нашей жизнью.

Конечно, природа справится с этим парадоксом, но человек нет, и последствия могут стать непредсказуемыми.

Можно возразить, что сама идея жизни на острове в далеком прошлом уже нарушает этот закон, здесь уже происходит воздействие на будущее. Но в лаборатории времени объяснили, поскольку остров все равно погибнет, а произойдет это задолго до появления на планете человеческой расы, такое воздействие на будущее цивилизации минимально, хотя, безусловно, есть. Именно поэтому Вудли не должен был снова попасть к Бобби во второй раз и отменить свои действия. Встретив там самого себя и отменив то, что ты сделал вчера, ты меняешь завтрашний день и себя тоже. Ты попадаешь в параллельные плоскости времени, и где потом искать себя – не знает никто...

И теперь Генри мучительно принимал решение. Стоило принести людям туда, «наверх», изобретение Леонида (его фотонный двигатель), повернуть все назад будет невозможно. Это закон! То, что случится сегодня, останется в этом дне навсегда. А дальше наступает завтра уже вместе с этим событием. Так устроен мир...

А время идет параллельно и там и здесь, куда бы тебя не забросила временная нора, его становится все меньше. И теперь нужно было тысячу раз просчитать последствия такого решения. Но не делать ничего было нельзя – время «конца» приближалось...

Генри последний раз встретился с учеными из временной лаборатории. Что они могли ему посоветовать? Ничего. Ничто не возможно предвидеть в масштабах такого события. Это совсем новое, радикальное решение. Готовы ли к нему люди? Наверное – да. Это, безусловно, облегчит им жизнь. Все станет доступнее и дешевле. Все, что производилось ранее, потом перевозилось, перелетало, охлаждалось или согревалось, освещалось и так далее... все имело невероятные затраты на ту или иную энергию, а теперь она становилась для бесплатной и в буквальном смысле бралась из воздуха.

Готовы ли к этому политики? Генри сейчас это интересно меньше всего. Те будут ждать указаний своих хозяев, из чьих рук привыкли кормиться, и поэтому к общему народному ликованию они не имеют никакого отношения, да и вряд ли способны на что-то сами по себе. А вот будут ли довольны их покровители – сильные мира сего, в чьих руках сосредоточены все блага человеческие, – это большой вопрос! И теперь эту проблему предстояло решать.

Он стоял на берегу, размышляя об этом, и всматривался вдаль, где должна была открыться воронка и через какие-то секунды появиться вереница судов с хозяевами и членами правления «организации». Такие встречи происходили редко – раз в несколько лет. Обычно проводились телефонные переговоры или видеоконференции. Для этого Генри поднимался «наверх», и со своего корабля проводил переговоры и видео-встречи, а потом возвращался на свой остров. Но те-

перь, когда ситуация обострилась, нужно было встретиться, пожать друг другу руки и подтвердить намерения. Все эти люди были не простыми гражданами, обремененные огромными состояниями, реальной властью а, некоторые из них, даже совестью. Но, сколько людей – столько мнений, поэтому нужно было встретиться, посмотреть друг другу в глаза и договориться. А от каждого из них сейчас зависело многое. Почти все...

Воронка гостеприимно распахнула свои ворота, и из них, едва помещаясь в этом водовороте времени, начали появляться корабли. Это были яхты и лайнеры, совсем не похожие на те, которые остались на острове, даже принцы и президенты приплывали сюда на судах, казавшихся песчинками рядом с этими кораблями-гигантами. Это были плавающие острова, корабли-города, корабли-дворцы, куда могли поместиться сотни людей, но на каждом из них находилась небольшая команда и члены тех самых семейств, которые и отправились на эти переговоры. Генри с почтением принимал каждого у своего пирса, пожимая руки. Организация начинала съезд...

Встреча проходила в просторном зале большой виллы, которая была построена для подобных раутов. Пожалуй, впервые здесь появились люди в костюмах, которых сопровождала охрана. Нет, бояться здесь было некого, все прекрасно

знали об этом. Система «билетов» на остров была столь совершенна, что здесь собирались только лучшие – элита. Но, так полагалось. Единственно, чего на них не было – это галстуков. Наконец, люди заняли места за большим столом, и наступила долгая пауза... И тишина...

Здесь сейчас сосредоточились все деньги мира, сила и мощь, вся полнота власти. Эти люди могли одним небрежным движением купить страну, устранить кризис на планете, обвалить самую сильную мировую валюту, повернуть реки вспять. Одного не могли они сделать порознь: отменить тот проклятый день и остановить неизбежное, а поэтому сейчас сидели, смотрели друг на друга и молчали.... Там, «наверху» они могли потерять все. Их бизнес, работа, жизни оказались под угрозой. Бывают ситуации, когда мы все равны. Поэтому они приехали говорить и договариваться.

Разговор был тяжелым. Все знали причину встречи, всем был разослан план Генри и протокол встречи. Почти все эти люди черпали свои неистощимые богатства из глубин той самой земли, добывая нефть и газ, природный уголь. И поэтому нужно было найти решение, которое устроило бы всех.

– Я рад приветствовать уважаемое собрание..., – начал Генри свою тщательно подготовленную речь. Он немного волновался, как всегда выглядел достойно, убедительно, и все со вниманием уважительно слушали его.

– Всем вам были разосланы приглашения и наш новый

план действий... – продолжал он, – поэтому вы в курсе последних событий. Сейчас мы должны вместе принять решение. В таком непростом деле там «наверху» понадобится помощь каждого из вас...

Он долго говорил, приводя известные факты, а люди слушали, продолжая молчать. Их окружала обстановка привычного благополучия. Повсюду виднелась изящная мебель, шикарные диваны и кресла, дорогие ковры украшали полы, на стенах висели канделябры и картины, в углах стояли какие-то статуэтки. Не какие-то, а уникальные подлинные произведения искусства. Этот дом был построен в традициях старой Англии, и его дед когда-то придал этому зданию пафос великолепия и роскоши. Так они жили там, у себя дома, так же ему хотелось все повторить и здесь. Словом, великолепный уголок Старого Света. В больших клетках расхаживали птицы, похожие на фазанов. Они чинно кивали головами, чопорно друг другу кланяясь, иногда снисходительно поглядывая на людей. Они прекрасно соответствовали этой роскоши и вели себя достойно – насколько могут быть птицы достойными.

– ...мы не введем производство или науку в коллапс. Не устроим новый виток мирового кризиса – скорее наоборот... – все говорил Генри. И тут его внимание привлек шум из клетки. Продолжая речь, краем глаза покосившись на нее, он вдруг заметил, что одна из птиц схватила из кормушки кусок кровавого мяса, уже собираясь его проглотить, но дру-

гая зачем-то кинулась к ней и начала клювом вырывать еду. В кормушке было много мяса, свежего и сочного, но почему-то именно этот кусок стал причиной раздора, и шум продолжался. Это был невысказанный конфуз! Но Генри продолжал. А обе птицы, еще минуту назад такие важные и чопорные, теперь безжалостно с криками рвали на части свою добычу, выхватывая ее друг у друга. Генри попытался продолжить, но птичий гвалт нарастал. Уже был отброшен и забыт злосчастный кусок мяса, а эти двое, словно сняв с себя фрак и галстуки, били друг друга крыльями, клевали, толкались, запрыгивали друг на друга, издавая при этом невысказанные звуки. Гости уже начали коситься в их сторону, забыв о важных переговорах, а птицы продолжали свой бой. И куда исчезли все их манеры – было непонятно. Генри, не выдержав, подошел к клетке, стукнул по ней рукой, потом взял плед и накрыл ее. Птицы мгновенно присмирели, и только их возмущенные головы теперь торчали сквозь прутья, наблюдая за своим обидчиком. А Генри вернулся к столу, закончив речь:

– И проблему эту предстоит решать нам всем, – произнес он.

Теперь все сидели, позабыв о недоразумении, смотрели друг на друга, на остров, небо сквозь огромные окна и снова молчали... Кромешная тишина повисла в просторном зале, только легкий ветерок шелестел за окном, раскачивая портьеру. Это была очень важная пауза, и люди, сидевшие

за длинным столом, тоже были очень важными, особенными, они снисходительно свысока посматривали по сторонам, поскольку по-другому смотреть давно разучились, а, может быть, и не умели никогда. Каждый их взгляд был на миллиарды, слово на триллионы, и то, что будет сказано сейчас – решит все.

– Генри, к чему такая спешка и почему мы не используем привычные методы, – наконец, нарушил тишину один из них. – У нас большая организация, которая способна решить любую проблему, где бы она не возникла.

Он говорил медленно, весомо, и слова тяжело, убедительно срывались с его уст, отражаясь эхом от стен и потолка, картин и статуэток. Речь его была вязкой, как поток мазута, выходящего из трубы, как река нефти, которая только что забила фонтаном, но ее тут же замкнули, тяжелыми насосами надавили на эту густую массу и баррелями погнали по всему миру.

– Слишком много желающих создать нам проблему и слишком мало осталось времени, – ответил Генри. – Там, наверху у нас остался всего лишь год... Один год! А мы до сих пор стоим на месте... Как вам это объяснить?...

Он задумался, подбирая слова, и снова заговорил:

– Что-то мы делаем не так, господа! Невозможно старыми методами добиться желаемого. Насилие по своей сути порождает насилие, и никакой мир на крови не построишь. Ви-

димом, в этом все дело...

– Ты уверен, что мы использовали все наши возможности? – спросил другой. Слова этого человека прозвучали, словно тяжелые бревна сплавлялись по широкой реке. Они пахли торфом, угольной пылью, потом шахтеров, битвами с профсоюзами, вагонами, которые стучали железными колесами, развозя черный груз по бесконечной колее дорог.

– Нет, не уверен, поэтому предлагаю именно такой гуманный план... Только создавая, а не разрушая и затыкая бреши, можно решить этот вопрос... Думайте, господа,... решайте!

При слове «гуманный» многие из людей усмехнулись, но ничего не сказав, продолжали молчать.

– А мне этот проект понравился! – внезапно живо откликнулся один из них. Он широко улыбнулся, и его зубы, как перламутр, засверкали блеском слоновой кости, а глаза заискрились алмазами в тысячи карат.

– Жизнь станет легче, люди богаче, – продолжал он. – Можно будет освоить новые территории, месторождения, пользуясь такой бесплатной энергией, забраться под вечные льды! Кое-что намыть и там!

– Твой алмазный и золотой бизнес не пострадают! – резко перебил чей-то голос. – Не забывай, что многие из нас сидят на трубе. Акции рухнут в один момент.

– Акции продаются и компании тоже, – парировал алмазный магнат. – Тем более, сейчас, когда они на взлете! Просто

сделай вовремя правильный ход!

– Ты же не хочешь уступить свой бизнес и прикрыть дело? – настаивал нефтяной магнат, – так что не забывайся! И ты тоже, – кивнул он кому-то, – со своим медийным хозяйством только выигрываешь! А что делать нам, перекрывать трубу?

Господин, к которому он обратился, засмеялся, прищурился и живо ответил:

– Мозгов должно хватать, чтобы при любом раскладе быть всегда на коне. Тебя никто не заставлял всю жизнь вагонетки таскать или вырубать леса. Головой нужно было думать, в колледже хорошо учиться! Нужно будет – значит продашь свою трубу – невелика потеря!

Нефтяник от такой наглости задохнулся:

– Сильвио, мы поговорим с тобой в другом месте и в другое время! Ты обнаглел, старый гаденыш. Сам не помнишь, каким умом забрал себе государственные каналы, кто тебе помог в этом деле, и кто тебя туда поставил?... Продавать мои акции! Мне такое сказать?...

– А кому нужны будут это дело, и эти акции через год? – попытался остановить их Генри. – Всего один год, господа! Остался всего год! А в случае провала операции все вы переедете с семьями сюда, на мой остров и сможете остаться здесь. Вы ничего не теряете, а мы можем хотя бы эту попытку предпринять! Использовать этот шанс!

– Ха-ха-ха, – засмеялся Сильвио. – Что мы будем здесь

делать на твоём острове? Наденем панамы, шорты, сядем на свои яхты и поплывем на сафари, будем стрелять динозавров и мамонтов? Или петь на эстраде твоего цирка и удивляться, почему так плохо аплодируют? – теперь он со свойственным ему сарказмом накинулся на Генри, темпераментно говорил, говорил, и прервать его было невозможно. Как будто тысячи телевизоров включились одновременно, тысячи голосов начали вещать свои новости, телешоу, викторины и боевики. А последним аккордом на головы собравшихся свалился мощный водопад рекламных роликов и клипов. Он бил по мозгам, звучал немислимыми мелодиями и мелькал, извиваясь в шумном танце, выплескивая на всех рекламируемую ерунду – призывы и лозунги, деньги и скидки. И заглушить его было невозможно.

Шум голосов пробежал по ряду. Все начали вскакивать с мест, готовясь сцепиться в крепкой схватке. Генри неожиданно бросил взгляд на клетку, откуда из-под покрывала торчали взъерошенные головы птиц. Те с испугом смотрели широко раскрытыми, круглыми глазами, растерянно моргая. Они никогда не видели такого, поэтому были напуганы. И, глядя на этих кричащих людей, на мгновение Герни показалось, что сегодня он уже видел нечто подобное. И взгляд его упал на маленький кусок мяса, о котором все давно позабыли...

Наконец, взял слово старейший из этих уважаемых людей. Пожалуй, он терял больше остальных, и от его решения за-

висело все. Во время переговоров он сидел и молчал, принимая непростое решение, но когда заговорил, умолкли все.

– В конце концов, нам не привыкать начинать все с нуля, – начал он свою короткую речь, медленно выговаривая слова, и каждое было на вес золота.

– Когда меня в детстве привезли из моей маленькой страны в Новый Свет, у меня в кармане не было ничего, да и кармана не было, только надежда, молодость и голова...

Он посмотрел на прочих в этой комнате, и те смешались, начали поправлять пиджаки и усаживаться на места. А тот продолжал, и голос его эхом отдавался от высоких стен закрытых тяжелыми решетками, от глубоких хранилищ, где были сокрыты все сокровища мира. Там не было запасов нефти и угля, не пахло потом рабочих, не скрывались залежи газа или торфа, алмазов и драгоценных камней. Там было чисто и светло, горел яркий электрический свет, а вокруг только деньги, тонны бумаги, длинные вереницы нулей на электронных счетах. Там не было даже золота, только деньги и больше ничего. А значит, там было все! Поэтому он спокойно продолжал, а все его слушали:

– Молодость я выменял на деньги, голова пока при мне, а начинать новое дело никогда не поздно. Ха-ха-ха! Правильно я говорю? – и строго оглянулся по сторонам. – Как ты говоришь, Генри, называется эта штука?.. Фотон?..

Он посмеялся еще, мгновение помолчал и подвел черту:
– Что же, Генри, значит, будем торговать фотоном, –

непререкаемо сказал это, и опять строго посмотрел на остальных. – Мы поможем твоему ученому, Генри. Я сделаю его самым богатым человеком планеты, после меня, конечно... Все!

Разговор был окончен.

Теперь все прохаживались, мирно беседуя, по уютному зеленому дворику с бокалами в руках. Вокруг маленькие фонтанчики, снова какие-то птицы в клетках, стол с восхитительными закусками. Скромный фуршет. Скромный, потому что трудно было удивить этих господ чем-то еще...

К Генри подошел один из гостей:

– Почему бы тебе самому не заняться алмазным промыслом? – дружески спросил он. – Все месторождения и разработки известны, ты мог бы найти их здесь, на твоём материке? Стал бы ещё богаче!

– Будущее! – дружески ответил Генри. – Мы не можем посягать на него. То золото и алмазы, которые сегодня заберем отсюда, больше не появятся там, в нашем времени, а значит, мы изменим его.

– Генри, иногда мне кажется, что я в любом времени буду иметь столько же, сколько и сейчас, – посмеялся тот. – Ну, а если не наступит завтра, и мы окажемся здесь, на твоём острове, ты продашь мне лицензию на алмазный промысел? – в шутку спросил он.

– Я уже понял, дружище, что сейчас ты решил провести

геологоразведку прямо здесь, в моем доме, – посмеялся Генри. – Ты хочешь, чтобы «завтра» не наступило? – в шутку парировал он.

– Нет, Генри. Не хочу, – уже серьезно ответил собеседник.

– Тогда оставим золото и алмазы в покое. Пусть будут там, где они сейчас, – так же серьезно ответил Генри.

– ОК!

Золотопромышленник хлопнул его по плечу, и они выпили...

Генри вздохнул с облегчением. Встреча была закончена, вопрос был решен, теперь оставалось дело за малым. Перевернуть эту маленькую планету. Перевернуть и заставить людей жить по-другому: строить, и не разрушать. А рычаги у них теперь были все: на острове, у Леонида в лаборатории и 65 миллионов лет спустя – там, «наверху»...

27

Небольшая яхта медленно отходила от причала. После появления на острове кораблей-гигантов такое событие казалось незначительным для этих мест. Сейчас неприметное суденышко подплывет к воронке, войдет в нее и незаметно исчезнет, растворившись во времени, а на одиноком пирсе останутся только Генри и Валери. Эти двое смотрели на наш кораблик, провожая его в далекий путь, и каждый думал о

своём.

– Кто эта женщина? – наконец нарушила молчание Валери.

На палубе видны были две фигуры – Леонида и какой-то смуглой незнакомки.

– Его менеджер и секретарь, – ответил Генри.

– Симпатичная, – произнесла Валери. Генри помолчал немного, а яхта уже подошла к воронке.

– Очень толковый и грамотный специалист, – наконец добавил он. Они молча смотрели в сторону яхты, а те двое тоже молча на них, пока воронка времени не поглотила наш маленький корабль. Больше Валери не произнесла ни слова.

А лодка, через мгновение, преодолев миллионы лет, появилась на ровной спокойной поверхности океана уже с другой стороны воронки, где вокруг только океан и совсем другая жизнь. И вдруг Леониду показалось, что все это сон, который внезапно закончился. И остров, и Генри, прочие люди, установка – все это мираж! Теперь он любовался знакомым небом и солнцем, которые не видел столько времени! Больше года!.. Или, точнее, 65 миллионов лет!..

– Мираж! – снова подумал он, – Валери тоже мираж?

– Меня зовут Глорис, – произнесла незнакомая женщина. – Я буду представлять ваши интересы.

Леонид оглядел ее, словно заметил впервые, отвлекаясь от своих мыслей – Валери все еще стояла перед глазами. Теперь он увидел очаровательную девушку, смотревшую на него с

улыбкой, и про себя подумал: – Как она красива!

– Да, Глорис, – произнес он, – мне Генри говорил о вас.

Глорис с удовольствием отметила на себе этот взгляд и снова улыбнулась. Она давно привыкла к таким взглядам, но никогда раньше не имела дело с таким человеком. Человеком-легендой, который сейчас, настоящий, живой, стоял перед ней – оставалось только протянуть руку и дотронуться.

– Почему бы нет? – подумала она и протянула руку, ощутив крепкое мужское рукопожатие...

Как любое начинание, все удавалось не сразу, не так быстро, как хотелось, и не так легко. Но тот, с которым Генри и все, имеющие к этому отношение, взялись за работу, преодолевало любые препятствия на пути. Проверять результат было рано. Пока Леонид и его люди находились там, в настоящем, пока они пытались его изменить, каждый день приносил что-то новое. А потому Генри не включал установку Вилли – заглядывать в будущее не имело смысла, оставалось ждать. Работать и ждать...

Леонид впервые за этот год отправился в свое время. Он имел документы со своим именем и гражданством, имел охрану, как у президента, и постоянно перемещался из одной страны в другую. У организации было много штаб-квартир по всему миру, связи почти со всеми правительствами и странами, и неограниченные возможности. Вот, когда он сумел оценить тот размах, с которым они могли действовать

на Земле. В его обязанности входил контроль над производством двигателя. А, пока он переезжал с места на место, посещая лаборатории, где все готовились к началу производства.

И снова перелет, ставший уже привычным. Глорис была как всегда рядом, теперь она была его тенью. Тенью, на которую все смотрели с удовольствием и восторгом. Она, словно обрамляла его жизнь удивительным обаянием и красотой, и он уже к ней привык. Только она пока не привыкла к угловатому русскому, который почему-то равнодушно на нее смотрел. Но всему свое время...

– Здесь строится наш первый завод, – нарушила молчание Глорис, когда в окне иллюминатора появилась незнакомая местность. На дне широкого ущелья стоял огромный палаточный лагерь, а рядом был виден уже почти готовый фундамент будущего завода.

– Завода? – удивился он. – Здесь работы еще на годы, пока не появятся цеха!

Глорис улыбнулась, но промолчала. Потом какие-то люди бросились к трапу, встречая их. Они открывали двери, потом везли их на машине, показывая огромную территорию. Заходили в палатки, где уже стояла... техника! Да-да! В палатках находились станки, а за ними работали маленькие трудолюбивые китайцы. Они, как роботы, четко выполняли свою работу. И так было везде. Тысячи китайцев... Миллиарды! У него закружилась голова. А на возводимом фунда-

менте работали тысячи маленьких людей. Все напоминало большой муравейник, и зрелище это потрясало.

– На днях будет готов первый миллион автомобильных двигателей, – произнесла Глорис.

– Но, завод еще только строится! – опешил Леонид.

– Первый миллион, – повторила она и снова улыбнулась. А они все продолжали переходить из палатки в палатку, наблюдая за рабочими. Эти люди, казалось, могли трудиться сутками, невзирая на жару, невысокую зарплату и временные трудности. Как маленькие железные роботы, они выполняли все в точности, не уставая и не ошибаясь. А вот и огромный ангар, где первый миллион автомобильных двигателей был готов к отправке в любые страны мира. Громов был потрясен, он с недоумением взирал на все, и не хотел уходить, а на каждом двигателе сиял логотип, где латинскими литерами были выбиты символы с его именем. Двигатель с названием – «GROMOV». Только этого он почему-то не замечал...

– Вот ваш офис и квартира, – произнесла Глорис, – когда они, обойдя гигантскую территорию, устало приблизились к городку, где находились тысячи крошечных бунгало. Его дом выгодно выделялся на фоне этого однообразного городка. Это было уютное пластиковое строение, размером больше, чем остальные. Рядом был припаркован автомобиль. Оказалось, он уже был оборудован фотонным двигателем и теперь ждал своего хозяина. Они открыли двери и

переступили порог. Глорис протянула ключи и телефон:

– Звоните, когда появятся вопросы, – произнесла она. – Отдыхайте, мистер Громов...

И он с удивлением посмотрел на эту молодую красивую женщину, которая, казалось, не уставала никогда. Выглядела она потрясающе, безукоризненно, готова была предупредить любую его просьбу и решить любой вопрос.

– Мой дом напротив, – произнесла на прощанье она, – звоните, если что, я всегда рядом, – добавила это, и напоследок улыбнувшись, исчезла. И на мгновение ему показалось, что эта женщина идеальна, насколько может быть идеальной женщина и секретарь...

Пошатываясь, после сумасшедшего нескончаемого дня, он медленно зашел внутрь уютно обставленного домика, в котором были маленькие окошки, и вспомнил огромные окна в номерах отелей и виллах на острове. Вспомнил Валери. Потом, усевшись на диване, устало достал из кармана куртки записную книжку и вынул ее фотографию. Поставил на журнальном столике, неподалеку от себя и, посмотрев, вслух произнес:

– Мы в Китае. Мою секретаршу зовут Глорис. У нее смуглая кожа, потрясающая фигура и улыбка. И еще... Мы уже сделали первый миллион двигателей...

Утром он вышел из домика, встал на пороге и посмотрел на долину. И завертелось все перед его глазами – палатка за палаткой, станок за станком. Так же стремительно, как они сюда летели, как менялись виды за окном, теперь мелькали все эти уголки большого хозяйства. Сотни, тысячи людей – они что-то несли, тащили, волочили. Муравейник увеличивался в размерах, люди на машинах сновали мимо, пробегали, проезжали, грузили, а завод рос прямо на глазах. И вот уже явилось огромное, сверкающее пластиком, здание на зеленой лужайке с заасфальтированными дорожками. А рядом не палатки или убогие бунгало-временки, а ряды современных коттеджей, с цветниками и фонтанчиками, детьми, играющими во дворах. Целый город появился на глазах за считанные секунды – как в кино! Люди бодрой походкой проходили мимо, на ходу здоровались, улыбались и мчались дальше. Тысячи людей, миллиарды!

А где-то там, за пределами этой долины, бесконечной зеленой пустыни, все телеканалы и газеты, средства массовой информации, все сводки новостей пестрили фотографиями любимого детища, сверкая рекламой двигателя и его изобретателя. Теперь Леонид был знаменитостью. Его знали во всем мире, а двигатель был назван в его честь. Только он один этого не знал, газет не читал, по улицам не ходил и получал сказочное наслаждение от такой жизни и работы. Не хватало только Валери. Но, она болела за его дело и ждала где-то там, на далеком-далеком острове.

Прошла неделя, за ней другая, закончился месяц, уже второй. Ему некогда было задумываться и вспоминать о чем-то еще, время заполняла нескончаемая работа, а, возвращаясь по вечерам в свой дом, он падал, заканчивая день, чтобы завтра начать другой. Завод продолжал расти на глазах, миллионами выпуская двигатели, которые развозились по всему миру.

Однажды вечером на закате долгого дня он огляделся и не захотел возвращаться в свой одинокий дом. Неподалеку, на окраине этого рабочего поселка, виднелась небольшая возвышенность, и зачем-то он побрел туда. Без труда взобрался на гору, может быть не гору, на холм, или косогор (сейчас было не важно), и удивительное чувство захватило его. Горыдок там внизу, где творили чудеса тысячи мастеров-трудяг, был как на ладони. А дальше только бесконечная долина, отблески сверкающего заходящего солнца, море песка, а еще дальше океан. Леонид был в возбужденном состоянии, долго оглядывался по сторонам с волшебного места, откуда открывалась потрясающая картина. Разве можно сравнить этот мир с крошечным островком, кучкой пепла и песка, с черной горой, который скоро, очень скоро, отправится на дно после извержения вулкана. А здесь... Казалось, вся планета, освященная заходящим солнцем, распласталась перед ним...

И тут он в ужасе вспомнил такой же холм, такое же яркое солнце, а с холма того виделись деформированные дома, раз-

рушенный мир, изувеченная планета, где только крысы были повсюду. Они выжили, продолжая свой долгий век. Планета крыс. И еще стадион... Громов снова огляделся. Так, что же лучше – остров или этот мир под ногами, и не знал, как ответить на этот вопрос. А еще табло со счетом 1:0, крысы, а где-то там крошечный островок в далеком прошлом с вулканической посередине. Обреченный остров или обреченный мир! И Валери... Валери, где ты???

Он спустился с холма, продолжая размышлять.

– Сказка? Мираж? – снова вспоминал он о Валери. Но, Глорис отвлекла его от этих мыслей. По странности, она всегда появлялась в тот момент, когда он думал о Валери. Может быть, на той горе она тоже находилась рядом, просто он не замечал, но она следовала за ним, как тень. Красивая, восхитительная тень, которой он не заслужил... Впрочем, почему бы нет?...

А сейчас, разыскав его, Глорис торжественно произнесла:

– За эти два месяца, что мы здесь работаем, сделаны десять миллионов двигателей и отправлены в разные страны.

– Как просто! – подумал он. – Организация, владеющая огромными средствами, всего за два месяца внедрила изобретение, которое перевернет все на планете. Воистину, миром правят деньги. Все просто и легко! За такой короткий срок!

И замер, подумав, что эти два месяца были для него од-

ним коротким мгновением, вдруг снова вспомнил о Валери, и понял, что время это было целой вечностью. А еще понял, как он скучает по ней.

– Мы закончили, мы можем возвращаться на остров? – спросил он Глорис.

– Нет! Все только начинается, – улыбнулась она в ответ. – Сегодня мы летим в головной офис. Там наш штаб.

28

Снова дорога, горы, самолет, долгий стремительный перелет, в иллюминаторе неизвестный город мерцает вечерними огоньками, встреча у трапа, машина, потом высокое здание. Они заходят – огромный холл, длинный коридор, лифт. Стремительно поднимаются на невероятную высоту, и, уже, кажется, что будут так двигаться вечно. А конца этому восхождению нет. Нет крыши у этого здания, нет остановок, только этаж, и еще один... и только наверх. Наконец, просторный зал. Он похож на центр управления космическими полетами. Сотни людей, ряды столов, компьютеры. На стенах нагромождение экранов. Одни пестрят графиками, биржевыми сводками, другие лентами сообщений, на третьих громко вещают новостные каналы. И часы... Большие круглые часы выстроились в строгий ряд на стене, отсчитывая свое время, свой час. И на мгновение показалось, что все время на планете поместилось на этой стене. В зале неверо-

ятный шум и гвалт, на этих двоих никто не обращает внимания, и вдруг... тишина... Невероятная тишина после стремительно перелета, гонки по планете и взлета на этот небесный этаж.

– Мистер Леонид Громов! – торжественно произносит Глорис. Люди поднимаются с мест, и гром аплодисментов слышится со всех сторон. Это напоминает раскаты надвигающейся грозы, невероятной бури или цунами, которые сейчас выбьют огромные окна, потоки ураганного ветра пронесутся над землей и сметут все на своем пути. Леонид смущен, он не готов к такому приему. Он никогда не был в подобной ситуации, и сейчас робко стоит, переминаясь с ноги на ногу, неуклюже кивая головой. Шквал стремительно пролетел и так же быстро утих. Все занимают свои места, громкие голоса, шум, новостные сводки и снова работа.

– Этот штаб больше, чем наш завод, – удивился Леонид, – зачем все так сложно? – говорит он Глорис, приходя в себя.

– Так и должно быть, скоро вы все поймете, господин Громов, – улыбается она.

– Не понимаю? – удивляется он. – Главное мы уже сделали, собрали миллионы двигателей, развезли их по всему миру.

– Остается дело за малым! – смеется она. – Продать!

А его внимание сосредотачивается на огромном телевизоре, который свисает с потолка. На экране монитора идет передача новостей. Он видит свою фотографию, кадры съе-

мок на китайском заводе.

– Когда они успели? – думает он. А новостная лента продолжает вращаться своим чередом:

– Мистер Громов! Русский ученый и красавица-француженка – его жена!

Он в ужасе замирает, увидев свое изображение на фотографии рядом с какой-то женщиной, а текст за кадром продолжает вещать:

– У них трое детей. Вот они проводят свой отпуск на Ривьере.

– У меня нет жены! – восклицает он.

– А эта вас не устраивает? – спросила Глорис. И на экране крупным планом – лицо улыбающейся Валери.

– Жена!.. Но, у нас нет детей!

– Ничего, привыкайте! – деловито возражает Глорис, – вам сорок, мистер Громов. Значит, у вас есть красавица жена и обязательно должны быть дети. Трое! Нам некогда переписывать сценарий!

– Но, у нас нет виллы на Ривьере! – восклицает он.

– Уже есть! На Ривьере, домик на Гавайях и небольшой остров в Атлантике.

– И даже собака! – удивляется он, глядя на экран.

Снова новостная лента. На экране холлы автосалонов, витрины сверкающих автомобилей.

– Двигатели прошли сертификацию, и будут успешно за-

меняться на автомобилях любой модели. Старые автозаправки больше не нужны. Машины будут заправляться прямо на ходу обыкновенным воздухом... Вопрос у нашего эксперта!

– Воздух на высоте десяти тысяч метров разрежен, как же будут пополнять запасы топлива самолеты?

– Самолеты будут заправляться обыкновенной водой, но при взлете, посадке и на средних высотах они смогут добирать прямо из атмосферы воздух. То есть, смогут находиться в полете, пока не закончится их летный ресурс. Появятся летающие отели, офисы... Или небольшие фабрики для тех, кто хочет сэкономить на аренде земли... Шутка...

Глорис, посмотрев на часы, потащила его из этого помещения:

– Поторопимся! У нас пресс-конференция.

Снова они куда-то несутся, снова бесконечные этажи, коридоры, лифты. Наконец, большой светлый зал в этом же здании, где их встречают сотни журналистов, спят вспышками, спрятаться от которых невозможно. Рядом с Громым за длинным столом Глорис. Она уверенна и спокойна, с улыбкой заглядывает в линзы объективов и готова к любому вопросу. Леонид на секунду замер и прищурился. На мгновение он почувствовал себя персонажем какого-то мультфильма или, скорее, рекламного клипа, где все мелькает, меняется, а он несется куда-то, перескакивая с кадра на кадр этой стремительной киноленты.

– Мистер Громов, вы уже заработали свой первый милли-

он? – слышит он первый вопрос репортера... Он молчит... Он оцепенел. Он не успевает за этой невероятной гонкой! Глорис отвечает за него:

– Мистеру Громову некогда заниматься такими пустяками, как считать миллионы, но свой первый миллиард он уже заработал.

В зале гром аплодисментов и вспышки камер.

– Вы до сих пор находились в тени. Мы не знаем о вас ничего. Какие премии вам были присуждены ранее?

Он снова молчит. Глорис отвечает:

– Изобретение фотонного генератора направлено в Нобелевский комитет. Дальше, как понимаете, вопрос времени. Небольшого времени.

– Как можно использовать ваше изобретение в военных целях?

Он молчит. Глорис отвечает:

– Корпорация мистера Громова не даст разрешения на использование изобретения в военных целях. Только в проектах мирного назначения.

– Ваш двигатель безопасен?

Он молчит. Глорис отвечает:

– Абсолютно безопасен! Абсолютно экологичен, кроме того имеет неограниченную мощность и ресурс.

– Если в большом мегаполисе все машины оборудовать вашим двигателем, город не задохнется от недостатка воздуха?

Он молчит. Глорис отвечает:

– Каждый двигатель потребляет воздуха не больше, чем человек, который сидит за рулем своего авто. А пока мы задыхаемся от выхлопных газов!

– Сколько будет стоить двигатель для рядового автомобиля?

Он молчит. Глорис отвечает:

– Цена будет равняться стоимости бензина, используемого в течение нескольких месяцев. То есть за короткий срок он совершенно себя окупит...

А в зале вспышки света, выкрики с мест. Зал начинает вращаться перед его глазами. Громов в каком-то полубоморочном состоянии слышит обрывки вопросов, отдельных фраз.

– Как зовут ваших детей?

– Павел, Катя, Алексей, – уверенно отвечает Глорис.

– Как зовут вашу собаку?

– Джерри!

– Какой коньяк вы предпочитаете?

– Король Генри четвертый!

Все напоминает игру в пинг-понг, и голова продолжает кружиться. Но Глорис рядом, она легко и уверенно отражает все удары.

– Ваша жена не ревнует к такой красивой помощнице?

Пауза! Глорис улыбается. На мгновение он приходит в себя, концентрируется.

– Нет, – неожиданно произносит Громов.

– Почему?

Снова пауза, Глорис молчит.

– Потому что я люблю свою жену! – отвечает он, удивившись – все произошло само собой. Глорис с улыбкой на него посмотрела, кивнула и громко в микрофон произнесла:

– Если вопросов больше нет, поблагодарим героя сегодняшней конференции за исчерпывающую информацию...

Еще какое-то время яркий свет, выкрики, реплики и, наконец, лица этих людей растворяются в шуме и мелькании вспышек. И тишина...

Снова, как когда-то, Глорис провожает его до гостиницы – теперь уже не в бунгало посередине зеленой долины, а в шикарный номер отеля. Громов совершенно потерян. Он еле передвигает ногами, шевелит губами. Нет, он просто молчит. Он сумел соскочить с бесконечной киноленты, но очень устал. Может быть, не устал, но ошеломлен происходящим. Да и может ли нормальный человек выдерживать такое? Глорис открывает дверь его номера и отдает ключи.

– Вы были великолепны, мистер Громов. Держались хорошо... До завтра...

Он смотрит на нее, он удивлен. Он восхищен! Это не просто секретарь или нянька. Это удивительный менеджер. Скорее, удивительная женщина, которая не только красива, но на редкость умна. Никогда бы не подумал, что такое возможно! Такого не бывает! Она идеальна! – снова промелькнуло в

голове. С трудом оторвавшись от ее красивых глаз, от волнующей улыбки, попрощался, через мгновение, пожалев, что ее отпустил. А она с удовольствием на прощанье пожала его руку, поймав на себе этот взгляд. Она давно привыкла к таким взглядам. Но этот русский! Какой-то он совсем другой. Станный русский. Неженатый физик. Знает ли он, чего хочет сам? – подумала она.

Снова он один в просторном гостиничном номере, на столе фотография Валери. Он долго на нее смотрит и произносит:

– Мою жену зовут Валери. У нас есть вилла на Ривьере, домик на Майами и небольшой остров в Атлантике... наших детей зовут Павел, Катя и Алексей,... собаку Джерри... И еще..., – вывернул карманы, огляделся, – где-то тут завалялся наш первый миллиард...

И тишина...

Просторный зал штаба. На стене в строгом порядке ряд круглых часов с временами всех поясов. Их стрелки двигаются параллельно, как солнце в вышине, аккуратно через них переступая. Час за часом, за шагом шаг. Но иногда, словно останавливаются. Казалось, даже время замирало, видя, что творится в этом просторном зале и на всей планете.

Теперь каждый день, выходя из номера, Леонид словно делал шаг в прорубь, где непривычная ледяная вода погру-

жала его целиком с головой.

– Почему я должен этим заниматься? – думал он.

– Вы наша марка, Леонид, – успокаивала его Глорис, – наш новый бренд. Не волнуйтесь – я всегда рядом, – говорила она, чувствуя, что с ним творится. И от этих слов ему становилось хорошо. Ему было удивительно легко рядом с ней в этом непривычном мире и суете. Он не понимал себя, но эта женщина его спасала, она была тем единственным, что хотелось видеть всегда и везде, и обязательно рядом. Без нее он себя уже не мыслил. Только вечером, возвращаясь в номер, он оставался один... А где-то на далеком острове в миллионах годах отсюда его ждала Валери... Призрак?... Мираж?...

– Котировки компании «Громов» после вчерашней конференции поднялись на 200 пунктов!

На экране мелькают графики.

– Продаем голубые фишки небольшими пакетами...

– Не более, чем по миллиарду...

– Не спешим! Не создаем паники...

– Нефть падает, газ падает!..

– Не спешим! Без паники!!!

Котировки начинают стремительно падать.

– Первый миллион двигателей продан! – слышится в зале.

Аплодисменты! А стрелки на часах движутся.

– Хорошо!

– Фиксируем прибыль!

– На сегодня достаточно!

– Продолжим завтра!

Кто-то приносит стопку бумаг, и они ложатся перед ним на столе.

– Мистер Громов – это нужно подписать!

Он не знает, как реагировать, но за спиной чувствует дыхание Глорис. Она с ним, она рядом, внимательно просматривает каждую бумагу, показывая место, где нужно расписаться... Ее рука касается его руки. Он чувствует ее тепло. От нее исходит удивительный аромат. Она серьезна, по-деловому резка, уверена, как всегда, знает, что делает – это ее стихия, но глаза ее улыбаются. Эти глаза не из шумного зала, где все замкнуто в сетку координат и где только неровные линии то падают, то взмывают ввышину, где длинные вереницы нулей отсчитывают время и деньги. Эти глаза, словно, с другой планеты. И пока они улыбаются, ему спокойно и хорошо...

– Сто миллионов двигателей проданы!

Стрелки на часах движутся...

– У нас проблемы! Громче первый канал!

Голос диктора с большого экрана:

– ...семь стран, объединившись в альянс, резко повышают пошлины на ввоз, так называемых, двигателей Громова. Они

мотивируют свое решение тем, что хотят поддержать отечественного производителя, и никакие доводы МВФ и Торговой палаты не возымели действия.

– Позвольте, но все эти страны – активные участники ОПЕК!

– Естественно. Могло ли быть иначе?...

Первое препятствие возникло через неделю после начала продаж. Правительства некоторых стран, сидевшие на нефтяной трубе, ввели гигантские акцизы на закупку двигателя, а цена его стала непомерной и недостижимой для простых людей. Но из идейных соображений (дабы «поддержать отечественного производителя») эти правители не хотели ничего менять.

По залу прокатилось волнение, десятки людей азартно и одновременно заговорили:

– Снизить цену товара!

– Лишить поставок и ждать!

– Ждать нельзя!

– Сбросить котировки голубых фишек!

– Потери... миллиардов... триллионов...

И тут Леонид понял, зачем здесь находилось столько людей. Еще недавно все они казались бесформенной массой, но теперь каждый, занимая определенное место и должность, четко выполнял свои функции. Одни считали деньги и потери, другие занимались пиаром, третьи решали политические

проблемы, четвертые... пятые... Экономическая разведка, стратегия продаж, медиа поддержка...

Решения принимались быстро и четко, все проигрывалось в режиме реального времени, все как на войне. Мелькали графики, стучали пальцы по клавишам клавиатур и калькуляторов, и мгновенно рождался результат.

– Отдать производство двигателя за символическую плату 1 евро и разрешить производство на заводах нефтяного и газового альянса.

– Доход от комиссии продаж?

Небольшая пауза. Наконец, предложение:

– Пятнадцать процентов!

– Нет двадцать!

– Двадцать?

– Господин Громов, 20 процентов нас устроит?

– Нас устроит 20 процентов? – переводит Глорис, стоя рядом, словно он не понимает языка.

– Да! – после небольшой паузы бросает она в зал, а глаза ее улыбаются ему.

Новостная лента вновь мелькает на экранах мониторов:

– Правительства стран нефтяного альянса согласились допустить на свой рынок продукцию Громова, получив право на их производство и купив лицензию за 1 ЕВРО.

– Котировки голубых фишек резко пошли вниз!

– Вертикальная свеча по «Громову»!

В зале новые реплики и команды брокеров:

- Продаем все и сейчас!
- Сбрасываем остатки нефти!
- Агрессивные продажи!
- Обнуляем акции!
- Двести миллионов двигателей проданы!

Люди в зале встают и аплодируют, а стрелки на часах все движутся.

Мелькают дни, недели, месяцы. А эти стрелки то замирают, то срываются с места и несутся вперед.

Но, снова новости:

– По всему миру прокатились забастовки рабочих, которые выброшены на улицы разорившимися нефтяными корпорациями. Люди идут по городам, перекрывая дороги, аэропорты, блокируют поставки двигателей в их страны. Мощное народное движение захлестнуло столицы государств, добывающих природное топливо!

Стрелки на часах замерли.

И снова оживление в зале:

- Предложить уволенным работу на вновь создаваемых заводах по производству двигателей и их комплектующих...
- Пятьсот миллионов двигателей проданы!

Стрелки на часах снова движутся.

Леонид не успевает следить за происходящим, а на стол

все ложатся кипы бумаг:

– Это нужно подписать, господин Громов! И это! И здесь!..

К нему все подходят и подходят.

– Заканчивайте, у нас прием в посольстве, – слышит он спасительный шепот Глорис.

Громов встает с места и смотрит на стрелки часов, а они все движутся...

Теплый вечер. Глорис и Леонид выходят из здания посольства. Провожает их генеральный консул, пожимая на прощанье руки. Они подходят к машине. И тут Леонид ловит себя на мысли, что не хочет возвращаться в ненавистный номер, он так устал от этой суеты, а сейчас снова в номер? Как в могилу. А вокруг шумный вечерний город, мелькание витрин магазинов, пестрых вывесок, рекламных щитов. Казино, рестораны, пабы, снова какие-то магазины...

– Вам не кажется, что мы с самого утра ничего не ели? – неожиданно спрашивает Глорис. Она, словно, читает его мысли.

– После тех крошечных бутербродов и пирожных кажется, – отвечает Леонид, улыбаясь.

– За углом остановимся, – бросает она водителю.

Они сидели в ресторане и никуда не торопились. Охрана осталась ждать внизу, а шумный офис корпорации и вовсе

растворился, исчезнув где-то в городе, на далекой улице, на призрачном этаже, и теперь, не считая редких посетителей за столиками, они остались вдвоем. В первый раз за это время он почувствовал, что остановился, как марафонец, который забыл, сколько времени он бежит. Куда бежит? зачем?... И теперь получал удовольствие от этой короткой передышки. Он в шикарном костюме, Глорис в восхитительном открытом платье. А запах ее духов? Когда она все успевает? Сейчас он находился, словно, на другой незнакомой планете и вдыхал ее аромат. Не хотелось ни о чем думать, вспоминать, появилось желание раствориться и получать удовольствие.

– Идеальная, – снова вспомнил он. – Идеальная незнакомая планета из другой галактики.

– Вы были великолепны, господин Громов, – нарушила молчание Глорис. – Вы часто бываете на подобных раутах?

– Нет, это было впервые... Зовите меня просто Леонид, – неожиданно сказал он.

– Хорошо, Леонид, – со значением произнесла она его имя. Сделала это впервые. У нее были красивые глаза, длинные волосы были стянуты в фантастический пучок, нежные тонкие руки изящно изгибались в локтях, она держала бокал, не улыбалась, как-то спокойно на него смотрела, и это невероятное спокойствие передалось ему...

Остановка... Планета... Они помолчали. Тихая классическая музыка, полупустой зал, официант подливает в бокалы вино...

– Скажите Глорис, долго мне еще подписывать все эти бумаги в вашем штабе? Прошло уже несколько месяцев, – очнулся он.

– Это ваш штаб, – невозмутимо возразила она.

– И все же?

– Думаю, не очень – месяц, может быть, два... Впереди много проблем, а наша корпорация только начинает сталкиваться на воду лодку. Вы новый бренд, Леонид, под названием – Громов. Терпите...

– Да, конечно...

– Устали? – спросила она и улыбнулась.

– Наоборот, хочу работать, – и вдруг поймал себя на мысли, что ему нравится эта улыбка... и эта женщина тоже. Невероятно нравится.

– Но вы работаете! – возразила она.

– Хочу заняться своим делом! Иногда кажется, что проще сделать изобретение, чем его протолкнуть, – сказал это и попытался отвести взгляд от ее улыбки, но понял, что не может этого сделать или, скорее, не хочет. Да, не хочет! Она, почувствовав это, спокойно продолжила говорить, и слова маленьким нежным ручейком струились, срываясь с ее губ. А он уже с радостью пил из этого ручья незнакомый напиток, терпкий и приятный на вкус. В этот миг хотелось только одного – долго сидеть и просто смотреть на эту женщину. Все напоминало гипноз. От нее исходила необыкновенная энергия, слова ее обволакивали, уже было все равно, что она го-

ворит, зачем, просто захотелось утолить эту жажду. Он сидел, молчал и слушал.

– И правильно кажется, – продолжила она. – А сколько гениальных открытий ложатся в корзину... Зато, теперь вы не только великий изобретатель, но и самый известный на планете человек. Ваш рейтинг выше любого президента. Я каждый день пачками отписываюсь от просьб встретиться с вами на разных уровнях. Но, иногда приходится выходить в свет... Как сегодня...

– Когда все закончится, вы, наконец, меня отпустите? – улыбнулся он. В этот миг он не понимал, что с ним происходит. Он говорил слова, но делал все наоборот, он просился в отставку из недоевшего офиса, но всем сердцем хотел быть с ней. Как? Зачем?... А она чувствовала это, и все понимала...

– Да, конечно, но может быть,... пока я могу скрасить вашу ужасную командировку?...

Замолчала и долго на него смотрела. Смотрела спокойно, не отрываясь, он уже начинал тонуть в этом взгляде, в этой спокойной реке, где вода была прозрачной и чистой. А он, испытывая невероятную жажду, почему-то не решался из нее напиться. Почему?...

– Хотите на несколько дней в отпуск, хотите на какой-нибудь завод, на новый объект?

Снова немного помолчала, глядя на него своими красивыми глазами, и добавила:

– А хотите, вас отвезут на какой-нибудь курорт в любое

место на планете!.. Завтра!.. Нет! Прямо сейчас!.. Я с удовольствием буду вас сопровождать... Леонид, давайте устроим маленькие выходные. В конце концов, вы должны отдыхать,... хотя бы иногда...

Сказала это просто и естественно, как само собой разумеющееся. Бывают вещи, о которых нужно говорить просто, без задней мысли. Не всем это дано, но она сделала это... идеально, впрочем, как и все остальное.

Он долго на нее смотрел... Звучала спокойная музыка, занавеска у открытого окна колыхалась на легком ветру. А слова ее были легкими и удивительно простыми, как этот ветерок. Идеальная! И на мгновение подумал, что так же идеально она войдет сегодня в его номер, снимет одежду и будет его любить, а утром так же идеально поцелует и исчезнет. Нет, дело не в этом. Уйдет..., останется... Он не боялся ничего, просто сейчас ему было как-то необычайно хорошо с этой женщиной и хотелось сохранить это, не испортить. А еще вдруг вспомнил ту, другую женщину. Совсем неидеальную, но настоящую, живую, и в висках застучало. Он был словно на коротком поводке у своей совести. Да, причем здесь совесть? И подумал, что очень скучает по ней. Нет, не скучает, любит. Не хотелось идеального, хотелось настоящего, и оно у него было... Далеко, и все же... А как он завтра проснется? Что будет ощущать?

- Я не могу, – произнес он, а про себя подумал: – Идиот!
- Почему? – просто спросила она, словно разговаривала

с идиотом. Но он уже принял решение, и она почувствовала это.

– Кстати, кто та красивая девушка, которую зовут Валери? Она существует? – спросила и снова улыбнулась.

– Вы же сами мне сказали, что это моя жена... Значит, так и есть, – ответил он. – А еще у меня есть трое детей... и собака... Спасибо за предложение, Глорис...

– Вы хотите на остров? – спросила она.

– Да! Но еще я хочу, если это, конечно, возможно, увидеть свою страну.

Ему не хотелось ее обижать, ему неудобно было перед этой удивительной женщиной, которой он не стоил со своим дурацким характером, привычками, манерами. Неидеальным характером. И он благодарен был ей за спокойный ответ без тени смущения на ее смуглом лице. Женщины обычно не прощают отказ, а эта...

– Это возможно. Я с удовольствием сделаю для вас все, что захотите. И еще...

Она снова посмотрела в его глаза и как-то просто добавила. Снова просто и снова легко, как люди и должны говорить об этом. И ничего естественнее этих слов он никогда не слышал:

– Если вы все-таки передумаете насчет коротких... или длинных выходных... где-нибудь в маленьком уютном отеле на берегу океана... просто, скажите...

А поздним вечером, вернувшись в номер, он присел у столика и посмотрел на фотографию Валери. Долго сидел, смотрел, наконец, произнес:

– Мы продали двести миллионов двигателей... Не в этом дело..., – задумался и добавил:

– Мы не виделись с тобой шестьдесят пять миллионов лет, и за это время я ни разу тебе не изменил... Идиот!?

29

– Остановки продаж! Голубые фишки взлетают в цене! Акции «Громова» падают на двадцать пунктов..., пятьдесят пунктов..., сто двадцать...

Новости с большого экрана срывались истерическими воплями. Репортеры, подконтрольные противникам, смаковали подробности, «опуская» рынок фотонной энергетики до самого дна:

– Несколько автомобилей, оснащенных двигателем «Громов», взорвались прямо на ходу! – вещали телеканалы.

– Погибли восемь человек!

– Все произошло одновременно в двух странах на разных континентах. Эти случаи связаны друг с другом – на них стояли двигатели корпорации «Громов»!

– Интервью с матерью погибшей девушки!..

– Мне срочно нужно ехать на заводы, где были собраны

эти двигатели, – вскакивает с места Леонид, обращаясь к Глорис. – Такого не может быть.

– Да, этого не может быть, но ехать туда нужно не вам, – спокойно возражает она, – там уже находится доктор Вудли и его люди.

Она улыбнулась и добавила:

– Это война, Леонид, привыкайте. Обыкновенная информационная война.

– Снова война, – подумал он, продолжая смотреть новостную ленту:

– У заводов отбираются лицензии на производство опасного двигателя!

– Автосервисы забиты автомобилями, чьи хозяева решили вернуть себе старый надежный бензиновый мотор!

– Корпорация «Громов» несет миллиардные убытки...

Стрелки на часах остановились...

– Вот когда понадобится помощь наших друзей, – произнесла Глорис и задумалась. Достала телефон и отошла в сторону. Леонид только услышал чье-то итальянское имя и еще несколько слов. Говорила она тоном, который он впервые от нее слышал, и теперь не узнавал эту женщину. Глорис умела все!

– Сильвио, здравствуй дорогой!.. У нас проблемы, пора подключать твою артиллерию...

Потом она вернулась и сказала: – Все! Можно несколько дней отдыхать. Теперь будут работать другие структуры.

Люди в зале привычно встали со своих мест, одни расслабились, сняли надоевшие пиджаки, повесив их на спинки кресел, другие начали покидать аудиторию, третьи ходили по просторному залу, разговаривали, смеялись. Никто не обращал внимания на стремительное падение котировок. Видимо, к такому здесь давно привыкли, и спокойно встречали «войну». А иногда с улыбками поглядывали на экраны телевизоров.

– Теперь будут поливать грязью, – сказала Глорис, – приготовьтесь! – тоже посмотрев на экран, а там все только начиналось. Снова репортажи, новости:

– Любопытная информация! Мы узнали, что мистер Громов год назад был уволен, ... нет, выгнан с места своей работы за прогулы. Вот интервью с его бывшим коллегой...

– Можем позволить себе небольшой перерыв, – произнесла Глорис. У нас есть несколько дней. Какие будут пожелания?

Она посмотрела на него, потом, вспомнив о чем-то, добавила:

– Я помню о вашей просьбе, но в этой ситуации не могу предложить поездку в Россию. Придется немного подождать.

– Да-да, я понимаю, – рассеянно ответил он, глядя на экран. А новости все продолжались:

– ...и такой человек сумел обвести вокруг пальца крупнейшие корпорации, обрушить мировые рынки, обвалить акции.

– Этот шарлатан заразил своей идеей весь мир!

– Мошенничество века!

– Как господа толстосумы поддались на такую провокацию?

– Вы собираетесь все это смотреть? – спросила Глорис. Но, шум новостей заглушил ее слова.

– А вы знаете, что жена, по имени Валерии – это фикция? И трое детей тоже! У него восемь или десять детей, и все они от разных...

– Вот интервью с так называемой женой, – на экране появилось лицо незнакомой женщины.

– У этого человека вообще не может быть детей. Он алкоголик, шизофреник, и долгое время проводил лечение в...

– Он маньяк...

– Преступник...

– Это пирамида века!

– Тысячелетия!

– Достаточно! – произнесла Глорис и насильно вывела его

из зала.

Они долго бродили по улицам незнакомого города, оставив охрану. Глорис чувствовала, что Леониду надоели эти люди и возня вокруг него. Она прекрасно его понимала, не задавала вопросов и ничего не говорила. Так неспешно они подошли к набережной реки. Здесь прогуливались редкие прохожие, летали птицы, проплывали прогулочные катера. Наконец, он спросил:

– А есть возможность на острове увидеть записи этих новостей?

– Конечно! – уверенно ответила она, и дьявольский огонек засиял в ее глазах. Он в ужасе отшатнулся.

– Генри получит эти материалы и тоже будет их смотреть?

– Безусловно! А как же! Думаю, сейчас на широком пляже во всех кафе и ресторанах вынесены телевизоры на улицы... Нет, не так... Там нет телевизоров... В летнем театре, куда уже приглашены гости и граждане острова, растянут огромный экран. Все с нетерпением ожидают! И скоро, очень скоро будут получены эти записи, которые все желающие смогут посмотреть. Они просто обязаны это видеть! Они должны знать, что гениальный физик оказался шарлатаном...

– Да, ладно! – засмеялся он.

– Ну уж нет! – веселилась она, отбежав от него на несколько шагов, – сами начали... Оказался шарлатаном, шизофреником и преступником! – веселилась она.

– Прогульщиком и холостяком! – поддакнул он.

– Злостным холостяком! – продолжала она.

– Маньяком! – пробурчал он.

– Алкоголиком!.. Господа, это убийца и вор! – вдруг закричала она на всю набережную. Редкие прохожие останавливались, смотрели на нее, как на сумасшедшую, и замирали. Другие смеялись, третьи недоумевали, уже сами начинали что-то кричать.

– Сейчас он сбросит меня с этого моста в реку! – продолжала веселиться она, забегая на парапет.

– Это ненормальный человек! Он убийца! Он очень опасен! Ну, что же вы стоите? Помогите мне! – кричала она, хоча.

А он смотрел, и на мгновение пожалел, что не встретил эту женщину когда-то давно, намного раньше... На сколько-то миллионов лет... Смотрел, любовался этой сумасшедшей, совсем еще молодой девчонкой, которая вела себя, словно ребенок...

Появилась полиция. Из машины выскочили двое в форме и кинулись к ним. Глорис бросилась к Леониду, схватила за руку и потащила за собой. И так они бежали по незнакомой набережной, по неизвестной стране, мчались, схватившись за руки, как дети, стащившие из магазина буханку хлеба. Им удалось оторваться, но, оглянувшись, он заметил, что полицейские отстали, их почему-то удерживали какие-то люди в черных костюмах. А люди эти показались ему подозритель-

но знакомыми. Они уже давно успели ему надоест. Глорис знала, что делала. Глорис позаботилась обо всем. Но он не стал ей об этом говорить – пусть думает, что его обманула.

Вдруг она внезапно остановилась, посмотрела на него в упор, и произнесла:

– Да, не волнуйтесь вы так. Не узнает ваша Валери, что вы... мошенник... и шизофреник.

Ее волосы были всклокочены, она задыхалась от быстрого бега, а глаза светились безумным огнем.

– И о том, что меня выгнали с работы тоже? – улыбнулся он.

– Даже о том, что в этой командировке вы меняли любовниц каждый день... Тоже не узнает... А сколько у вас детей от разных... И кто бы мог такое подумать?! – улыбнулась... Потом тихо добавила:

– Не надо...

Мягко отстранила его руки. Он не заметил, как обнял ее за плечи, но она исправила оплошность, и он благодарен был ей за это.

Больше ничто не мешало ему общаться с этой удивительной женщиной. Они словно о чем-то договорились и не вспоминали тот разговор в ресторане. У них оказалось несколько дней «войны», и теперь, пригласив ее близких друзей из корпорации, они большой веселой компанией ездили по стра-

не, ползали по каким-то раскопкам, развалинам, носились на машинах, заезжая в незнакомые города, плавали на пароходике.

– Так они воюют, – понял он. Выходные оказались полезными, и Громов сумел отвлечься от сумасшедшей работы, от безумной гонки с завода на завод, от презентаций и фуршетов, надоевшего костюма... и еще – нашел себе удивительного друга, если, конечно, женщина может быть другом. Но эта умела и могла... Глорис умела все!

– Вот люди, которые устроили террористические акции на автомобилях...

Все замерли в просторном зале и внимательно следили за выпуском новостей. Все сотрудники корпорации снова подтянуты, по-деловому напряжены, от отпуска не осталось и следа. Глорис как всегда рядом. Она уверенно смотрит на экраны, а глаза ее сияют азартом и верой в победу. Это ее стихия!

– Заказчиком провокации оказался банкир, скупивший после рекордного падения котировок, крупные пакеты акций нефтяных компаний. За последние два дня он заработал на их подъеме три миллиарда долларов... А, еще он заработал сто пятьдесят лет тюремного срока...

И Леонид увидел на экране знакомого агента Вудли, которого он когда-то вытащил с того света. Теперь тот, скромно стоя за спиной репортера, держал под локоть человека, руки

которого были надежно скреплены наручниками.

– Организация работает, – понял Леонид.

– Голубые фишки падают.

– Они обесценены.

– Игроки уходят с рынка.

– «Громов» поднялся сразу на пятьсот пунктов – это рекорд за всю историю биржи...

Люди в зале штаба встают и аплодируют... А стрелки на часах снова движутся.

– Триста миллионов фотонных двигателей проданы.

Стрелки на часах движутся.

– Четыреста миллионов...

Стрелки движутся.

– Пятьсот...

30

Вот когда это направление прорвало. Словно, огромная плотина, столетие сдерживавшая несметное количество воды, была в одночасье сметена, и поток неудержимо рванул на просторы Земли, унося в небытие старые технологии и прошлый век. И наступила эра, когда нужно было менять многое. А изменилось все!

Энергия стала бесплатной. Если раньше все было привязано к электрическому проводу, заправке на дороге, уголь-

ной шахте, газовой или нефтяной трубе, теперь все стало автономным. Стоило построить дорогу в ту или иную отдаленную местность – там сразу же появлялась жизнь. Стоило взлететь на большую высоту или в бесконечную даль – зажигались огоньки, освещая и согревая неизведанные места. Новые города и небольшие поселки появлялись высоко в горах, куда можно было добраться только по воздуху. На далеких островах, где ранее отсутствовало электричество, в огромных и непроходимых лесных массивах – везде появлялась жизнь!

Фермы, выращивающие овощи и фрукты к нашему столу, оранжереи с цветами, фруктовые сады – все это ранее занимало значительные территории. Но теперь некоторые экономные хозяйства начали строить многоэтажные здания, уходящие глубоко под землю и там, освещая растущую продукцию бесплатным излучением и отапливая бесплатным теплом, сберегали огромные средства и продавали свои участки для других целей. Рыбаки выходили в море на дальние расстояния, не боясь остаться без топлива. Корабли заплывали на север и на юг ближе к полюсам, где ранее промысел не велся и был очень дорог.

Дальше – еще больше. Гигантские экспедиции ринулись к полюсам осваивать пространства и поверхности, покрытые толстым слоем льда. Раньше невозможно было протянуть туда электричество или доставить топливо, поэтому только атомные ледоколы и небольшие группы ученых были ред-

кими гостями в этих краях. Теперь тысячи людей из разных уголков земли, получив возможность создать свое дело, большое или маленькое, на самом краю планеты, тратили последние деньги на это паломничество, имея в кармане билет в один конец. А еще чемоданчик с универсальным мотором, который мог служить и электростанцией, и котельной, и двигателем. Они переплывали океаны, селились на площадках, покрытых тысячелетними льдами, возводили легкие дома из пластика и стекла. Строили небольшие фабрики и заводы, и больше ни одна труба не дымила скверной.

– Клубника из Антарктики!

– Арктические помидоры.

– Мед с ледника!

– Молодые бычки прямо с пастбища на Северном полюсе.

– Одежда и обувь с юга планеты...

Корабли, оснащенные фотонными двигателями, осваивали пути подхода к этим местам, техника, способная перемещаться по ледникам, продолжала их путь, связывая эти земли и новые города со всей планетой. Необозримые просторы Сибири и Амазонии теперь привлекали желающих сменить насиженные места и отправиться туда, где их никто не обирал, не требовал сумасшедшей mzды за использование земель, непроходимых болот и, заросших густой щетиной, лесных массивов. И планета оказалась такой большой! Трудись и не толкайся локтями! Не нюхай смог городов, не бойся забраться в самую глушь, потому что бесплатное такси

всегда доставит тебя в любую точку планеты, где ты согреешь себя, накормишь и построишь мечту – на льдине, в густом лесу или на вершине непроходимой горы, там, где раньше гулял только ветер и одинокое солнце освещало пустынные места. А всего-то – несколько электродов, и между ними огненное сердечко, весело бьющееся и излучающее несокрушимую силу и мощь...

– Все, Леонид, ваши мучения закончены, – сказала Глорис. Утром она зашла к нему в номер и, заметив, что он собирается в корпорацию, его остановила.

– Осталась одна проблема, которую только вы сможете решить. На одном нашем заводе инженеры изменили технологию вашего двигателя. Нет-нет, все работает, не было рекламаций, но, проверить все-таки стоит...

– Где же находится этот завод? – грозно спросил Леонид.

– А вы еще не поняли? – улыбнулась Глорис своей неповторимой улыбкой, – конечно же, в вашей России...

– Когда можно лететь? – коротко спросил он.

– Прямо сейчас... И еще... Я с вами прощаюсь.

Она на мгновение замолчала и, посмотрев на него, продолжила:

– Оттуда вас заберут наши люди, и вы вернетесь на остров... Рада была с вами работать, Леонид... Мистер Громов. Привет Валери. Так, кажется, зовут вашу девушку. Передайте, что ей очень повезло...

И на прощанье протянула ему руку.

31

Прошел год с момента, как он покинул свою страну таким невероятным образом, двенадцать месяцев тому назад он спасся от неминуемой смерти, но все это было далеко позади, и сейчас он снова летел над ней и смотрел в окно иллюминатора. А бесконечные равнины и холмы тянулись на протяжении тысяч миль там, внизу, и конца им не было и края. И только снега толстым покрывалом согревали землю. Вот горы Урала щетинились зелеными соснами и елями, указывая им путь из Европы в Азию. Уже никаких огней, только бесконечная тайга и сопки. Наконец, самолет покачал крыльями и приземлился в небольшом аэропорту. Они пересели на вертолет, который взял курс на север, где густые леса начали сменяться большими пустынными участками с редкими карликовыми деревьями, вечной мерзлотой и бесконечным ослепительно-белым снегом. Сюда и держал путь их вертолет, в эту область за полярным кругом, где медведей и лосей встретишь чаще, чем человека. Но так было до недавнего времени.

Они вышли из вертолета, и пронзительный морозный ветер ударил в лицо. Леонид был счастлив! Как он скучал по снегу и зиме, по холоду и морозу, сугробам, о которых можно было только мечтать на тропическом острове! И вот они,

едва передвигая ноги по зимней пурге, уже шли в занесенную деревню. Их привели в небольшой дом на самом краю поселения, и они начали располагаться в таежной, заполярной гостинице на ночлег. Был поздний вечер, но Леониду не терпелось прямо сейчас все осмотреть. Его сопровождали четверо мужчин высокого роста и крепкого телосложения. Все они были военными людьми, имели хорошую школу спецназа и опыт работы в горячих точках планеты. Но в этих холодных местах на них было жалко смотреть. Их атлетические тела съеживались от холода: на фоне белого снега они не могли скрыть своего южного происхождения и особенного шоколадного цвета кожи, и казались инопланетянами в этой зимней стране.

– Потом распакуемся, пойдем, поглядим, что здесь и как! – нетерпеливо воскликнул Леонид. Те посмотрели на него, как на ненормального, как на садиста и нерешительно переглянулись. Вошел какой-то человек.

– Здравствуйте, меня зовут Виктор, – представился он, оглядел замерзших людей и спросил: – Далеко собрались?

– На прогулку, – весело отозвался Леонид.

– Сначала согреться! – воскликнул тоном, не терпящим возражений. Он поставил на стол бутылку с прозрачной жидкостью, разложил нехитрую закуску и достал с полки стаканы. Военные подтянулись, хотели было отказаться, но Леонид с улыбкой позвал их к столу:

– Расслабьтесь ребята – мы дома!

А человек, которого звали Виктор, уже наливал.

– Со знакомством! – коротко произнес он.

Выпили, и глаза у всех полезли на лоб. Виктор на мгновение замер, нюхая кусочек сала. Леонид хотел было встать и направиться к двери, но Виктор замахал руками. (Говорить они не могли, связки свело от крепкого спирта). Наконец, Виктор, наливая, прошептал:

– Еще по маленькой!..

Все выпили еще, потом еще и еще.

Потом было:

– А по последней!..

Затем:

– А на посошок?...

– Хороший виски! – произнес один парень, откусывая огурец, входя во вкус.

– Это спирт, – засмеялся Леонид.

– Хороший виски-спирт! – засмеялся парень.

Их черные щеки, казалось, покраснели, и вся компания с удовольствием готова была выйти на улицу, туда, где пурга теперь не была помехой.

Поселок представлял собой сотни небольших новеньких домов, которые были размещены в строгом порядке, и каждый излучал яркий свет, заливавший все вокруг. Это был классический городок нового поколения. Его построили всего за один месяц, и жители явно не экономили на электри-

честве. Никаких проводов и столбов, только вышка для радиосвязи. Леонид с радостью оглядывался и думал:

– Что там столицы, мегаполисы, миллионы людей, приросших к ним, которых кормили эти города, давали работу, тепло и кров. Зачем делить каждый квадратный метр, когда жизнь теперь будет здесь, в этих местах, где необъятные просторы, чистый воздух, снежные равнины и настоящие люди, оставившие все дурное и тоскливое в своей прошлой жизни в городах. Даже глаза их светились новым огнем и желани-ями.

Они заходили в дома, знакомились с людьми, разговари-вали. Везде были рады такому гостю. Громова здесь знали все! Каждый показывал свое хозяйство: маленькое произ-водство или мастерскую, огороды в подвалах домов, уже по-крытые низкой порослью овощей и фруктов, небольшие за-гоны для скота, где стояли олени, а рядом спокойно выха-живали куры, которые здесь же несли яйца. Дальше хлебо-пекарня, парикмахерская, ресторан, кинотеатр. На одном из домов была надпись – «Филармония». Все это находилось здесь, в этой зиме, в непроглядной лесотундре, далеко за по-лярным кругом.

– А как же старики и дети? – спросил Леонид.

– Пойдем, покажу, – ответил Виктор.

Они зашли в просторное здание, в котором уже почти за-кончили строительство. Вокруг стекло и пластик, тепло и много света, много комнат – будущие классы, большой бас-

сейн и спортивный зал. А в другом помещении стояли музыкальные инструменты, мольберты, компьютеры, кинотеатр, и дальше еще множество длинных коридоров, уводивших северных детей в их заполярное детство.

Пошли дальше по поселку. Город не спал, все дома переливались ярким светом, чувствовалось тепло, которое эти люди с собой сюда захватили, и Леониду было приятно, что его изобретение так пригодилось здесь.

– А здесь наши пожилые граждане будут по вечерам собираться, – сказал Виктор, показав на красивое здание. Что было примечательно! Клуб с просторными залами для чтения, биллиардными, кинозалами, столами для покера и шахмат находился не на задворках городка, а в самом его центре, где не было никаких мэрий, аппаратов и служб, канцелярий и учреждений, приемных и «спецприемных». А вот такой клуб для престарелых граждан здесь был.

– И все это всего за один месяц? – спросил Леонид.

– За два, – ответил Виктор, – Сибирь, тундра! До Большой Земли две тысячи километров!

– До Большой Земли, – усмехнулся Леонид, – прямо, как на острове.

– Что?

– Ничего, ... это я так, ... почти как на острове, только за полярным кругом.

– Утром покажем завод, – сказал Виктор, – отдыхайте...

Вот когда он готов был гордиться своей страной, теперь

она напоминала ему тропический остров, где был «чертов коммунизм», и не в теплом океане, невесть в каком времени и месте, а сегодня, здесь, сейчас, в его стране... Только за полярным кругом...

– Жалко, что Валери нет рядом. Ей бы понравилось, – подумал он.

На следующее утро Виктор повел их смотреть завод, на который Леонида пригласили. Теперь он шел по территории, хмуро осматриваясь по сторонам.

– Мне сказали, что вы изменили конструкцию, – строго спросил Леонид на ходу. В делах профессии он был неумолим и не прощал самодеятельности, тем более, невежества.

– Фотонный двигатель – это установка, создающая энергию любой мощности. Как сказать? Это гигант, и стоит отпустить его в свободное плавание, можно получить опасный результат. Когда-то у меня был пробный запуск первого двигателя на лодке, мы чуть в космос не улетели. Ну, покажи, что вы тут наваяли, «мастера»!

– Пойдем, посмотрим, – спокойно ответил Виктор.

– Ну-ну, пойдем.

Это был огромный ангар. Длинный конвейер опоясывал помещение, и линия по производству фотонных двигателей была почти готова, оставалось дело за малым. Леонид долго осматривал оборудование, вникал во все мелочи. Местные

инженеры подходили к нему, советовались, задавали много вопросов. Он охотно отвечал, но продолжал внимательно изучать чертежи, линию сборки и сам двигатель. Что было необычно и отличало этот завод от китайского, американского и прочих, на которых он успел побывать – совсем другой принцип работы. Русские не копировали в точности линию, разработанную на острове, а делали все по-своему. Сначала Леонида удивила такая смелость и даже разозлила. Но, продолжая изучать, наконец, понял, что эти люди упростили технологию, даже сделали ее лучше! Он не верил своим глазам! Местный Левша подковал эту тропическую блоху так, что можно было выпускать в два раза больше двигателей за одно и то же время. Они стали гораздо меньше в объеме и изящнее! А Виктор стоял рядом и в усы усмехался.

– Ребята, да у вас нужно учиться! – сдался Леонид, – все сделано проще, но все работает!..

– А я говорил! – коротко ответил Виктор.

– При таком раскладе можно выпускать в два раза больше двигателей за одно и то же время...

– В три раза больше! – поправил его Виктор.

– Интересно...

– Заметь, они стали меньше, – добавил Виктор, – такой движок можно повесить на велосипед, и тот будет ехать вечно.

– Ну, что – с меня бутылка! – сказал Леонид, и все засмеялись. Виктор почесал затылок и произнес:

– Пожалуй, бутылкой тут, не отделаешься, – и хитро подмигнул.

– Не вопрос! – согласился Леонид.

– А вот ящик сгодится!.. Много нас тут дурных голов!.. Шучу! – загладил бестактность Виктор, а люди вокруг засмеялись...

И тогда Леонид подумал: – Стоит русскому дать свободу, дать возможность жить и делать свое дело, тот перевернет горы! Просто нужно не мешать, и тогда им не будет цены. А если им еще помогать!..

Они сидели в небольшом теплом кафе на краю городка и смотрели на снег, который падал за окном. Пурга закончилась, и теперь большие снежинки спокойно рисовали на большом стекле причудливые узоры. А повсюду какая-то удивительная тишина, которая успокаивала, приковывая внимание. Никакой шум городов не мог бы заменить этой тишины и спокойствия.

Виктор приехал сюда из столицы. Он рассказывал свою историю, и Леониду было интересно, как эти люди, оставляя прошлую жизнь, приезжали в такие места. Виктор был инженером, закончил технический ВУЗ, но потом, как говорится, не пошло. Тот рассказывал, и Леониду казалось, что истории их чем-то похожи. Потом работа, одна, вторая, третья. Свой маленький бизнес на рынке. Продавал всякие мелочи – оборудование, кирпичи, инструменты. Проще было

что-то купить, а потом продать, нежели работать инженером. Вся страна стояла у прилавка и торговала, а нужно было кормить семью. Но никогда не забывал своего основного дела и ждал. А когда, наконец, узнал, что будет такой проект, где потребуются инженеры его специальности, не раздумывая, схватил в охапку жену, крошечного сына, продал квартиру, на которую зарабатывал много лет, и переехал сюда. И вот, за эти месяцы, уже стал руководителем отдела, где теперь дорабатывал двигатель. То есть делал его по-русски. Это ему Леонид должен быть благодарен за его новый облик и новый вид. Жене своей построил небольшой детский сад, и теперь его малыш не сидел дома, да и жена была при деле...

– Знаешь, хорошо здесь, не тесно, – спокойно рассказывал он. – Никто локтями не толкается, не наезжает, не мешает. Выйдешь на сопку – тайга, как на ладони.

– Да, хорошо! – произнес Леонид, посмотрев в широкое окно. – Вон мишка из леса вышел, а рядом люди – не опасно?

– Это наш защитник, – улыбнулся Виктор, – приручили мы его – волков гоняет, а мы его кормим. И он нас не боится, не умеет бояться, не научился. Нравится? – неожиданно спросил Виктор.

– Очень, – произнес Леонид, не отрываясь от сказочного вида за окном.

– А давай к нам, бери семью и приезжай, – как-то просто предложил тот. – Поработаем. А потом куда-нибудь еще, какие наши годы... Ты женат?

Леонид, не задумываясь, вынул фотографию и протянул ему.

– Красивая... Детей у вас сколько?

– Трое, – неожиданно для себя ответил он.

– Во как! Трое! Молодец! У нас и детский сад, и школа...

Давай, подумай!

– Я подумаю, ... подумаю...

И внезапно вспомнил холм, тот устрашающий вид с высоты и подумал:

– Вот где настоящий мир, не миллионы лет назад, не завтра, а прямо здесь и сейчас. И представил, что за этим столиком рядом сидит Валери. Сидит, смотрит в окно на этого мишку и улыбается...

А снег все падал и падал. Иногда яркие лучи солнца пробивались в кафе, играя на лицах людей. Они освещали все вокруг своим нежным светом, радостно заглядывали в глаза физика с его странной судьбой и инженера с его таежным будущим. И не хотелось покидать это место, возвращаясь туда, в далекое прошлое, где только диковинные папоротники, океан воды, динозавры на далеком материке и никакого снега...

– Вертолет ждет, – четко по-военному произнес человек

из его охраны.

– А что случилось? Мы не все закончили, мне нужно еще минимум неделю-две! – удивился Леонид.

– Нужно лететь, – добавил тот, больше не сказав ни слова...

Семь месяцев пролетели как один короткий день. Он облетел всю планету. Менял города и страны, материки и полюса. Все случилось неожиданно. Он был срочно доставлен на юг, в Атлантику. Потом воронка, теплый океан в далеком прошлом, знакомый остров, и вот он уже сидит рядом с Генри на его вилле, а огромные папоротники помахивают своими опахалами, и вулкан причудливым конусом заслоняет вечернее солнце...

Не все создавали мечту и строили новую жизнь. Не все пересели на автомобили, самолеты с фотонным двигателем, и не хотели они лететь к звездам в непроглядную космическую даль. История простая. Одной стране не давали сделать атомную бомбу, вводили моратории на производство оружияного плутония, всячески мешали. Правительство этой страны издавна затаило обиду и вынашивало план, как обойти запрет. И тут подарок, такая энергия, такой двигатель! Это может работать совсем по-другому! Идея лежала на поверхности, и стоило приложить желание и силы – все могло получиться. А желание было! Нашлись умные головы, внесли коррективы. И вот уже гигантский раскаленный плазмен-

ный шар катится по планете, оставляя широкую колею выжженной земли. Миллионы градусов – маленькая шаровая молния превращается в мощного исполина и сжигает все. Она может выжигать огнем на земле, летать по воздуху, сбивая самолеты и ракеты, даже нырять под воду, успевая поразить подводные лодки противника. Квантовая фотонная бомба, сделанная из шаровой молнии, испепеляющая все на своем пути. Исчадие огня и ада. Милое создание, несшее людям свет и тепло, энергию и жизнь, теперь превращено в монстра с температурой в миллионы градусов. Напалм – это тепловой компресс, легкая припарка, жалкая пародия на кошмар, поселившийся в корпусе фотонной квантовой бомбы, некогда маленьком ярком облачке, шаровой молнии. И кто первый – тот прав, так уже было в августе 1945-го! А тут маленькая страна и такое оружие! Но оружие должно стрелять, и уже близок день и час, и мгновенье, когда можно отомстить врагам и обидчикам, став великой державой! Но не тут-то было...

Почему одни, получив железо, начинают выплавлять посуду и украшения, а другие тяжелые ядра и пушки? Взяв в руки камень, одни возделывают красивые амфоры и скульптуры, а другие делают наконечники для копий. Одни создают компьютеры, делают программы для удобства нашей жизни, а другие превращают их в вирусы. Получив энергию атома, кто-то строит электростанции, двигатели для кораблей,

а кто-то ядерные бомбы? Кто ТЕ, а кто ЭТИ? Кто из них истинный созидатель, а кто творец? А не в разрушении ли смысл – Красота и Гений? В нашей природе чьей-то мудрой рукой заложены два инстинкта: один самосохранения, но другой – самоуничтожения. Одни созидают, но другие разрушают и видят в этом великий смысл. Как тяжело построить, создать и сделать это красиво, гениально, на все времена, и как просто уничтожить, превратив в пепел и тлен. Но зачем они делают это? От убожества, от неспособности создавать и любить, от желания брать и уродовать?

Как трудно любить и быть бескорыстным. День напоить нежным бальзамом, пахнущим вечной надеждой, теплом, радостью, и жизнь для близкого превратить в праздник, подарив ему будущее. И тогда кажется, что день этот бесконечен, а любовь не имеет границ, и хочется жить такечно! Тогда эта вечность открывает свои объятия, и людям на мгновение кажется, что они бессмертны! Что может быть больше этого мгновения? Но, когда ты открываешься перед Богом и миром, ты уязвим. И если первый тебя поймет и не осудит, всегда найдется тот – второй, который воспользуется твоей слабостью. Хотя в этой слабости была великая сила, которая дарила любовь... Но, все равно. Тот второй. Он рядом с тобой! Он всегда за твоей спиной! Тот, который должен уничтожать, потому что другого не умеет. И тогда, будучи униженным этой жизнью, он создает разрушение и смерть, унижив остальных. И так будет всегда – снова, снова и снова. Так

будет до тех пор, пока эти люди живут... И ЭТИ люди, и те...

33

Громов сидел на вилле у Генри и слушал его, а рядом в больших аквариумах плавали рыбки, шумел фонтанчик, две птицы в клетке лениво спали у своих кормушек. Как будто ничего не случилось – тишина и покой. Но его воображение уже само рисовало живую картину, словно все происходило наяву: огонь подбирался к знакомому заводу где-то там, в Китае, пожирал его, потом, перелетев тысячи километров, катился по бесконечным холмам и лесам, оставляя черный след в заснеженной Сибирской тайге, сжигал знакомый городок и завод. И только маленький мишка стоял, в испуге взобравшись высоко на сопку, он смотрел на все это и не понимал...

– Леонид, для тебя есть две хорошие новости, – сказал ему Генри в конце разговора.

– Какие? – Леонид расстроено на него посмотрел. Какие могли быть хорошие новости, когда их дело провалилось? Генри достал бумаги и положил перед ним на стол.

– Вот выписка из твоего лицевого счета.

Леонид сначала не понял и переспросил.

– Счета, куда переводились деньги, ... твой процент с продажи каждого двигателя, произведенного там, «наверху».

От количества нулей у Леонида зарябило в глазах.

– Наши друзья по «организации» не обманули – они обещали сделать тебя одним из самых богатых людей на планете, они сделали это.

Леонид повертел в руках бумагу, еще раз посмотрел на цифру с нолями и спросил:

– И как ВСЕ ЭТО можно потратить?

– Никак. Тем более, здесь, на моем острове, где все бесплатно.

– Тогда зачем все это?

– Надежда на будущее, а там посмотрим...

– А вторая новость?

– Валери... – сказал Генри...

– Что? – подскочил Леонид. – Что с ней?

Генри помялся и ответил.

– Понимаешь, она закончила свои опыты...

– Ну... хорошо...

Генри молчал и смотрел на него как-то странно, а он не мог понять, что с ней случилось.

– Дальше что?

Генри помедлил еще мгновение и сказал.

– Она провела эксперименты на людях...

– Ну? – Леонид не понимал, но чувствовал – Генри что-то скрывает.

– На людях... И на себе тоже...

– Что? – он вскочил и пулей выбежал из дома Генри.

– Да не волнуйся ты, – кричал ему Генри вслед, – с ней все нормально!

Но Громов уже мчался по острову и не слышал последних слов.

Навстречу попался какой-то подросток, и он чуть не сбил его с ног.

– Громов! Дружище! – закричал парень, едва увернувшись. Леонид на секунду остановился и, не узнав юношу, хотел бежать дальше.

– Ты не узнаешь меня? – тот стоял, хохоча, и что-то знакомое было в его голосе. Но сейчас Громову было не до него, он готов был продолжить свой путь.

– Да стой же, черт тебя подери!

У парня был знакомый венгерский акцент, одет он был, прямо скажем, вызывающе – рваные джинсы, разрисованная майка и бандана, закрывавшая густую шевелюру.

– Совсем как у Вилли, – подумал он. – И голос как у Вилли... Вилли???

Тот засмеялся так, что прохожие начали оборачиваться и узнавать этого парня, весело улыбаясь, видимо, он был любимцем публики.

– Вилли?

– Да, черт возьми!

– Что с тобой?

– А это ты спроси у Валери. Как тебе ее вакцина?

И повернулся, словно манекен на шарнире. – Помолодел?

– Она и на себе проверяла этот препарат? – закричал Леонид. Вилли замялся, подмигнул и шепотом ответил: – Да!

Больше Громов не ждал ни секунды.

В отеле ее не было. Служащая на этаже сказала, что та в лаборатории.

– Слава Богу, значит Валери жива и здорова.

В лаборатории ее тоже не было. Там сказали, что она уживает.

– Где?

– На западной веранде, – ответили ему, – или в «Савое», а, может быть, в «Острове» или в «Динозавре», или на смотровой площадке...

– Чертов Генри, – ругался он про себя, – понастроил ресторанов больше, чем здесь людей.

Он перебегал от отеля к отелю, от ресторана к ресторану. Потом устал и вспомнил, что ничего не ел и даже не пил уже 65 миллионов лет. Попросил в каком-то баре стакан воды, на ходу его опрокинул и хотел мчаться дальше.

Какая-то шумная компания сидела за одним из столиков и что-то громко обсуждала. Внезапно люди замолчали и уставились на него. От этой группы отделилась молоденькая девушка и направилась напрямик к нему. У нее были длинные черные волосы, красивое открытое по такой жаре платье и знакомые глаза. Зеленые знакомые глаза... Она подошла,

взяла его за руку и прижала к себе. Посмотрела ему в глаза и произнесла: – Ты меня не узнаешь?!

Он остолбенел. Лет ей стало не больше двадцати. Ее длинные волосы черным водопадом струились по спине, и, что самое удивительное, шоколадный загар сменился на белую нежную кожу. Как будто не он побывал в той зиме, а она. И только глаза зеленым блеском выдавали ту Валери, которую он оставил здесь... Ее окликнули, она помахала на прощанье своей компании, взяла его за руку и повела на улицу... На набережную, на пляж, к их морю... Он шел, не хотел ни о чем расспрашивать, только иногда на нее смотрел. Нет, не иногда, все время смотрел и не мог оторвать своего взгляда... А она все говорила, говорила...

Все люди имеют свой возраст. Один рождается, и проходит всего несколько лет, а он уже такой разумный и взрослый, что не дашь столь малый срок его «многолетству». Другой – совсем взрослый, солидного, почтенного возраста, уже просто стар, но не растерял детского восприятия мира. И поэтому так и прошел по жизни, сохраняя юный возраст, не впал в детство, но оставил его на всю жизнь. Оказывается, для каждого человека существует оптимальный возраст, который и определяет его характер и жизнь. То ли это связано с физиологией и генами, может быть, прошлая жизнь не дает ему покоя, и он начинает не с начала, а продолжает ее с момента, где когда-то остановился... Так или иначе, для каж-

дого из нас возраст – это индивидуальная характеристика, и она не имеет прямого отношения ко времени. Одни стареют раньше, другие «мудреют» позже, третьи дураками остаются на всю жизнь. На этот период, в тот самый оптимальный возраст и возвращается человек, применив вакцину Валери.

– Как ты сказала? – перебил он ее.

– Вакцина, Валери! – гордо повторила она, и продолжила свой рассказ:

Полгода в своей новой лаборатории она проверяла эликсир молодости и здоровья. Провела тысячи опытов над насекомыми и небольшими особями, которые находились здесь. Целый отдел квалифицированных специалистов ей помогал. И, наконец, наступил этот день. Результаты поражали! Никаких рецидивов! Никаких осложнений! Ее питомцы молодели на глазах, выздоравливая от любых болезней. А когда на заключительной стадии эксперимента по ее просьбе привезли с Большой Земли штаммы самых страшных болезней, и она привила эту заразу сразу же сотне маленьких пациентов – они выздоровели! Выздоровели все! Стали за одну неделю абсолютно здоровыми и вели себя так, словно не провели эти дни на краю жизни и смерти, а побывали на курорте. Вот когда Валери поняла, что это победа, и праздновать ее нужно в лаборатории с участием человека. А кто будет претендентом, она уже знала...

Первые дни после инъекции ничего не было заметно,

лишь просыпалась по-другому, словно сбросила непростой десяток последних лет и вернулась в молодость, такую счастливую, полную надежд и стремлений. Потом эти сны и желания начали заполнять всю ее жизнь, каждую клеточку. Ее кожа светлела на глазах – в генетической памяти клетки были молодыми, незагорелыми и отливали белизной. Память клеток ее тела представляла Валери возраста лет двадцати. Ее ген старения сдался, и теперь она молодела с каждым днем прямо на глазах. Эта генетическая память представляла Валери совсем юной, очаровательной девушкой, такой, какой она была десятилетие назад, и сейчас лепила из нее прекрасное отражение юности. И в душе, которая совсем не строилась на клеточном уровне, она тоже чувствовала удивительные изменения, такие чудесные, словно то были сны ее юности. Как будто опять начинала что-то важное с самого начала. Все теперь казалось в обновленном свете, и только образ ее мужчины, того русского парня, который работал сейчас там, «наверху», совсем не поблек и прошел проверку временем и ее обновленной душой.

Коллеги поражались, каждый хотел проверить средство на себе, и вот уже целая компания студентов – недавних докторов и великих магистров медицины по вечерам шумной стайкой покидала лабораторию, чувствуя себя детьми. И лишь один, совсем еще молодой ученый, очень продвинутый в своем деле и не по годам умный, испробовав на себе эликсир молодости, постарел лет на десять... Видимо, это и был

его оптимальный возраст. Теперь юноша, на вид лет сорока, годился всем в руководители и научные покровители. Впрочем, его это не смущало, даже радовало. Видимо, всю свою жизнь он стремился к этим зрелым годам. То и получил...

Они шли по острову, и Валери продолжала взахлеб рассказывать, а он не знал, узнавать ее или нет. То, что она такой юной, взбалмошной и немножко безумной нравилась ему очень, он знал точно...

– Идеальной! – почему-то вспомнил он... Вспомнил, но сразу же забыл...

– Вот, когда я себе сказала – пора опробовать на человеке! – говорила она.

– И, конечно же, этим человеко должна была стать ты! – возмущался он. – Ну, никуда нельзя уехать! Как ребенок!

– Не ворчи! Лучше посмотри – даже кожа посветлела. Теперь мне восемнадцать, ... максимум, двадцать! Или ты не доволен? – и она счастливо засмеялась.

– Скажи еще, что стала невинной, как Святая Дева! – тоже засмеялся он.

Она строго на него посмотрела, улыбнулась, и, хитро прищутив глаза, ответила:

– Не скажу... Дурак... А ты видел там, в баре, этих юношей? Это и есть мои коллеги! Моя команда! Студенты, дети! А ребятам по пятьдесят или шестьдесят!

– И как вели себя эти дети? Как студенты? – сурово про-

ворчал он.

– Как коллеги, уважающие свою начальницу, – невозмутимо ответила она.

– А как вела себя начальница? – заглянул он в ее хитрые глаза.

– Хорошо вела себя начальница... Начальница очень скучала... А прошло целых семь месяцев!..

Она остановилась и обняла его. В этот миг он словно держал в руках теплый родной комочек, где билось крошечное, но такое горячее сердце, и он слышал его сумасшедший стук.

– И я скучал... Только, зачем я теперь такой старый тебе нужен? – спросил он с улыбкой.

– Вот и я думаю, зачем ты мне такой старый нужен? – засмеялась она. – Я и не подумала об этом. – продолжала веселиться Валери, – вокруг столько молодых мужиков, красавцев!.. Ладно, так и быть! Если ты себя чувствуешь стариком, сделаю тебя молодым! По знакомству! Только...

Она внимательно на него посмотрела, взяла за руки и серьезно спросила:

– Можно тебя оставить пока таким... ну, не надолго... А то, вдруг превратишься в ребенка? И что я тогда буду с тобой делать?

– Тебя посадят за растление малолетнего, – засмеялся он, и добавил: – Можно, пресвятая дева... Делай, что хочешь, – и подумал:

– Господи, как долго он не видел ее! Целую вечность!

Миллионы лет!

А она снова и снова рассказывала о чем-то – о работе, об острове. Он слушал и не слышал, только любовался ею.

– Особенно поразил результат с Вилли, – продолжала говорить она. – Тот всегда хотел участвовать во всем и очень переживал, что его никуда не брали. А тут такой случай! Отказать было невозможно. Результат поразил!

– Я встретил его, – очнулся Леонид.

– Встретил? Каков красавец! Он годится тебе в сыновья, а ему уже больше шестидесяти. Вот, юная душа!

– Да, юная, – повторил Леонид.

– А как Юрий? Как наш писатель? – внезапно вспомнил Леонид.

– Нестеров, – она задумалась, на мгновение стала серьезной и произнесла: – Нестеров не хочет.

– Но, ему пошел шестой десяток, пора бы немного сбросить, – удивился он.

– Он не хочет. Я предлагала. Он такой странный. Сказал только... Дай-ка, вспомню...

Она замолчала, сосредоточенно вспоминая, наконец произнесла:

– «Все должно быть так, как должно быть».

– И все? – удивленно переспросил Леонид.

– Да.

– Я поговорю с ним, – произнес он. Больше они не каса-

лись работы, и далекого будущего тоже, потому что сейчас были вместе, были рядом, и не хотелось думать ни о чем...

34

Генри был в тупике. Все операции, которые они проводили в настоящем и будущем, превращались в тлен, в отзвуки той реальности, которая давала им повод задуматься о жизни, но не более того. Венцом всему был конец, который неминуемо наступал. Избавиться от наваждения, все повернуть вспять, было невозможно. В такие минуты он вспоминал своего деда. Этого вездесущего, всепонимающего человека, который мог принять единственно правильное решение и все изменить...

Время шло. Шло параллельно, и в этом Генри однажды убедился воочию. Не на листке бумаги с формулами и доказательствами, выводами лаборатории времени, а наяву. Его великий дед ушел из жизни двадцать лет назад, все тосковали без живого ума, безудержной энергии и фантазии этого удивительного человека. И однажды, в день, когда Вилли впервые удалось настроить канал и перейти во времени на конкретный отрезок, Генри принял решение вернуть любимого человека, наставника, и просто родного деда. Вернуть сюда, в далекое прошлое и его будущее. Он выбрал отрезок времени, который немного отделял старого Ричарда Уилсона от его кончины, и перенес на остров. Собрались родные

и близкие, сын и внук сидели рядом, Вилли, следивший за каналом, тоже находился здесь. Это был один из первых его экспериментов и сразу такой ответственный. Дед расположился в любимом кресле, который потомки из уважения даже не передвигали, а прошло около 20 лет. Посидел, подумал, выслушал последние новости и произнес:

– Мне приятно видеть всех вас. Но, сколько мне осталось там?

Все молчали, и никто не решался заговорить.

– Так сколько мне осталось, Генри? – повторил дед. Генри не смог тогда ответить на этот вопрос и промолчал. А дед подтянулся в кресле, посмотрел на свое потомство, на внуков и правнуков и произнес: – Все равно, месяц или день, неделя или год, мои дни – это дни мои, и я должен прожить их в своем времени, сколько бы их не оставалось. Там я полезнее, дети мои, понимаете? Срок мой конечен и предопределен, и оставьте его мне. А все это похоже на эксгумацию, не правда ли?...

Так было тогда, и Генри смог лишь дать всем увидеться с дедом, но сейчас... На этот раз он отправился к нему сам, теперь он был один.

– Дед, тебе осталась неделя. Всего неделя. Сейчас я могу тебе об этом сказать откровенно.

Старый Уильямс потянулся в кресле, которое стояло там, в его далеком времени, посмотрел в окошко на небо, на сонный прибой, который успокаивал вечерние волны океана и

спросил: – Ты пришел, чтобы сказать мне только это? Зачем?

Тогда Генри ответил:

– Мы нашли то, что продлит тебе годы и столетия. Нашли эликсир молодости и бессмертия, панацею от всех болезней. И теперь я могу подарить жизнь, вернуть тебя к нам, пригласить в наше будущее. Возвращайся, дед!

А прибой все разбивал неумолимые волны о берег и скалы. Он настаивал, торопил, он отсчитывал волну за волной, растворяя их в желтом песке. Сколько этих волн еще оставалось?

– Милый мальчик, – ответил тот, – если то, что ты говоришь мне, правда, если это не твоя юношеская фантазия, ... я готов, – и старик хитро прищурился, – столетия – нет. Но годы или месяцы, какие-то мгновения, не отведенные мне этой жизнью... Я готов ненадолго остаться с вами. Здравствуй, новый век...

Вот когда Генри в первый и единственный раз вмешался в свое прошлое. Чем все это закончится, он не знал, не спрашивал об этом в лаборатории времени, мнение их ему было известно... Только оставил в далеком прошлом записку себе и родственникам. Они прочитали ее и поняли все...

Старому Ричарду было много лет. Если не столетие, то совсем немного отделяло его от этого рубежа. И когда в комнату вошла Валери, взяла в руки шприц и уже хотела сделать укол сыворотки, он понял, что жизнь бесконечна. Если сей-

час, в свой последний день или час, он готов так смотреть на женщину, значит, он будет жить! И сколько еще не осталось, он хочет жить и любить, словно, ему еще нет и пятидесяти... Нет – сорока!.. Двадцати. Потому что душа не покидала этой земли и стремилась познать все то, что не успела за прожитые годы долгой, далекой, теперь уже прошлой жизни...

Так на острове появился еще один гражданин, еще один житель, который не стремился подняться туда, «наверх», получая все радости от этого места здесь, в миллионах годах «позади». И как удивительно, как чудесно было наблюдать, когда шел по пляжу великий старец – человек, который помолодел на десятки лет, а жизнь и желания были с ним, были его прошлым и будущим...

35

И снова корабли – плавучие острова и дворцы выныривали из пучины времени, приближаясь к маленькому островку в океане прошлого. Снова встреча великих и сильных мира сего проходила у Генри на вилле. У Генри и у Ричарда. Некоторые из гостей хорошо помнили старика, и рады были пожать эту благородную руку.

– Ричард, старина, ты снова с нами? – воскликнул пожилой господин без галстука, отводя его в сторону.

– Сколько времени прошло с нашей последней встречи – лет двадцать? – изумлялся он, глядя на Ричарда.

– В гробу я видал ту последнюю встречу, где тогда и находился, – засмеялся Ричард, пожимая ему руку. Потом прищурился и хитро посмотрел на собеседника:

– А я помню ты, старый сыч, даже слезы не проронил!

Человек без галстука опешил, вспоминая тот день, и на мгновение замер. Но, снова заговорил:

– Все шутишь, совсем не изменился! Выглядишь на бодрый полтинничек. Сколько тебе сейчас?

Ричард с удовольствием затянулся сигарой, выпустив колечко дыма. И вообще, теперь он все делал с удовольствием.

– Сколько мне сейчас? – повторил он. – Черт его знает, сколько! Знаешь, когда Генри приволок меня на остров, я думал, что мне уже лет двести – и ничем не удивишь. Но потом... ты только послушай, старина..., когда вошла в комнату молоденькая девчонка с зелеными глазами, взяла в руки шприц и уже хотела сделать укол... Эта крошка держала мою руку, а я смотрел в ее зеленые глаза... Тогда и понял, что мне... не больше ста!

– Ха-ха-ха! – и они громко засмеялись на всю просторную залу.

– Что смеешься?! Через несколько дней мне было уже семьдесят. А сегодня я чувствую себя, как юноша – на полтинник. И если я готов был тогда, в последний день жизни, так смотреть на женщину, значит не все прожито!

– Ну, конечно, старина! – согласился человек без галстука.

– Вот только не знаю, как поступить с памятником на ост-

рове. Мои детки расстарались – видел? Памятник при жизни – это как-то...

– Оставим там твоего друга, а из тебя вылепим динозавра.

– Вот и правильно! Буду работать чучелом – отгонять птиц.

– Чучелом?! Ты мужчина – еще хоть куда!

– Ты так думаешь? Значит, еще съездим на сафари, старина, погоняемся за ящерами! – и Ричард потрепал старого приятеля по плечу.

– Конечно! А знаешь... Я тоже надумал зайти к вашей зеленоглазой на укол! Пора, так сказать, сделать подтяжку... Ха-ха-ха...

И уже серьезно добавил: – Ты слышал о наших делах?... Старина, ты кое-что пропустил!

– Слышал, слышал про ваши дела, – проворчал Ричард, – ладно, пойдем к остальным...

И они вернулись к длинному столу переговоров, заняв свои места.

Сильные мира... Что они могли сейчас предложить? Гигантские деньги, самые мощные рычаги на планете, которые до сих пор решали все, теперь не работали, и любое неразумное движение там, «наверху», любое действие приводило к неминуемому концу. Ричард знал многих из этих людей, знал, на что они способны. Но сейчас все они, словно попав в неминуемый водоворот, который пока вращался большими

размеренными кругами, заставляя все двигаться по заколдованному кругу, уже притягивал к середине, где заканчивался пропастью. И никакие деньги, сила или власть не могли повлиять на события. Тем не менее, к концу беседы было принято решение: нанести удар на опережение по заводам страны-изгоя и вывести из строя установки с фотонной бомбой. Решено было сделать это позже, за месяц до события, чтобы не дать им возможность повторить попытку. Но, главным было – обойти ту роковую дату. Ричард сидел за длинным столом, внимательно слушал, молчал и понимая, что ответ нужно искать не здесь. Высокие гости недолго пробыли на острове и вернулись в свое время.

И снова амфитеатр летнего театра заполнялся людьми. На сей раз никто не выступал, не вручал наград. Ричард попросил Генри пригласить людей и просто поговорить. И теперь народ праздной толпой собирался, занимая места на трибунах. Они сидели и ждали, они были зрителями, и никто не хотел брать на себя роль ведущего. Люди знали, что их пригласили поговорить об их будущем, но многие были далеки от политики, а остальные, такие как Вудли, уже не имели решения, потому молчали.

Генри коротко рассказал о ситуации там, «наверху», в их далеком мире, и попросил высказаться тех, у кого были какие-нибудь идеи. Но для многих их помыслы и стремления теперь находились здесь и уже не выходили за рамки остро-

ва. Одни смирились, другие по привычке надеялись на военных, дипломатов, правителей, да и не привыкли они брать на себя такую ответственность и решать все за целый мир – так устроена жизнь. Каждый в своем маленьком кругу, словно в раковине, – и царь, и Бог. Но стоит выглянуть наружу – не хватает ни сил, ни разума, а главное – желания, задуматься о том, что где-то дует ураганный ветер и сносит все на своем пути. Пора что-то решать, но способны на это лишь единицы. И теперь Генри мучительно искал среди людей, среди этого маленького бессловесного стада тех немногих, которые были способны на что-то еще.

Вот сидит Вудли – гениальный разведчик. Не раз он спасал и вытаскивал, прикрывая собой те бреши, которые, словно, на тонущем корабле образовывались снова и снова.

Вот Леонид. Он уже выполнил свою миссию, побывал на передовой, но вернулся ни с чем.

Валери. Эта юная девушка теперь работала на будущее их острова, а, может быть, цивилизации, сама не осознавая того. А ее физик был с ней рядом. Им было достаточно этого, было хорошо вдвоем, спокойно и легко.

Писатель. Это гениальный человек! И если в его книгах героям что-то удавалось, то в жизни, по-видимому, нет. Сейчас он сидел, молчал и думал, мнение его Генри помнил хорошо...

Ричард Уилсон с удовольствием озирался по сторонам.

Как было сказано выше, теперь этот человек снова все делал с удовольствием. Оставив предыдущую жизнь далеко позади и начав новую, он ценил каждое мгновение, каждый вздох, каждый взгляд этих людей, птиц над головами. Ценил свет солнца, которое снова освещало его столетнюю жизнь и помолодевшее тело. На вид ему не было и пятидесяти, а те пять месяцев, которые еще оставались до неминуемой катастрофы, казались ему вечностью. Он смотрел на этих людей, совсем молодых мужчин и женщин. Многие уже сбросили, как ящерицы, свои старые тела, и сидели юные, обновленные, безмятежные и счастливые на этом острове, где ничего не могло случиться. Они были спокойны, привыкая к новой жизни, которую им подарила сыворотка Валери. И вдруг его осенило...

– Посмотрите на меня! – неожиданно для самого себя воскликнул он. Люди повернулись к нему с интересом. Все знали, кто это, и ждали его слова.

– Сегодня я готов пригласить всех на свои похороны. Сегодня все вы можете постоять над гробом моим и бросить горсть земли на могилу.

Он мгновение помолчал, оглядев шокированных людей, потом улыбнулся и продолжил:

– Да-да! Я не шучу! День моей кончины прописан на памятнике, который стоит на этом острове – вы можете это проверить – ровно двадцать лет назад. Настолько меня перенес ваш аппарат времени. Но никогда еще я не чувствовал

себя таким молодым и здоровым. И сегодня я всех приглашаю на мой день рождения. Я снова родился и живу!

Люди начали аплодировать.

– Хочу ли я жить, когда мне почти сто лет? Конечно! Еще как хочу! И все, собравшиеся здесь, хотят, и там, «наверху» тоже. Противоестественно – отказываться, если для этого есть возможность и условия. Возможность – посмотрите на эту прекрасную миссис, – и показал на Валери. – Она нам ее подарила. Условия – поглядите вокруг, обратите свой взор к нашей жизни в будущем. Так будет всегда! И все те люди на планете тоже хотят эту жизнь без болезней и старости.

Он перевел взгляд на Генри:

– Вот ты говоришь – скоро не останется места на Земле, если все станут жить вечно? Нужно контролировать рождаемость? Фотонный век дал нам столько нового пространства, что хватит на столетия! Столетия! А там будет видно. Мы должны подарить всем это чудесное избавление, дать людям здоровое тело и жизнь, тогда душа их будет здорова! Вы спросите, хочу ли я жить? Да! Хочу! И все этого хотят... А там посмотрим.

Люди в приподнятом настроении покидали трибуны маленького амфитеатра.

– Подумать только, – смотрел по сторонам Генри, – когда-то в подобных театрах разворачивались кровавые события, на утеху самым низменным желанием, страстям здесь

терзали и убивали зверей, гладиаторов, а теперь в таком же амфитеатре эти же люди придумывают и создают жизнь. И если они научились этому здесь, почему бы не научиться и там «наверху». Генри был полон энергии и сил. Он знал, что дед обязательно поможет. Та и случилось. А, значит, снова появилась надежда.

И только один человек после этого совета задумчиво брел по кривым дорожкам, направляясь в отдаленную часть острова, где любил работать, придумывая все новые эпизоды, главы, и где никто не мешал. Он шел, размышлял и не знал ответ на вопрос: Стоит ли исцелять тело, когда больна душа? Медленно так брел и тихо повторял эти слова снова и снова...

36

– Мистер Генри, нам нужно поговорить, – угрюмо произнес Леонид, входя в кабинет Уилсона.

– Да, мистер Громов, рад вас видеть! Слушаю, – приветствовал его Генри, не понимая настроения физика.

– Валери сказала, что начинается работа над сывороткой «Валери»?

– Да, Леонид, у вас правильные сведения.

– И она будет занята в производстве?

– Конечно! Так же, как и вы совсем недавно в продвиже-

нии своего изобретения... Вас что-то смущает?

Генри продолжал внимательно на него смотреть, пытаясь понять причину тревоги.

– Нет,... не смущает,... просто, хотел спросить... Я семь месяцев не был дома, работал там, на Большой Земле... Но я мужчина, мне было проще, а Валери,... как сказать,... женщина,... совсем еще молодая женщина, и ей будет трудно семь месяцев носится по всему миру и работать в таком режиме.

Наконец, Леониду удалось закончить эту длинную сумбурную речь, и он замолчал. А Генри улыбнулся, посмотрев на этого неисправимого собственника, теперь все понимая.

– Мне приятно слышать, что наш остров стал для вас домом, – ответил он.

– И все-таки, я хотел бы знать о ваших планах! – настаивал Леонид.

– Ну..., во-первых, семи месяцев у нас уже нет,... вы прекрасно знаете об этом, – тактично начал Генри, продолжая улыбаться.

– Ну, не семь... не важно. Меня беспокоит эта длительная командировка...

– Надеюсь, вы не собираетесь оградить ее от такой работы? Насколько я понимаю, это дело ее жизни? – с пафосом воскликнул Генри.

– Да, но...

– Но все равно не хотите отпускать ее от себя... Пони-

маю...

– В конце концов, я мог бы ей помочь. У меня есть опыт работы, я много общался с людьми... Могу тоже ездить... Меня знают...

Заметив чертову улыбку Генри, он на мгновение умолк.

– Да! Я не хочу отпускать ее одну! – наконец, сдался Громов.

– А как же ваша работа? Насколько я знаю, у вас были свои проекты, грандиозные планы. Вы хотели построить аэродром на соседнем острове, создать летательные аппараты на фотонном двигателе, а вместо этого будете продавать сыворотку?

– Да, сыворотку, – настырно произнес Леонид.

– Валери будет не одна, мы ей поможем, – попытался возразить Генри.

– Я не отпущу ее! – уже громче произнес тот.

– Мы создадим все условия, чтобы она не так перегружала себя. Впрочем, какие ее годы?

– Повторяю, я не отпущу ее! – гневно выкрикнул физик.

– И я не отпущу ее! – внезапно так же громко произнес Генри.

– Не понял!? – растерялся физик. – В конце концов, мы свободные люди... Мы вольны делать то, что хотим! Во всяком случае так думает она.

– И я не отпущу ее! – снова повторил Генри и улыбнулся. – Не отпущу на Большую Землю – это очень опасно.

– Да? Почему? – удивился тот.

– Потому что все ваши изобретения там, «наверху» пытаются превратить в забаву для военных, и пока все до единого на планете не будут инфицированы сывороткой, она и ногой не ступит на Большую Землю. А секрет ее вакцины останется здесь вместе с ней.

– То есть, она никуда не уедет? – переспросил физик, недоверчиво глядя на него.

Генри уже не мог сдерживать себя, косясь на этого тупицу. Собственно, это, наверное, свойственно многим гениальным людям, – подумал он. – И все же...

И все же продолжил внятно говорить, почти по слогам:

– Да, она будет работать здесь до конца проекта, пока мы все не закончим. Пока мы не сумеем обойти тот дьявольский день, она будет находиться здесь. И работать тоже будет здесь.

– На острове?

– На острове!

– То есть, никуда не поедет?

– Никуда! – Генри едва сдерживал смех. А физик задумчиво направился к выходу, что-то бормоча себе под нос... Но, снова вернулся.

– А если она захочет сама? – задал он вопрос, эта ужасная мысль внезапно засела в его голове, и он не находил решения.

– Значит, мы ее не отпустим! – решительно воскликнул

Генри.

– Правильно, не отпускайте! – обрадовался физик.

Но Генри все-таки не сдержался. Он пронзительно на него уставился и серьезно произнес:

– То есть, вы согласны с тем, что она, как свободный человек, не может покинуть острова?

– Да, конечно!.. Не понял? Что?

– Вы против того, чтобы ее, даже по собственной воле, туда отпустили?

– Да!.. Но... Вы же сами сказали... Вы издеваетесь?

– Нет!.. Нет Леонид, ну, что вы, это я так... не волнуйтесь, все будет нормально. Идите работать, – и серьезно добавил: – Все будет хорошо!

– Да...да, я пойду...спасибо, – Леонид уже направился к выходу. Но Генри опять не сдержался:

– Леонид! И последний вопрос. Когда Валери придет просить меня не отпускать вас в небо, в космос или куда вы там соберетесь, мне что ей ответить?

Леонид повернулся и сурово на него посмотрел.

– Ха-ха-ха, – наконец захохотал Генри. Он смеялся и уже остановиться не мог. Физик тупо на него уставился, не зная, обижаться или нет. Но, неожиданно так же громко начал смеяться. И долго еще эти два человека хохотали, пока не пожали друг другу руки...

Корабли и тяжелые баржи вереницей шли от воронки в сторону острова. Они подходили к далекому пустынному краю, сгружая тяжелую поклажу, и уплывали назад, а на берегу уже поднималось высокое строение, которое сверкало на солнце пластиковыми стенами и огромными окнами. Над зданием кружили вертолеты, завершая крышу массивной конструкции. Завод по производству сыворотки готовился к началу работ. Все происходило не один день или месяц, но все случилось за короткое время на глазах у изумленных граждан острова. И вот праздная толпа собирается на берегу, заполняя пляж, готовясь к такому событию. Оставалось немного, и двери гостеприимно распахнутся. Люди в белых халатах, разрезав розовую ленточку, устремятся в лаборатории к своим пробиркам и колбам, создавая маленькое чудо, которое скоро будет отправлено «наверх» и даст людям жизнь. И вот уже первые партии волшебных таблеток сходят с конвейера, уже тяжелые баржи с ценным грузом отходят от причала и отправляются на Большую Землю. Они несут жизнь и надежду на будущее. А будущее бесконечно и не имеет границ...

Разве можно представить, что будет с человеком, которому неожиданно подарили бессмертие? Вся та короткая, раз-

меренная или бурная жизнь, имевшая свой план и устоявшийся ритм, переворачивается в одно мгновение: наши тайные, мимолетные и пугливые мысли о болезнях и страданиях, о смерти, о конце, который неминуем и предопределен, а поэтому не хотим об этом задумываться и знать не хотим. И не ходим к врачам, чтобы как можно позже узнать о неизбежном. И вдруг узнаем о том бесконечном, что теперь растянется на многие годы или столетия.

Можно будет учиться всю жизнь, или прожить в любви и согласии долгие века, не потерять любимого человека... дорогих и родных людей. Обойти пешком всю планету, проплыть на лодке океаны, перепробовать множество профессий. Можно будет лететь к звездам долгие годы, не боясь их безвозвратно утратить, потому что теперь этих лет бесконечное множество. Только не оступись, не упади, не потеряй ненароком в сумасшедшей гонке сквозь века и расстояния драгоценное тело свое. А оно в благодарность будет всегда молодым и здоровым, и нести будет сквозь времена, обгоняя мечты и мысли твои, тебя человек... Человек, заслуживший бессмертие...

Солнце вставало над островом, освещая все вокруг: отели и пустынные пляжи, лежаки и зонтики, гору, черным конусом восходящую кверху, словно, упирающуюся острым пиком в самое небо. Освещало далекий берег, где завод ожидал начала рабочего дня, и этот берег, где две фигурки встре-

чали любимый рассвет. Это стало традицией для Валери и Леонида, и теперь этот берег и утро принадлежали только им. А солнце давно привыкнув к такому, радостно сияло на их лицах. Они уже выбрались из воды и сидели на пляже, наблюдая за восходом. Долго так сидели и смотрели.

Валери заметно волновалась, но ничего не говорила. Потом достала из сумочки часы, посмотрела на них, вскочила и начала лихорадочно одеваться. Так она делала уже несколько дней с тех пор, как завод начал работать – нервно собиралась и мчалась к конвейеру, боясь опоздать. День за днем. И сейчас больше не смотрела на него, а Леонид с тихой молчаливой улыбкой сидел, наблюдая за ней. Наконец, не выдержав, произнес:

– Ты далеко?

– На завод... Ты же знаешь!? – возмущенно произнесла она, на ходу застегивая одежду.

– На завод!?!... Вы только на нее посмотрите! У нее появился свой завод! Какая незадача!

Он постарался поднять ей настроение, помня, с каким восторгом сам не так давно трудился в бесконечной китайской долине на первом его заводе.

– Да, на завод.

– Какая пунктуальность! Могла бы и опоздать...

– Не могла бы...

– А если я тебя не отпущу? Или обижусь? Может быть, я хочу с тобой позавтракать или что-нибудь еще!..

– Не ворчи, я побежала!.. Что-нибудь еще! – возмущенно повторила она.

– Значит, твоя чертова вакцина не подождет? Так-так!

– Нет, не подождет!

– Значит, твоя чертова вакцина тебе дороже, чем провести со мной лишних пару минут?

– Так! – резко остановилась она, сверкнув огненно-зелеными глазами. – Чего ты хочешь?

– Чтобы ты меня поцеловала, – невинно произнес он.

После последней встречи с Генри Леонид успокоился и чувствовал себя замечательно. Он получал удовольствие от жизни, своей работы, от этой девушки, которая теперь была с ним, но по утрам убегала на свой завод. И сейчас он любовался ею, вспоминая свою командировку, а видя ее волнение, хотел помочь. Даже подтрунивал над ней, чтобы снять напряжение. А еще он помнил, как когда-то она ревновала его к делу всей его жизни.

– Целую, – и она поцеловала, – что еще?

– Так не целуют! – возмутился он.

– Еще поцеловала!

– Иди, – нарочито безразлично произнес он.

– В последний раз поцеловала... Все?... Отстань! Дурак! – воскликнула она, когда он крепко схватил ее за талию, – ты дашь мне уйти или нет?

– Тогда и ты в следующий раз не говори мне ничего, – произнес он, имея в виду свою работу. А планов у него было

громадье!

– Размечтался! Завтрак в холодильнике, обед в ресторане, ужин дома! Ушла. И чтобы ужин был вкусным, – грозно сказала она. – Приду злая, уставшая, голодная. Все, мой физик! Аривидерчи!

– Ну-ну, пока, мой фармацевт...

Она обернулась, посмотрела на него долгим взглядом, вдруг замерла, словно заметила впервые, подошла и нежно поцеловала.

– Так лучше?

– Да!

– А так?

– Да!

– Еще?... Я никуда не пойду! – воскликнула она, отшвырнув сумку далеко в сторону.

– То-то же. Я пошутил – иди, – сдался он.

– Теперь я не шучу, – и, обхватив его за шею, затолкала по пояс в воду. Одежда ее намокла, но девушка, смеясь, обнимала его, толкалась, висела на шее, пока вдвоем не свалились в пенные волны прибоя...

Наконец, оба встали, продолжая смеяться. Вдруг стала серьезной и даже испуганной.

– Когда ты был там – «наверху»... Тебе не было страшно? – тихо спросила она.

– Нет, а что?

– Я чувствую себя, как на экзамене,... который нельзя не сдать. Два года назад я сделала сыворотку,... кремчик для кожи лица. Для разглаживания морщин. Просто крем, которых тысячи!!! А теперь оказалось, что от этой вакцины зависит все. И от меня тоже!.. Не все рождаются героями,... я просто женщина!.. Мне страшно...

– Перестань, все будет хорошо, – воскликнул он, взяв ее за руки, только теперь понимая, что с ней творится.

– Эти люди с их сумасшедшими деньгами, их влиянием столько времени не могут остановить войну, – горячо продолжила она, – потом твоя командировка, твое изобретение и все напрасно. До конца осталось всего три месяца, а тут какая-то сыворотка!

Они стояли по пояс в воде, держа друг друга за руки, а восходящее солнце, находясь между двумя фигурами, словно лежало в ладонях, ярко освещая их лица.

– Ты же знаешь, что это не так. Валери, ты сделала чудо. Если больному, который знает, что ему осталось немного, сказать, что он снова здоров, как ребенок, что будет жить долго, не будет больше болеть – он будет счастлив! Он не станет лишать себя жизни и других тоже! Жизнь не настолько абсурдна.

– Юрий так не думает...

– Ричард так думает, и Генри, и все остальные на острове... Я так думаю! Тебе достаточно?

– Да, достаточно, теперь да, спасибо тебе, – прошептала

она.

Он смотрел на нее, не выпуская рук. Она была такая юная, нежная, вся мокрая от воды, и казалась сейчас такой беззащитной, что захотелось спрятать ее, взять в ладошку, закрыть, положить в карман и не выпускать.

– Маленький мокрый воробей, – подумал он, видя, как она приходит в себя.

– Так я пошла? – улыбнулась она.

– Нет!!! – и он громко засмеялся. Она тоже захохотала...

– Ну-ну, пока, мой фармацевт! Беги, переоденься – опоздаешь! – и отпустил ее.

– Аривидерчи! – бросила на прощанье девушка, помчавшись к отелю. А он все стоял и улыбался. Но через мгновение серьезно, с тревогой и даже ужасом в глазах посмотрел ей вслед.

– Неужели она сделает это? – подумал он. – Неужели ей это удастся?

Но Валери не заметила этот взгляд. Ни к чему ей это. Маленький мокрый воробей...

38

В саду на вилле у Генри и Ричарда собрались четыре человека. По одну сторону длинного стола занимали места хозяева острова, а рядом с ними сидел всем знакомый медиа-магнат Сильвио (теперь на острове частый гость), по другую на-

ходила Глорис. Они сидели и внимательно на нее смотрели, а та, держа в руках бумаги, тоже молча смотрела на них. Все были в возбужденном состоянии, ожидая новостей. Наконец, Сильвио произнес:

– Ну, расскажи, Глорис, – какие наши дела! – сказал это и откинулся на спинку мягкого дивана, утонув в нем целиком. Он был невозмутим, и по его лицу трудно было понять, какие новости всех ожидают. Глорис заглянула в свои бумаги и начала читать:

– Семь миллиардов доз вакцины были произведены и доставлены к нам два месяца назад...

– Мы сами отправили их вам два месяца назад – мы знаем об этом, – в нетерпении перебил ее Генри. Она спокойно на него посмотрела, потом перевела взгляд на Сильвио. Тот кивнул, и она продолжила:

– Господин Сильвио нам очень помог, во всех средствах массовой информации на его телеканалах и в прессе была проведена мощная рекламная компания.

– Преувеличиваешь, Глорис, преувеличиваешь, – скромно потупил глаза Сильвио, – продолжай!

– Дальше,... что было дальше? – задумчиво произнесла она...

Все слушали, внимая каждому ее слову, а слова эти отражались от стен просторной залы, безжалостно методично доходя до слуха каждого своим сухим языком:

– Государства и правительства стран по-разному реаги-

ровали на это событие. Многие медицинские организации и учреждения предложили провести проверку данного средства и определили срок испытания новой вакцины – от трех до пяти лет.

Она спокойно произнесла эти слова, и на мгновение замерла. Чаще всего почему-то женщине доводится зачитывать приговор. Но она справилась с этой задачей, какой бы тяжелой она ни была. Глорис умела все.

– Но у нас нет трех лет! – в ужасе воскликнул Генри.

– Им этого не объяснишь, так полагается, – и спокойно продолжила читать:

– Всякий новый медицинский препарат должен пройти проверки и согласования, испытания и доработки, анализы и тестирования сначала на животных и только потом, спустя годы, на людях. Что, безусловно, правильно и неоспоримо – таковы международные нормы. Если что-то пойдет не так, жизни людей будут под угрозой...

Ей неприятно было зачитывать этот текст, но она выполняла свою работу. Сильвио понял ее и снисходительно произнес:

– Глорис, не надо формальностей, давай по существу...

– А по существу... Все государства заблокировали этот проект и спустили его на согласования в министерства и ведомства, – сказала это и отбросила бумагу в сторону. – Собственно, если по существу – это все. Три года, господи! – безжалостно закончила она.

– Три года, – проворчал Ричард. – Даже, если не брать во внимание нашу ситуацию... Какие там три года, когда только в странах с высоким уровнем жизни каждый крупный мегаполис теряет ежедневно от болезней и старости сотни людей... Ежедневно! А в масштабах страны, а в масштабах целой планеты? Три года – это сотни миллионов жизней! О чем они думают?

– Эмоции, Ричард! – произнес Сильвио. – Это уважаемые государственные институты, а, как ты знаешь, наша организация никогда не работала с таким контингентом. Мелочевой мы не занимались, медиков такого уровня у нас нет.

– Не медиков, а чиновников, – возразил Генри.

– На сегодняшний день это одно и то же, – заговорила Глорис уже без бумаги. – Тысячи людей ждут нового лекарства и гибнут, пока какой-то чиновник не поставит свой росчерк. Но, некая корпорация еще не успела окупить устаревшее средство, и пока она не продаст его, новое будет лежать в столе. Хотя в других странах этот препарат давно уже спасает людей. Такие правила игры! А тут, всем неизвестное средство... Впрочем, дело даже не в этом...

Сильвио не дал ей закончить и темпераментно заговорил:

– Вы понимаете, что медицина как бизнес перестанет существовать! – воскликнул и пристально уставился на остальных. Мимика его лица выражала все очень явно, он гримасничал, был убедителен и циничен, впрочем, как всегда. И даже если не знать его языка, все можно было понять итак.

– Люди будут приходить в аптеки за минеральной водой и зубной пастой. Гигантские медкорпорации обанкротятся в один день. Если в истории с фотонным двигателем те, кто раньше торговал нефтью, теперь занимаются фотонными технологиями (просто произошел передел рынка, но направление энергетики живо и процветает), то здесь!.. Вы хотите, чтобы они собственной рукой подписали себе приговор? Это смешно! Ты сделал бы это, Ричард, а ты, Генри? А я??? Они не отдадут рынка, а аппарат министерских чиновников, кормясь из этих рук, будет их прикрывать. Идет борьба не на жизнь, а на смерть...

– Скорее, не за жизнь, а за смерть! – поправил Генри.

– Хороший каламбур. И, тем не менее, – согласился Сильвио. Теперь тяжелая пауза повисла в комнате. Наконец не выдержал Ричард:

– Что же, из-за кучки негодяев мы не сможем дать нашу вакцину людям? – воскликнул он. – Господи, ребята, до чего вы тут докатились? Что за время, что за нравы?

– Ты безнадежно устарел! – воскликнул Сильвио. – Это эмоции, Ричард, а негодяями ты называешь уважаемых чиновников, которые озабочены здоровьем нации! – сказал это с пафосом и засмеялся. А смех этот дьявольскими нотками завибрировал в тишине.

– Самому стало смешно? – пробурчал Ричард.

– И взятками, – добавил Генри.

– А кучкой ты называешь целую армию чиновников, ко-

торых миллионы?

Дальше Сильвио продолжил темпераментно говорить, отчаянно жестикулируя:

– И это тебе не военные! С военными проще. С ними можно договориться! Это высокоорганизованные мерзавцы, у которых все козыри на руках – законы и правила, инструкции, медицинские медиа-ресурсы. А мои каналы, которые вещают по всему миру, ничто по сравнению с этой машиной. Когда речь идет о больших деньгах – они непобедимы! Это война, Генри... Это страшнее войны...

– Но, мы можем скинуться немного, и никакие медицинские корпорации не предложат им больше, – возразил Генри.

– В этом все дело! – воскликнул Сильвио, поднимая указательный палец. – Скинуться, как ты сказал, мы, конечно же, можем, и уже сделали это. Но, мы не успеваем. Нам нужно в короткий срок, в сотнях странах успеть в закрытых кабинетах с глазу на глаз приватно побеседовать с тысячами «уважаемых» людей, которые принимают такие решения. Озвучить их гонорары, и только тогда вопрос будет решен. Но, для этого нужна целая армия переговорщиков, не говоря уже о деньгах. У нас просто не остается времени...

– Деньгах... деньгах..., – повторил Генри.

– Генри, сам подумай! Не соберешь же ты их всех на одной площади или на своем острове и не осыплешь золотом!

– Золотом,... да, золотом...

– Вспомни фотонный двигатель! Мы внедряли его на рын-

ке не один месяц, шаг за шагом, страна за страной. Сотни репортажей, пиар-акций и так далее. Это была уникальная операция! – темпераментно продолжил Сильвио, размахивая руками, с любовью вспоминая рекламную компанию. По-видимому, она была его гордостью...

– Что ты предлагаешь? – перебил его тираду Генри.

Сильвио замолчал, выпучив глаза. Потом убедительно произнес:

– Выход один – все нужно сделать просто!.. Очень просто! Все с облегчением вздохнули – у Сильвио был план!

– Как? – воскликнул Ричард, – не тяни, как?

– Одним верным движением! – воскликнул Сильвио и снова замолчал.

– Каким? – теперь уже не выдержал Генри.

Сильвио словно над ними издевался, а те смотрели на него, требуя ответа, но он продолжал невозмутимо молчать. А на лице его застыла гримаса мудреца, затаившего великую истину. Наконец, он очнулся. Он снова жестикулировал, пытаясь произнести вслух те единственные слова, в которых таился великий смысл. Но слова эти застряли в гортани и не выходили наружу, отчего он еще активнее стал размахивать руками, напоминая дирижера, который подготавливал решающий аккорд, кульминацию, финал! И, наконец, он выкрикнул:

– Не знаю!.. Найти гениальный ход! – произнес это и исчез, утонув в диване. Все на мгновение опешили.

– Гениальный ход!?! – повторил Генри, – и все? Как просто!

Теперь все долго сидели и сосредоточенно молчали.

– Марсельеза! – вдруг произнес Ричард.

– Что? – удивился Генри.

– Песенка такая, помнишь? – добавил он. – Один парень ее написал, а толпа тут же подхватила, и потом ураган прошелся по стране.

– Ты говоришь – толпа? – произнес Сильвио, вынырнув из объятий дивана.

– Я ничего не говорю, просто вспомнил, – ответил Ричард, – коль скоро мы заговорили о гениальном и уникальном явлении, о чуде!

– Толпа никогда ничего не решала, – отмахнулся Сильвио. – Ни одна пиар-акция не считалась с мнением толпы. Есть технологии, свои тонкости, находки в проведении подобных операций, но толпа тут не причем – она съест то дерьмо, которое ей подсунут, и будет аплодировать. Это закон!

– А как же Марсельеза? – снова спросил Ричард.

Сильвио задумался, морщины на его лбу нервно напряглись, губы искривились, глаза забегали, извилины свернулись в мучительном поиске, наконец, он воскликнул: – А черт ее знает?... Далась тебе твоя Марсельеза! К черту ее! К черту! Не знаю! Это исключение из правил!..

– Именно такое исключение нам сейчас и нужно, – сказал

Генри.

– В общем, Генри, нужно подумать, ... нам всем нужно хорошенько подумать, – сказал Сильвио и замолчал.

– Да, нужно подумать, – согласился Генри, только думать некогда..., осталось всего два месяца...

– Юрий, тебе понравился фильм? – задала вопрос Валери. Они втроем прогуливались по широкой вечерней набережной, и яркие веселые огоньки освещали ее со всех сторон. Валери держала за руку Леонида, а Юрий шел рядом, с интересом глядя по сторонам. А нарядные, красиво одетые люди, заполняли все пространство вокруг. Юрий шел и думал, что осталось совсем немного времени, каких-то два месяца, и тот далекий мир будет взорван, уничтожен, и война уже где-то рядом. А все эти люди, которых он видел сейчас, приехали оттуда, с той планеты, где все произойдет. Но сейчас они спокойно гуляли по набережной, словно ничего не случится. Как это понять, как объяснить такое спокойствие? Или равнодушие? И почему так было всегда?

Он шел, соображал, и снова оглядывался по сторонам.

Война, она всегда где-то далеко, она нереальна, но до тех пор, пока тяжелый снаряд не взорвется в твоём доме, или тебя самого не накроет волной радиации. Война настолько противоестественна человеческой природе, что поверить в нее трудно, представить невозможно, ее можно лишь увидеть, ощутив на себе, но тогда уже будет поздно. И это не рав-

нодушие или безразличие. Есть вещи, в которые поверить невозможно. Поэтому, все эти люди надели на себя красивые наряды, гуляли сейчас по набережной, не задумываясь ни о чем. А времени оставалось совсем немного...

Услышав вопрос Валерии, очнулся от своих мыслей.

– Потрясающе! – ответил он. – Я давно не видел такого кино. Собственно, такого давно и не снимали... Сколько лет этой актрисе? – спросил он.

– Вчера или сегодня? – засмеялась Валери.

– И вчера, и сегодня.

– Ей уже под восемьдесят, если прилично говорить о возрасте женщины, но сегодня она выглядела на тридцать.

– А сколько ей было, когда она получила свой первый Оскар? – спросил Леонид.

– А ведь ей столько и было пятьдесят лет назад! – воскликнула Валери.

– Просто она вернулась в свой возраст и все, – сказал Юрий...

– Смотрите, это она! – прошептала Валери.

На набережной возникло небольшое замешательство, затем гром аплодисментов приветствовал красивую молодую женщину, которая шла с охапкой цветов. Та изящно раскланялась, широким жестом рассыпав воздушные поцелуи, и пошла дальше.

– Как это замечательно, когда такие актеры молодеют и снова делают свое великое дело, снова творят чудеса! – с вос-

торгом произнес Юрий.

– Прямо здесь, на острове!.. Построили целую киностудию и теперь снимают кино! – добавил Леонид.

– Неужели они уже смирились и, забыв ту прежнюю жизнь, теперь начинают ее здесь заново? Ведь осталось всего два месяца! – с удивлением воскликнула Валери.

– Наверное, не забыли, просто не могут без дела, – ответил Леонид. – Ты можешь без своего дела? А Юрий? Вот и они не могут...

– И правильно, – добавил писатель, – если у художника осталось, что сказать – нужно говорить. Если есть, что отдать – нужно отдавать. Месяц... два... или целая жизнь! У одного десятки лет летят в корзину, а он сидит, смотрит телевизор, делает какие-то бессмысленные дела, а другой сгорает, как факел, но успевает сделать что-то настоящее, живое... И дело не в том, сколько у тебя этого времени осталось, а как его прожить.

– Ты будешь принимать вакцину Валери? – спросил Леонид, внимательно на него глядя.

– Нет. Пока нет! – как-то просто ответил Юрий.

– Почему? – удивился тот.

– Нужно ли лечить тело, когда больна душа? – задумчиво произнес он... Потом весело добавил:

– Еще не время...

– Я обижусь, – улыбнулась девушка.

– А ты не боишься, что после этого я стану древним ста-

риком? – тоже улыбнулся он, – у тебя таких случаев не было?

– Нет, пока нет...

– Тогда не рискуй! – засмеялся он.

– Ты, наверное, один такой на целом острове, – произнесла Валери, покачивая головой.

– Отсталый, доисторический динозавр, – добавил Леонид, и они, о чем-то споря, растворились в толпе...

И снова эти четверо сидели за длинным столом в садике на вилле Уилсонов. Сильвио еще не пришел в себя после просмотра кинофильма и был крайне возбужден. Он изредка восклицает: – Да!!! Да!!! – и жестикулирует руками. Он потрясен.

– Да!.. Да!... Какая женщина!.. Да!.. Пожалуй, пора срочно уколоться и сбросить пару десятков лет! Ах, какая прелесть! Лучшие женщины возвращаются к нам! Пора потрянуть стариной!

Ричард смотрит на него, и ехидный огонек начинает светиться в его глазах. Генри удручен, он молчит, наконец, произносит:

– Может, мы вернемся к нашим делам?

– К нашим делам, – повторяет Сильвио. – Да! Да! Какая красotka!.. К нашим делам!

– Я знаю, что нужно делать! – вдруг воскликнул Ричард. – Вы видели этот фильм, вы видели реакцию людей, посмотрите на Сильвио? А ведь все знают о вакцине, но все рав-

но потрясены!.. Просто покажите этот фильм людям там, на Большой Земле! Этого будет достаточно! Кто же не помнит ее пятьдесят лет назад, а она снова красива и юна! Кто не захочет вновь стать молодым и начать жизнь сначала?

– Марсельеза? – посмеялся Сильвио, – ты снова о чуде?

– Но этот фильм и был чудом!

– Да... да, это было настоящее чудо, – задумался Сильвио. – Роскошная женщина, ты прав!.. Только этому не поверят, скажут, что это монтаж, грим... нет, просто двойник. Такое часто бывает! Этого не достаточно! Не убедительно!

– Да, не убедительно! – вдруг нарушила молчание Глорис, – но мистер Ричард абсолютно прав. А сделаем мы все по-другому.

Все удивленно на нее посмотрели. Что могла предложить эта молодая смазливая девчонка? Но Глорис уверенно продолжала:

– У нас на острове есть много ребят из старых великих рок-групп. Все они уже стали молодыми, приняв вакцину, и теперь не знают, чем себя занять. Бренькают на своих гитарах. Мы соберем десятка два таких ансамблей, ... лучших ансамблей 70-х, 80-х и отправим их туда, «наверх»... Помолодевших, знаменитых и любимых! Убедительная демонстрация вакцины молодости!..

– Умница! – заорал Сильвия, – а я говорил, что это моя лучшая ассистентка! Даром, что красивая!

– Это недостаток? – спокойно парировала она.

– Иногда попадаются такие! Просто, кошмар! – завелся с пол-оборота Сильвио, – когда на длинных стройных ногах, над красивой задницей находится голова с мозгами тупой курицы или змеи... Уже не знаешь, которая лучше...

– Не отвлекайся Сильвио, – остановил его Генри, – об этом потом!

– Да! Да! – мгновенно вернулся к теме разговора Сильвио. – Мы выделяем для этого грандиозного всеобщего праздника центральную площадь европейской столицы... Конечно же Рим!

– Конечно же! – поддел его Ричард, представляя себе размах этого предприятия. И глаза его засияли радостным огнем. А Сильвио продолжал:

– Огромная эстрада, как огромный лайнер будет над ней нависать! Тысячи огней, трансляция с вертолетов, картинка со спутников, а в первых рядах все знаменитости с острова. Все до единого! И не дай Бог, кто-нибудь не будет выглядеть на свои двадцать пять! Ах, какие женщины там будут!.. А потом рок-концерт! Оперные певцы! Подтянем ребят из Ла Скала!

– Конечно, Ла Скала! Ну, как же без Ла Скала? – уже хохотал Ричард.

– И так на всю ночь! Трансляции по всем телеканалам! И не мы им будем платить, а они нам заплатят за право просмотра! Заплатят за все!

– Спокойно, – осадил его Ричард, – о деньгах потом!

– Вы хотели чуда? Вы его получите! – уже в запале кричал Сильвио. – А перед финальной песней объявление на весь мир, что завтра во всех странах, в каждой аптеке, всего за один ЕВРО и ни центом больше каждый человек на планете без рецепта сможет купить вакцину Валери! Крупным планом на экране ее фотография и мужа – Громова...

– И трех маленьких детей! – добавила Глорис.

– Трех детей, ... каких детей? – удивился Генри.

– Это побочный эффект вакцины? – удивился Сильвио.

– Нет, это портрет счастливой семьи! Пиар-ход, – пояснила Глорис.

– Да-да! Пиар-ход! – повторил Сильвио. – Все верно!

– Что же будет потом? – спросил Генри.

– Кто-то говорил о толпе? – загадочно произнес Сильвио. – Вот после этого мы и посмотрим, что сделает эта толпа со своими запретителями. Пожалуй, это тот редкий случай, когда толпу можно будет задействовать, ... так сказать, в массовке! Зная, что все склады забиты вакциной бессмертия, а на нее наложен запрет! В мире такое начнет твориться! Вот тебе и Марсельеза!

– Но, трансляция с нашими артистами должна вестись во все страны, – добавил Генри, – вся планета должна увидеть этих людей! Вакцина должна попасть в руки к каждому на планете, в любой стране – в этом смысл!

– Не беспокойся, Генри, – воскликнул Сильвио. – Медиа-сопровождение я беру на себя! Уверен, все получится!

Теперь не может не получиться, – сказал это и свалился на мягкий диван. Он очень устал...

– Какая женщина! – напоследок пробурчал он.

39

Три человека стояли на пирсе и смотрели на корабли, которые один за другим отходили в сторону воронки. Большая гавань опустела, и только небольшие лодки одиноко качались на привязи. А на палубах тех кораблей находились сотни, тысячи людей! Они пестрой толпой занимали все свободное пространство, люди перегибались через перила, махали на прощанье острову, а их веселый жизнерадостный гомон нависал над спокойным океаном. Это был исход. Это были самые грандиозные гастроли, которые только видела планета. Столько великих людей на одной сцене еще не знала Земля. Здесь находилась вся элита, которая была собрана по крупицам на острове, вся великая рать, которая за десятилетия доказала, что она лучшая, и теперь все эти люди отправлялись туда, «наверх», чтобы снова удивлять и потрясать. Здесь находились все!

– Не понимаю, почему я не могу поехать?! – закричала Валери.

– Ну, Генри!.. Ну почему я не могу поехать?... Италия, Рим! Это так близко от моей Франции!.. Почему я должна оставаться здесь как наказанная?...

Она выглядела маленькой девочкой в компании этих взрослых мужчин и отчаянно билась в негодовании.

– Полный бред! Как с ребенком! – кричала она, бегая по пирсу. А эти двое стояли и смотрели вдаль.

– Еще не поздно!!!.. Я, кажется, о чем-то спросила!!! – подбежала она к Генри и топнула ножкой, потом снова кинулась к перилам и замерла. Но мужчины стояли и ничего не говорили, иногда украдкой улыбались, переглядываясь, и снова смотрели вдаль. А на кораблях тем временем начался концерт. Нет, пока не концерт, разминка, репетиция. Хотя, нужны ли этим людям были репетиции, когда каждый звук гитар, барабанов и синтезаторов, каждая нота, уже оставили след, отражаясь в вечности, и теперь горели где-то далеко яркой звездой. Каждый звук быть занесен в великую книгу памяти и сохранен навеки. Это был великий исход!

Ансамбли оглашали окрестности громкими аккордами. Музыканты дурачились, устроив музыкальную перекличку. Они, как виртуозные жонглеры, играясь с нотами, перебрасывали их с корабля на корабль, с палубы на палубу, подхватывали на лету и продолжали снова. И так до бесконечности! Диковинные птицы носились в небе, как сумасшедшие. На палубе самого большого корабля-гиганта стоял Сильвио и смотрел на них, широко улыбаясь. Он и был адмиралом этой флотилии. На этой же палубе четверка известных музыкантов вдруг заиграла незабываемый хит семидесятых, а на других кораблях тут же его подхватили и уже вторили. А «Дым»

великой мелодии теперь стелился «над водой». Маленький Вилли носился повсюду. Он дирижировал, что-то кричал, свистел, размахивал банданой. Маленький Вилли сходил с ума! Сегодня был его день!

– Наконец его выпустили отсюда! – воскликнула Валери. – Как из клетки! Даже Вилли отпустили, а я, как идиотка, стою тут с вами, – и она в бессилии всплеснула руками. Корабли тем временем начали один за другим погружаться в воронку и исчезать. Исчезали во времени громкие голоса и звуки сумасшедшей мелодии, таяли корабли, канули в вечность великие музыканты, растворилась неповторимая улыбка Сильвио. Его огромный корабль, последним подойдя к воронке, уже начинал медленно проваливаться. Он уходил все ниже и ниже, а на самой его верхушке, на смотровой площадке, на вышке стоял и подпрыгивал Вилли, размахивая своей банданой. Корабль исчез, бандана в его руке, еще мгновение помахав над спокойной поверхностью океана, тоже скрылась из виду. А вокруг только спокойная синяя гладь. И эти трое, стоя на краю пирса, глядели куда-то вдаль, продолжая молчать.

– Мы что, втроем остались на этом чертовом острове? – оглянулась на мужчин Валери. От досады она чуть не плакала.

– Почему втроем, – нарушил молчание Генри, – вчетвером! Вон мой дедушка на набережной.

– Дедушка?! – грозно повторила она и со сжатыми кула-

ками пошла на него. – Говорите, бабушка!!!

– Валери, я вам обещаю, – засмеялся он, – как только все закончится, все утрясется, я сразу же отпущу вас в Париж! Я клянусь вам! В тот же день!

– Клянусь, – повторила она и тяжело вздохнула...

А мелодия с ушедших кораблей уже неслась над всей планетой. На центральной площади Рима, на гигантской сцене появлялись все новые и новые исполнители, а на экранах миллионов телевизоров мелькали их лица, молодые, знакомые, такие любимые, все напоминало чудо. Вертолеты, сверкая прожекторами, разрывали мощными фотонными моторами облака. Небо мерцало в свете разноцветных всполохов петард и ракетниц, озаряясь брызгами ослепительных искр, и над столицей мерцало зарево, которое было ярче утренней зарницы. Солнце завидовало им. Казалось, эта музыка и всплески мощных аккордов неслись над всей планетой. Маленькими яркими астероидами бороздили ночное небо, серпантинном миллионов звуков рассыпались искрами, мощными децибелами врывались в самые отдаленные темные уголки Земли и будили все живое. И спрятаться, скрыться от этого цунами было невозможно. А музыка все звучала и звучала. И если посмотреть со спутника, слышна она была даже оттуда, превращаясь в космическую мелодию, нереальную, незнакомую, неведомую доселе, но такую волшебную, что звучала она во всей вселенной. То был шум планеты, ее

дыхание, стук ее сердца, которое громко пульсировало и билось в тиши бесконечной ночи. А на экранах все продолжали мелькать лица рок-музыкантов, фигуры великих голосов Большой Оперы. Но вот уже картинка перемежается кадрами демонстраций и пикетов по всему миру, и снова концерт. Вот кадры очередей в аптеках... Люди, встающие с инвалидных колясок..., древний старик, засучив рукав, терпит укол в вену и улыбается беззубой улыбкой... Бедные и богатые, белые, чернокожие, узкоглазые, полуголые, в туземных одеждах, в набедренных повязках, убогие, искалеченные, здоровые и больные – все стоят в очереди к машине с красным крестом. И снова музыка, и сцена, и рок-оркестр, петарды, взлетающие с площади высоко в звездное небо. День за днем, неделя за неделей – и снова руки тянутся к заветной таблетке, дающей жизнь. Все барьеры сметены! Как в кино! А камера уже наблюдает из далекого космоса за нескончаемым концертом-марафоном, потом картинка уменьшается и неведомый оператор снимает планету, такую маленькую, крошечную с материками и океанами, голубым небом и счастливыми людьми, получившими таблетку бессмертия. Людьми, получившими жизнь...

И момент истины наступил!

– До роковой даты осталось 24 дня! – сказал Генри.

Напряжение повисло в воздухе, не уступая по своей силе напряжению огненного шара, зависшего над океаном, над

чашей, где электрические разряды молний перебегали по мачтам и проводам.

– Почему роковой? – спросил Ричард. – Все удалось! Все получилось! – уверенно добавил он.

– Скоро мы узнаем обо всем, – ответил Генри.

Ричард видел, как волновался его внук. Они были недалеко от установки «червоточины» и отправляли десант туда, «наверх», в тот самый день и час, в пекло или в новую жизнь, которую удалось отстоять. Удалось! Он верил в это. Но, больше Ричард Уилсон не сказал ничего, не успокаивал, молчал и ждал. Люди в защитных костюмах растворились в серебряном облаке и по коридору времени пошли на разведку. Они были одеты, как космонавты, хотя перемещались на планету, где были все условия для жизни. Могли бы просто надеть джинсы и куртки и отправиться на легкую прогулку, откуда вернулись бы с хорошей новостью, но гарантировать никто не мог...

– Что так долго? – думал Генри. Он каждую минуту смотрел на часы, отсчитывая мгновения неизвестности. Неизвестность – это самое волнующее, что переживает человек. Она может подарить следующий миг жизни, а может его отобрать, и каким он будет, не знает никто, а поэтому неизвестность волнует и притягивает, и не дает оторваться от стрелки часов. Но проходит полчаса, час, уже второй, а их все нет. И только из будущего пультом управления они могут отдать команду на возвращение.

Огненный шар невозмутимо покачивался над волнами и своей уверенностью и мощью как будто успокаивал этих людей на берегу. Он, конечно все знал, но сказать не мог, поэтому люди смотрели на него с надеждой, а он, чувствуя это, не мог отвести огненных глаз от них, переливаясь яркими бликами на колыхавшейся округлой поверхности. А люди замерли, молчали и ждали...

По берегу ходили удивительные птицы, не беспокоясь ни о чем. Солнце сияло в вышине, тоже не беспокоясь. Солнце знало все, оно повидало многое на своем веку, а потому не волновалось, просто светило ярко и тепло – но это тоже немало. Спокойные волны нежно касались песчаного пляжа. Генри посмотрел на лица, окружавших его людей:

Юрий, Леонид, Валерии. Немного поодаль – Вудли, Глорис... Как всегда, Вилли за пультом... Все эти люди сделали все, что могли, а теперь просто ждали. Все были сосредоточены и собраны, напряжены. Сейчас решалось все!

– Я должен был ехать с ними, – прошептал Генри.

– Ты должен находиться здесь, – твердо ответил Ричард и добавил: – Жди, еще не время. Жди.

– Время! Сейчас оно решает все, а что в том времени происходит, куда они отправились, не знает никто. Осталось 24 дня...

– Рано, Генри... Пока еще рано... Жди...

В серебристом свете начали появляться очертания лодки.

Люди, стоявшие в ней, обретали свои тела и объем, и вот они машут с палубы руками, на головах их нет защитных шлемов, костюмы расстегнуты, на лицах улыбки. И в этот миг весь пляж и весь остров взорвало криками счастливых людей. Последние месяцы и недели сюда, в это убежище, прибывали и прибывали новые корабли. Людей стало очень много. Все готовились к самому худшему, но продолжали надеяться, поэтому сейчас здесь собрались тысячи. Они кричали, в восторге обнимая друг друга, бросались в воду, желая быстрее услышать хорошие новости, которые им принесли.

Десант высадился на пляже, эти люди улыбались, и теперь было понятно – все удалось! Их подхватили на руки, подбрасывали высоко в небо, все ликовали, и концу этой радости не было предела. И только огненный шар спокойно нависал над установкой, размеренно покачиваясь в вышине, словно говоря: «Все будет хорошо».

40

Остров гулял всю ночь. Эти люди, такие разные, знаменитые и могущественные, словно малые дети, носились по улочкам, купались в фонтанах, бросались в океан, стреляли петардами. Гром музыки раздавался на многие километры в округе, яхты с фотонными двигателями гонялись друг за другом, прыгая по волнам. Во всех барах и ресторанах столики были вынесены на улицы, и остров превратился в огром-

ный банкетный зал. Люди вставали с мест, произносили речи, хохотали, поливая друг друга шампанским, и снова фейерверки, и снова шампанское. Леонид был растроган победой своей подруги. А та, раскрасневшись от бокала вина или от такого дня, а может, от своего юного возраста, хулиганила, купалась, целовалась со всеми подряд и сходилала с ума.

Потом они вдвоем оседлали маленькую машину-велосипед и носились по дорожкам с невероятной скоростью. Валери сидела за рулем, а в руках Леонида была зажата бутылка с шампанским. А следом уже пристроились два десятка таких же машин, пытаясь их обогнать. Валери оглядывалась, хохотала, наконец, выкрикнула:

– У нас своя Формула Один! – и снова до упора нажала на педаль газа. Вдруг резко притормозила и врезалась в бордюр. Рядом с ними стоял Юрий с пустым бокалом в руке. Леонид, не долго думая, подлил ему шампанского, а Валери, чокнувшись, громко закричала, перекрикивая рев моторов и шум толпы:

– Юрий, мы тебя свяжем, вколем вакцину и заставим жить долго и счастливо! – она выпила шампанское, швырнула бокал на землю и добавила:

– И жалуйся хоть в Страсбургский суд. Ты меня понял, русский?

Тот пробурчал что-то в ответ, но слов его она не услышала. И мы не услышали тоже...

И снова эти двое мчались по дорожкам острова, обгоняя

машины и время, глядя на счастливых, помолодевших людей. Потом устали и долго бродили по шумным улицам в толпе людской, не собираясь уходить – а ночь эта не имела конца. Генри с трудом разыскал их и отвел в сторону. Хотя, какая могла быть «сторона» в такой толчее и безумии.

– Валери, я тебе кое-что обещал! – воскликнул он.

– Да, Генри, да! Ты мне кое-что обещал! – счастливо засмеялась она, не помня и не тая зла. А он продолжил:

– Валери, тебя приглашает президент Франции. Прием состоится завтра во дворце.

– Но здесь нет дворцов, – опешила она.

– В Елисейском дворце, – поправился он.

– В Париж! Боже мой, в Париж! Мой Париж! Я не была там два года. Леонид, нас ждет президент! Парижский президент нас ждет!!!.. Тьфу!!!..

Она была немного навеселе. Нет, не немного. Поэтому не соображала, что говорила. А Генри смотрел на нее и смеялся.

– Мы едем в Париж! – наконец сконцентрировалась она. – Когда?

– Завтра! В полдень состоится прием. Утром вылетаете, так что не гуляйте всю ночь, – и на прощанье добавил: – Хотя, ... какие ваши годы!..

И с удовольствием посмотрел на эту пару...

Париж встречал их прекрасной зимней погодой, ярким

солнцем и эскортом красивых машин, сопровождаемых мотоциклами. Валери была в восхитительном платье. На борту самолета ей сделали невероятную прическу из ее шикарных длинных волос, теперь даже перед женой президента было не стыдно появиться. Леониду нашли черный смокинг и бабочку. Он, словно скрипач, держал в руках свой замечательный инструмент и не хотел выпускать его из рук. Но сегодня был день Валери.

Во дворце ее шумно приветствовали в приемном зале, снова шампанское, снова речи. Но сначала президент повязал на ее платье ту награду, которая была известна еще со времен Наполеона. Орден Почетного Легиона украшал ее девичью грудь и был вручен по заслугам. Люди вокруг выглядели совсем юными, жена президента снова, как в далекой молодости, восхищалась своей красотой, а президент пообещал, что после окончания срока непременно воспользуется вакциной. Пока играл гимн, она, стоя с ним рядом, услышала его слова:

– Почему только после окончания срока? – прошептала она президенту.

– Как-то неприлично, если страной будут руководить дети, – возразил он и кивнул на собравшихся в зале людей.

– Разве неприлично выглядеть молодым и красивым? – подмигнула ему Валери.

– А что, я сейчас недостаточно красив? – подмигнул он ей. И оба засмеялись, посмотрев, один на свою красавицу-жену,

а другая – на Леонида. И, все же, договорились встретиться после окончания его президентского срока. Париж есть Париж, здесь можно говорить все, даже в Елисейском дворце, даже самому президенту, тем более ей, героине этого дня и виновнице торжества!

Пахнуло вечерней прохладой, теперь они вдвоем шли по улицам, наконец, без всякого сопровождения и охраны. По пути забежали в какой-то магазинчик и купили для такой погоды одежду. На улице было плюс десять – в Париже была зима. Вот когда Леонид, наконец, почувствовал, для чего нужны деньги. И теперь они шли по этому удивительному городу, доставая его золотую карточку, и тратили, тратили, покупая всякие мелочи – украшения, бриллианты и прочую ерунду...

Посреди улицы заметили старичка. Тот сидел на скамейке, а перед ним лежала шляпа для подаяния. А из нее торчали купюры достоинством в 100 и 500 ЕВРО!

– Франция сходит с ума, – подумал Леонид.

Нищий поклонился и протянул руку. Они полезли в карманы. Леонид достал свою золотую карточку, а она свою. Оба переглянулись и засмеялись.

– Ничего-ничего, – с достоинством произнес клошар, – вы можете перевести деньги на мой счет, – и протянул им свою карточку, – вот мои реквизиты, – почтенно добавил он. Они взяли его визитку и почтенно ему поклонились. Перегляну-

лись, засмеялись и полетели дальше, снова и снова уходя в этот удивительный волшебный город...

Теперь Валери была его проводником, показывая Париж таким, каким знала его сама. Сначала по его желанию – Эйфелева башня, Лувр, Елисейские поля, Триумфальная арка и Великий Собор. Это все, что он знал, но теперь она, взяв за руку, тащила его по узеньким улочкам, булыжным мостовым с милыми французами, открытыми быстро, запахом восхитительного багета и шоколада. Уже заблудились в этом огромном, старинном городе, а она все говорила, говорила, и каждый дом или улица были целой историей, она ее знала, все время о чем-то рассказывала, делясь с ним...

Как это здорово заблудиться с такой девушкой в этом городе любви, от которого веяло вечной весной, свежим воздухом, удивительным чувством свободы и в президентском дворце, и здесь, в этих переулках и подворотнях. Как хотелось всегда оставаться молодым и любить, и идти шаг за шагом, переступая по этим камням, зная, что впереди ожидают только жизнь и любовь, и счастье, которое так просто теперь было удержать в руках... Счастье, которое он нашел и уже никогда не отпустит...

Два человека отгеснили его в сторону, третий схватил ее за руку и забросил в машину, которая с визгом притормозила у мостовой. Дверца за ней захлопнулась, потом страшный удар сзади по голове, и Леонид уже не помнил ничего. А эти

старинные дома с витыми чугунными балконами, с красными черепицами на покатых крышах, с окнами, повидавшими многое, словно раскачивались над бесчувственным телом Громова, медленно растворяясь в туманной дымке...

41

Долго ехали на машине. Город закончился, и окраины Парижа, освещенные вечерними огоньками, провожали в далекий путь. Потом аэродром – никаких документов и контроля, просто подвезли к борту, завели в самолет, и лайнер, помахав крыльями на прощанье этой стране, начал набирать высоту. Летели долго, очень долго, океан бесконечно тянулся под ними, и конца этому путешествию не было видно. Солнце пыталось их нагнать, отобрать эту добычу, но его опередили, и в такой же бесконечный вечер приземлились где-то далеко, совсем в другом времени, на самом краю Земли.

Когда развязали глаза, резкий свет ослепил ее, и она увидела человека, сидевшего напротив. Он был в белом халате, а на голове была надета медицинская шапочка. Его интеллигентное лицо не внушало ужаса и страха.

– Слава богу, врач, – подумала она. С врачами она умела разговаривать и делала это многие годы.

– Валери Сандрин, рад видеть столь выдающуюся личность в моей скромной клинике! – радушно приветствовал

ее «доктор».

– Вы еще спросите, каким ветром меня сюда занесло? – ответила она. На ней был повязан орден, врученный этим же днем, надеты были драгоценности, купленные Леонидом, от нее пахло восхитительными французскими духами. Подумать только, всего какие-то часы отделяли ее от счастья...

Человек посмотрел на нее так, слово читал мысли, улыбнулся и продолжил:

– Люблю, когда женщина не теряет самообладание, во всяком случае, поначалу. Не люблю истеричек. На ваш вопрос, который вы пока не задаете, отвечу сразу. Мне нужен ваш рецепт, у меня нет времени заниматься анализом вакцины, но у меня есть вы. А значит, вы мне его дадите, и мы тем же рейсом отправим вас домой.

Она понимала, что это не мелкие воришки, люди, которые пошли на такое, не будут задумываться о методах, поэтому сразу же ответила:

– Рецепт в моей лаборатории, я не могу воспроизвести его по памяти.

– Ерунда, – ответил он, – все вы можете с вашей умной головкой и отличной памятью. Итак?

– В любом случае, этот рецепт будет опубликован ровно через месяц во всех заинтересованных журналах, – ответила она. – Осталось немного подождать.

Она помнила о «той» дате и подумала, что сейчас важнее всего обойти ее. У разведок, а особенно у их медиков, есть

масса способов заставить заговорить, и сейчас главным было выиграть время.

– Валери, вы меня не совсем понимаете, мы проделали большую работу, чтобы встретиться с вами, даже нашли способ выманить вас в Париж. Неужели вы думаете, что теперь мы намерены чего-то ждать?

– Вы хотите сказать, что этот орден вручил мне ваш человек? – удивилась она.

– Безусловно, нет, его вручил ваш президент, и вы знаете об этом. Но подготовили эту, так сказать, презентацию наши люди, и по их рекомендациям через третьих лиц мы и посоветовали Кабинету организовать встречу с вами в нужный нам день и час. Теперь вы понимаете, сколь велики наши возможности?...

– У Генри появились конкуренты, – подумала она и уже не понимала себя. Откуда взялась такая смелость, откуда здравый смысл и логика? Но сейчас ей нужно было только одно – знать, чем ей угрожают и на что эти люди способны...

– На все, – спокойно ответил «врач», – только нужно ли вам это, Валери? – он встал и обошел ее кресло, продолжая ходить из конца в конец комнаты. В его голосе не было издевательства или угрозы, только спокойствие и здравый смысл, но что могло быть страшнее?

– Валери, – повторил он, – мы не будем ждать месяц, вечеринка состоится раньше, вам придется играть по нашим правилам. Итак, вы готовы написать прямо сейчас вашу фор-

мулу долголетия? – он посмотрел в ее зеленые глаза, которые так любил Леонид, и она подумала, что он сейчас так далеко, а она не знает, что ответить. Под взглядом этого человека она чувствовала себя, как под рентгеновским лучом, который способен проникать насквозь.

– Ваши друзья сейчас далеко, – словно читал он ее мысли, – а мы рядом, и готовы решить этот вопрос прямо сейчас.

– Иначе?

– Вам хочется знать? – и он улыбнулся. – Неизвестность пугает, не правда ли?

Она промолчала. Человек тоже немного помолчал, потом добавил:

– Иначе мы сделаем вам небольшой укол, инъекцию – на ваш выбор, а потом будем ждать ваших дальнейших действий.

– Какой укол? – и голос ее дрогнул.

– Вариантов несколько, меню разнообразно! – произнес он, прищурившись. – Допустим, сибирская язва, тропическая лихорадка... Или чума? Какое блюдо вы предпочитаете?

Она молчала, и он продолжил:

– Ваша вакцина сработала, вы помолодели до идеального возраста и состояния, но не более того. Мы проводили опыты и кое-что выяснили: если после ее использования заразить организм какой-нибудь серьезной болезнью, ему для выздоровления понадобится следующая доза. И это мы тоже

проверили. Только тогда любая болезнь отступит. Но чтобы выздороветь, вам придется воссоздать вашу вакцину уже в нашей лаборатории. А иначе конец! Ваша жизнь в ваших руках, Валерии.

Он снова замолчал и уже весело на нее посмотрел. И снова заговорил:

– Валери, вы создали чудо! Чудо в ваших руках и этой милой головке. Неужели вам хочется покрываться страшными язвами, задыхаться во сне, температура тела будет зашкаливать за 45 по Цельсию? Да, что я вам рассказываю? Давайте все закончим прямо сейчас. Просто напишем вашей рукой рецепт, проверим его и разойдемся?

– Я согласна! – внезапно ответила она.

– Вот! Так-то лучше! Берите бумагу и ручку! Вам принести кофе? – он засуетился, позвонил по телефону...

– Я согласна. Скажите, ведь вам все равно?

– В каком смысле? – не понял он.

– Вам все равно, какая это будет болезнь?

– Вы сумасшедшая? – не поверил он ее словам.

– Тогда чума. Древняя, уважаемая убийца всех времен и народов. О ней даже в Библии сказано.

– Вы на полном серьезе? – он посмотрел на эту, совсем еще юную особу, на которой гордо, как флаг, реял Орден Почетного Легиона, висели бриллианты и золотые украшения, от нее еще пахло шампанским и дорогими духами, ее волосы в роскошной прическе были уложены для встречи во двор-

це. Ей открывались все двери мира, огромные деньги сулили
счастливое будущее, ее красота была достойна любви насто-
ящего мужчины, а она выбирала ЧУМУ!

– Чуму, – повторил он расстроено, – ну что же, раз я вам
дал слово, значит, выбор за вами. Чума! – снова удивленно
повторил он. – Чума!

– И еще чашечку кофе, если это, конечно, возможно, –
напомнила она...

42

Ей нужно было выиграть время. Период инкубации болез-
ни составлял 3–4 дня. Это уже кое-что. Всего оставалось 24
дня до той страшной даты. Уже 23 дня... Но ее срок – это
четверо суток до начала развития болезни и еще столько же
до конца. Уже неделя, а там посмотрим! – как любил гово-
рить Генри. Так думала Валери. Она получила чашечку кофе
и укол в вену в придачу, и теперь ее время превратилось в
томительное ожидание, а эти несколько дней – в историю бо-
лезни с неизвестным концом. Они не учли одного. Она врач,
и никакая болезнь не напугает ее так, как простые садист-
ские методы, которые ломают в застенках людей. И сейчас
она даже боялась подумать об этом, словно чума и была тем
единственным спасением в «маленькой клинике» (как изво-
лил выразиться ее «доктор»). Итак, время пошло...

Леонид снова был на острове. Несколько человек собралось в доме у Генри, и теперь они решали, что им предпринять. Для этих людей, которые всю свою жизнь занимались подобными вопросами, все было привычно и знакомо, но только не для него.

– ...я не вижу особенных причин для беспокойства, – продолжал говорить Вудли. – Ну, заберем мы ее оттуда, с места их встречи или из дворца, откуда угодно – и все...

Но для Леонида невыносима была мысль, что останется в каком-то другом параллельном мире кусочек ее жизни.

– Из дворца? – воскликнул он. – А та Валери, которая потом гуляла по улицам Парижа, заходила в магазины, ела хлеб. Это живой человек, Вудли! Куда она денется?! Она останется там? И этот отрезок ее жизни тоже! А потом в неизвестном месте над ней будут издеваться? Нет! Вудли, нет!!!

– Хлеб? При чем здесь хлеб? – не понимал Вудли.

– Леонид хочет сказать, – произнес Генри, – что, забирая ее раньше, остается во времени кусок ее жизни, который уже случился и стереть его невозможно. Он повис в каком-то параллельном мире, где и находится сейчас Валери. Настоящая, живая Валери.

– Ну и что? – возразил Вудли, – меня тоже выдернули оттуда, с той набережной. А где тот другой Вудли, которого оставили, теперь не имеет значения, – спокойно трезво рассуждал он, – главное, что я здесь, я с вами, а сколько нас

таких двойников бродит в этих параллельных мирах – не счесть. Стоит ли думать об этом?

– Стоит, – ответил Генри. – И пока она жива, пока ее еще можно спасти, нужно это сделать сегодня, сейчас, но не вчера. Так мы снова перевернем события и поставим все с ног на голову. Мир очень хрупок, время не терпит вмешательств. И чем это обернется для всех нас и для нее тоже – не знает никто...

– Зачем вам это нужно? – спросила Валери.

Человек в халате снова сидел напротив. Сейчас ее кровать была отделена от него прозрачным стеклом, и пространство вокруг напоминало большой закрытый аквариум. Прошло три дня, и болезнь, наконец, заявила о себе – ужасно болела голова, во рту пересохло, все время приходилось пить, но это не помогало, уже начал появляться удушающий кашель, на руках проступили красные пятна. Обо всем этом она знала, и все шло по плану. А план был один – ждать и терпеть, пока ее не спасут.

– Я долго думала, зачем вам это нужно, ведь кроме деления клеток эта вакцина ничего не дает? – вымолвила она.

А человек тем временем внимательно смотрел на нее сквозь прозрачное стекло, проверяя симптомы и оценивая ход болезни. Изучал температурный график...

– Прекрасно! – наконец, ответил он, – великолепно!

– Что? – не поняла она.

– Простите, это я о своем...

Теперь он, обратив на нее внимание, вежливо отвечал на вопрос:

– Зачем мне это нужно? Я – любопытный человек, организация, которой я служу, тоже, и если появляются новые секреты, о которых мы ничего не знаем, нас это совсем не устраивает. А вдруг найдутся мерзавцы, которые, опередив нас, в своих интересах начнут использовать эту вакцину.

– Но, других интересов нет! – удивилась она. – Нет и быть не может! Вакцина продается в любой аптеке и помогает людям жить. И все.

– Это я и хочу понять – все ли? Поэтому мне нужен ваш рецепт, формула. Я должен быть уверен!

– Я вам повторяю – результат единственный – только деление клеток. Вы теряете время.

Человек сверкнул глазами и заботливо произнес: – Это вы теряете время, а у вас его не так много... Хотя и не мало. Если вы захотели так просто умереть, вам не удастся отделаться двумя-тремя днями. Ваш организм полностью обновлен, он может сопротивляться долго, и умирать вы тоже будете мучительно и долго. Вам это нужно?

– Нет, – как-то просто ответила она.

– Нет, – сочувственно повторил он. – Но если вы надеетесь победить чуму без повторной инъекции, у вас ничего не получится. С ней никто сейчас не борется, и она будет продолжать разрушать ваш молодой организм, пока все не

закончится. Вы хотите продолжить наш эксперимент?

Сейчас он напоминал заботливого врача, который искал выход. Искал, но не находил, чем был очень огорчен.

– Прошло три дня, Валери! Я боюсь, что скоро вам будет сложнее воспроизвести формулу и вспомнить все компоненты, тогда вам уже не поможет никто. Даже Я!

Она продолжала молчать, с мучительным интересом разглядывая этого человека: Он врач, но какая ужасная у него работа. Одни придумывают лекарства для жизни, другие создают болезни и сеют смерть. И те, и другие учились когда-то в одних колледжах, вместе сидели на лекциях, и даже сейчас они одеты одинаково – все те же белые халаты, шапочки, только программа у этих других немного сбилась. Ей даже стало жалко этого человека. Вдруг она произнесла:

– У меня есть один вопрос!

– Слушаю вас очень внимательно, – с участием произнес «доктор». Она улыбнулась, вернее, попыталась это сделать и спросила:

– Сегодня вечером, когда вы вернетесь домой к своей семье, обнимете жену и сына... , или кто там у вас? Сын, дочь? Они спросят о ваших делах, о работе. Интересно, что вы им расскажете?

Доктор, не ожидая такой наглости, выпучил глаза, а она продолжила:

– А потом, когда ваш малыш вырастет, вы наверняка захотите, чтобы он продолжил ваше дело, так сказать, пошел

по вашим стопам... Династия убийц! Потрясающе!

И она громко засмеялась,... потом закашлялась.

– У меня нет детей, – грустно произнес он, – и жены нет, – потом посмотрел на нее, заметив, что она начинает бредить, и, поправив на себе белоснежный халат, удалился, оставив ее в этом аквариуме до следующей их встречи.

Доктор Вудли сидел и размышлял. Последнее слово было за ним, и решить эту проблему мог только он и его люди. Казалось бы – все просто. Забрать ее оттуда на один шаг раньше, а еще лучше, забрать всех скопом в момент захвата и быстро развязать языки. Но не все было так просто, поэтому он сидел и рассуждал. И вообще, в последнее время он себя не узнавал. Сейчас зачем-то вспоминал глаза Леонида, который просил не оставлять ее в том будущем, вспоминал сложные умозаключения Генри о времени. Словно, видел блеск зеленых глаз этой девчонки, и что-то не давало ему покоя. Он перестал себя понимать, и дело даже не в возрасте. Пожалуй, впервые за свою долгую карьеру он позволил себе думать о людях не как об объекте, но видел в них просто людей, как в своем далеком детстве. И теперь, скорее, понимал Леонида, чем самого себя. А как можно еще относиться к ним, когда они, словно дети, без одежды, без задних мыслей, злого умысла идут себе по пляжу, плещутся босыми ногами в теплой воде и не боятся ничего, не думают ни о чем. Они какие-то беззащитные, и относиться к ним по-другому

он уже не мог. И не хотел.

– Дьявол! Как было бы просто выдернуть ее с любого места – сейчас она была бы уже здесь! Не думать ни о чем, не усложнять.

Но снова и снова перед ним стояли зеленые глаза этой молоденькой девочки. И тут он в ужасе поймал себя на мысли, что если так пойдет дальше – он станет профессионально непригодным. Будет, как в молодости, моргать перед выстрелом, нервно дышать, однажды промахнется, и это станет концом. Концом карьеры, концом его жизни и концом для Вудли...

– Да черт с ним! – внезапно подумал он.

– Стив, – неожиданно пробормотал он про себя это имя. Имя, которое давно не вспоминал. Стив из далекого, тепло-го, южного штата. Так звали его в детстве, потом в юности, и так было до тех пор, пока не появился Вудли. Тот вложил ему в руку револьвер, научил стрелять и приказал забыть Стива. Забыть навсегда! Как давно это было, тогда он честно забыл о нем, но сейчас почему-то вспомнил, теперь сидел, думал, принимая это непростое решение...

Пожалуй, он не оставит на растерзание Валери этим подонкам там, в будущем. Он сделает все сегодня и прямо сейчас. Он возьмет отпуск и отправится туда «наверх», – подумал Вудли, – все равно здесь уже никому он не нужен.

Просто, ему ввели вакцину Валери (он сам попросил об этом), и теперь его тело молодело на глазах, и душа молодела

– Валери, как это понимать? – «Доктор» снова сидел, вернее, стоял перед ней, в возбуждении потирая руки.

– Все-таки вы создали большое чудо! – воскликнул он, глядя на температурный лист и на результаты анализов. Сейчас она была его подопытной мышкой, и он разговаривал, скорее, с самим собой, чем с ней. И действительно, прошло еще три дня, но ей стало немного лучше. Болезнь замерла, затаилась, а пациентка была жива! Даже все видела, понимала, и пыталась рассуждать про себя. А он это делал вслух:

– Нет, госпожа Валери, – продолжал он, – это всего лишь отсрочка. Вы врач и все понимаете сами. Но, каков иммунитет, какова сила этого средства! Так не пора ли вернуться к нашему вопросу? – спросил он, обратив на нее внимание. – Осталось немного. День или два, неделя – и все будет конечно. Напишите мне вашу формулу, и я отправлю вас домой. Я клянусь вам!

Он был врачом, и сейчас восхищался ее вакциной. В эту минуту он стоял на пороге так близко, совсем рядом с одним из величайших изобретений человечества, и не мог им не восхищаться! И ею тоже! Она была для него, словно, икона, которую он боготворил. Он был замечательным врачом, и, если бы не такая работа, хорошо бы лечил людей, приносил

пользу. Но, увы...

– Скажу прямо! – продолжил он разговор с пациентом-коллегой. – В наши задачи входит коллекционирование лучших штаммов для бактериологического воздействия. А ваша вакцина лишь восстанавливает организм. Но какова сила и мощь в этом средстве! Панацея! Вот бы такую же силу чуме или моей любимой «испанке». Помните ту историю столетней давности?..

Он снова посмотрел на ее анализы. Валери молчала и «доктор», на мгновение, задумавшись, пробормотал последнюю фразу: «Такую же силу ЧУМЕ! «...»

И тут в этих глазах промелькнул огонек его порочного гения:

– Силу Чуме и Испанке!.. Такую же силу! И всем прочим нашим друзьям! – заворожено повторял он. Глаза его расширились и черными большими зрачками уставились в глубину сознания, в бездну, они заглядывали в самые потаенные, черные уголки его души. И тут разум и душа, словно слились воедино в безумном порыве, разыскав что-то на самом дне, подхватили и невероятным усилием воли уже тащили ЭТО на солнечный свет, в белую палату, сюда, в реальную жизнь. Уже доставали свою добычу, и тут его словно прорвало:

– Те же клетки! – закричал он. – Та же вакцина! Валери, девочка, то, что мне нужно, лежит в каждой аптеке!

Он кричал, глядя ей в лицо. Его осенило, теперь это открытие принадлежало ему, и он хотел, чтобы она знала об

этом.

– Бактерии тоже состоят из клеток. А если придать им такой же импульс, привив вакцину Валери Сандрин, получится штамм, который будет восстанавливать сам себя! Победить его будет невозможно! Мне даже не нужен ваш рецепт, теперь у меня есть свой. Но, я пойду значительно дальше!

Валери в ужасе смотрела на него, как на врача, который внезапно снял белый халат и примерил одеяние дьявола. Она все поняла, и впервые ей стало по-настоящему страшно. Это чудовище сейчас с ее помощью сотворит болезни, которые победить будет невозможно. Они передаются воздушно-капиллярным путем, переносятся насекомыми, птицами, земноводными, и достаточно будет с больным вздохнуть одним воздухом (а воздух на всех один), посмотреть на него, подумать об этом, и болезни разлетятся чудовищными облачками, накрывая все живое на своем пути. И остановить их уже будет не дано никому.

Но, он перебил ее мысли:

– Я вам обещал всего лишь укол? Я выполню свое обещание, только повторяю его снова, но уже с Новым вирусом. Чем вы лучше его, Валери? И тогда вы будете на равных – вы, человек, применивший свою вакцину к себе и чудо-бактерии, получившие то же снадобье. Тогда и посмотрим!..

Ему больше не было жалко эту женщину, он не восхищался ее гениальным открытием, потому что сейчас создал творение свое, ту единственную и великую силу, способную

Вудли по своим каналам проверил, кому нужна была Вальери. Он снова и снова отправлялся в тот период, несколькими днями раньше. Проследил за похищением, за людьми, которые в центре Парижа спланировали операцию. Проследил за ними до самолета. Потом проверил в канцелярии дворца, кем готовилась эта встреча, и пришел к выводу – работала серьезная организация одной могущественной страны. Он даже догадывался какой. А по тому размаху, с которым все было подготовлено и выполнено, он знал эту «фирму», ее почерк, и даже вычислил людей, которые осуществили захват. Но для подготовки войны с этой разведкой времени не было. Забирать ее с помощью «червоточины» он не стал, разыскать ее пока не мог. Вести переговоры с такими организациями крайне сложно. В таких государствах есть масса «институтов», которые занимаются «вопросами безопасности». Но о делах многих из них не догадывались даже в высоких правительственных кабинетах. Да, что там, кабинеты, когда власть меняется каждые 4–8 лет, а эти организации вечны, поэтому правая рука не ведает, что творит левая.

Юрий пытался помочь Леониду, хотел его поддержать, был рядом. Он не мог ему посоветовать забрать девушку от-

туда, с возможного отрезка времени, а другую Валери оставить там, в страшном будущем, навсегда. Он не мог предать Валери – такое ему и в голову не приходило.

– Какие удивительные люди, – думал он. Один чуть не погиб, пытаясь помочь людям, другую похитили, узнав, что она подарила человечеству бессмертие. Что же остается – тихо сидеть в своем углу? Принимать все, как данность? Смириться и ждать? Но если твоя жизнь бесконечна, остается ждать вечно и смиряться вечно, преклоняя колени свои, желания, волю, всю бесконечную жизнь и сидеть, забившись, в углу? Стоило ли оно того? Нужны ли эти столетия, когда все предопределено и ничего не изменишь. И не поднять головы...

Иногда Валери казалось, что не миллионы лет отделяют ее от друзей, от острова, от далекого океана. А где-то сейчас, рядом в это самое мгновение они живут, разговаривают, думают о ней. И время уже не казалось ей временем, а расстоянием, которое отделяло ее от них. И в такие мгновения, когда она оставалась совсем одна, думала, что эти люди где-то рядом, она даже видела их: и Леонида, и Генри, остальных. И чем тяжелее ей было, тем ближе становились они. Она бредила, а эти расстояния сливались воедино в одно небольшое пространство, где помещались все они и снова были вместе. Ей ввели еще одну вакцину, ту самую, Новую, и теперь она умирала. А сколько ей еще оставалось, не знал никто...

Часть 4

45

Генри ежедневно получал сводки новостей из будущего людей. Он внимательно следил и за началом фотонного века, и за выздоровлением человечества. Люди осваивали новые уголки планеты, заселяя далекие, недоступные ранее места. Ледники и пустыни, непроходимые горы и леса теперь становились обжитыми оазисами, где зарождалась жизнь, появлялись города и селенья, где теперь горела лампочка фотона, и не нужны были никакие клиники, потому что сильное и здоровое поколение продолжало новую, бесконечную жизнь. Эти люди перестали интересоваться военными новостями, победами на фронтах в горячих точках планеты. Да и мест таких не осталось. Наемные солдаты, которые раньше отдавали жизни за деньги, теперь разрывали контракты, покидая места, где раньше звучали взрывы снарядов и бомб. Где было только разрушение и смерть. Они больше не хотели рисковать жизнями, когда появилась возможность просто жить. Преступность сократилась во много раз. Раньше короткая и тяжелая жизнь не оставляла шансов, и выбраться из своей норы честным путем не было ни сил, ни возможности. То-

гда и появлялась предательская мысль – хотя бы на мгновение, но почувствовать себя «человеком», купив на украденное кусочек счастья. Но теперь, когда не хватало рук и умных голов, и только времени было достаточно для того, чтобы добиться всего – стоило ли калечить свои жизни? Старый Ричард был прав. Не нужно бояться нести людям благо, им нужно дать для этой жизни все, хотя бы не мешать, тогда они будут жить. Жить на этом острове, и там, «наверху».

Но случилось то, что не должно было произойти. Произошло то, чего никто не ждал. И теперь это не укладывалось в голове Генри, его помощников и стратегов, и даже его деда. До страшного дня, который ушел в небытие, растворился в вечности, канул в неизвестность, оставалось всего две недели. Генри был спокоен, и все-таки напоследок снова решил проверить этот период времени. И когда его люди отправились в это скорое будущее. Вернулись его посланники они с новостью, которая потрясла всех. Картина ужасала. Миллиарды людей, пораженные страшными болезнями, возвращали Генри к действительности, которая неотвратимо приводила к концу.

– Что этим людям нужно, чего им не хватает? Неужели жалкие единицы, ничтожные отщепенцы способны уничтожить человечество, повести всех за собой к последней черте? Как избавиться от этих изгоев? Как преодолеть ту раковую опухоль, которая появляется на теле человеческой расы маленьким пятнышком, а затем пожирает весь организм, и спа-

сенья от нее уже нет. Неужели естественно – убивать и быть убитым? Не рожать детей, не писать картины, не строить города или лететь к далеким звездам, а нажимать на курок. Почему такие люди существовали всегда, а остальные, несоизмеримое большинство, тупо следовали за ними покорным стадом, превращаясь в динозавров, поедая друг друга? Какой же выход, и есть ли он?

Теперь молчали его советники, ломал голову мудрый дед, теряясь в решении этого парадокса, молчал писатель, не мог вымолвить ни слова человек, создавший фотонный двигатель. Не было рядом Валери. Теперь было понятно – зачем она кому-то понадобилась. Ее гениальное изобретение использовали, как прививку чуме и «испанке», уничтожившей столетие назад миллионы жизней. Использовали, придав им такую силу, которую победить нельзя. И если люди теперь не шли следом за ними – изгоями, то на смену боевикам и солдатам выступали армии бактерий, несущие штаммы смертельных болезней. Вудли тоже не было рядом. Генри отпустил его туда на Большую Землю искать Валери. Тот просил его об этой командировке, и Генри отказать ему не мог. Да и что теперь можно было изменить методами старого проверенного агента Вудли? Ничего!

После праздника, после сумасшествия, которое творилось здесь всего две недели назад, остров опустел. Тогда все кинулись туда, «наверх», в свои дома, страны, города, чтобы начинать все заново и продолжать такую невероятную, длин-

ную жизнь. Остров стал милым курортом, куда можно было заглянуть при случае и провести уикенд. А сейчас Генри снова стоял на берегу и смотрел на вереницу кораблей и яхт, которые возникали из воронки времени, гигантской эскадрой подплывая к пирсу. Это был исход. Они шли не на праздник или встречу, а плыли сюда навсегда в их новую жизнь, во время, где еще не родилась цивилизация, погубившая себя. Они увозили все, что могли забрать из прежних жизней, поэтому страшно было смотреть на шествие красивых кораблей и яхт, отливающих спокойным вечерним блеском солнечных лучей в океане прошлого...

Тысячи людей сходили на берег, заполняя пространство спасительного островка. Тысячи доверяли свои жизни этому далекому прошлому, потому что настоящего у них уже не было. Это были лучшие из лучших – крошечная часть населения целой планеты, которая их изгнала. И все их таланты, достоинства не смогли предотвратить того, что уничтожило их жизни там «наверху». И жизни тех, которым уже помочь было невозможно. Это был исход...

Снова в амфитеатре летнего театра собирались люди. Теперь повод был не радостным, все настороженно молчали, глядя друг на друга. Генри начал встречу с рассказа о том, как они несколько лет пытались предотвратить катастрофу. Он говорил обо событиях и фактах, не скрывая ничего. Здесь, на острове, не было секретов от его граждан и гостей.

И если человек попадал сюда, он становился частью большого сообщества, где имел право на все – на слово и мнение, на жизнь, работу и отдых, праздники и безделье... На любовь... Его идеи выслушивали, и если большинство соглашалось, значит, такое решение принималось. И только одно мешало этим людям на этой свободной земле – многие, по инерции, принесли из той прошлой жизни лишь свое молчание. А сейчас, как никогда, нужно было слово каждого из этих достойных людей. Но, после рассказа Генри добавить было нечего, все молчали, и это пугало...

Наконец слово взял старый Ричард:

– В жизни каждого человека есть такое понятие, как будущее, и если его лишают, все равно он должен жить. Теперь, когда все опробовано и выхода нет, я хочу поговорить об этой жизни на этой земле, в этом времени...

Этот великий человек, этот справедливый, высокий разум, которому при жизни был поставлен памятник, сейчас мог рассуждать только о будущем, хотя времени немного еще оставалось. Но он тоже не находил иного выхода, выход для него теперь был только здесь, вдалеке от той жизни и их времени.

– Нас много, – продолжал он свою речь, – и люди, которые здесь собрались, способны на многое. Мы будем осваивать новые земли, у нас в руках наследие науки и культуры, мы имеем все, что люди за миллионы лет создали и оставили

нам. Скоро их не станет, но останемся мы, и теперь у нас будет много работы. Не правда ли?...

– Они еще есть! – раздался выкрик из амфитеатра. Это был Леонид. – И мы должны думать о том, как помочь им, у нас еще осталось две недели! А то, что сейчас происходит здесь, называется подлостью, предательством!

Он смотрел зло на безмолвных людей и готов был бороться до последнего за свою Валери, только пока не знал, как. Писатель сидел рядом. Он слушал своего друга и молчал, а в глазах его зрела какая-то решимость, которую он пока не подтвердил ни жестом, ни словом. Только молчал и мучительно думал.

– Леонид, – сказал Генри. – Мы понимаем, что у тебя большая беда, и у всех нас тоже. После того, что сделала Валери, нет ни одного человека, который был бы равнодушен к ее судьбе. Но, нужно смотреть правде в глаза. Я сожалею, но мы бессильны. У нас просто не остается времени ей помочь. Время уходит. К сожалению, мы на войне, где без потерь не бывает.

– Мы не на войне, а в далеком тылу, где только динозавры грозят вам своими зубами, а война там, откуда все трусливо сбежали.

– Что ты предлагаешь? – снова мягко спросил Генри. – Подняться «наверх» и погибнуть? Всем вместе? Через две недели все это закончить? Быть солидарными с остальными? Ты же знаешь, мы сделали все, что могли. И даже сейчас Вуд-

ли находится там, «наверху», и пытается ее разыскать.

– Что я могу сделать? – переспросил Леонид. – Вернуться и искать ее, и не отсиживаться здесь, господа. Слово «господа» он бросил с презрением, встал со своего места и направился к выходу, но знакомый голос остановил его:

– Повремени, Громов...

– Что? – не понял Леонид, обернувшись.

– Ты еще можешь пригодиться здесь... Не торопись, успеется...

И все обратили внимание на человека, который пока на острове ничем не выделялся и был незаметен. Это был писатель.

– Вы хотите что-то сказать, мистер Нестеров? – спросил Генри.

– Да... Я хочу... Пожалуй, я хочу кое-что сказать вам всем...

– Мы слушаем вас! – произнес Генри. Он был удивлен, и с интересом смотрел на этого человека. Он никогда не имел с ним долгих бесед и контактов, но всегда чувствовал, что тот не похож на остальных, и теперь ждал его слова...

Леонид сел в кресло, не оставляя намерений покинуть собрание, но пока говорил его друг, решил задержаться. А то, что Нестеров был непредсказуемым человеком, он понял уже давно, читая его книги. Предугадать его было невозможно... В амфитеатре на какое-то время. зависла тишина.

Нестеров не имел опыта общения с такой аудиторией и не отличался ораторским искусством. Но теперь ему было наплевать на свои недостатки, как и на все прочее, потому что сегодня ему было что сказать. Во всяком случае, так ему казалось. Он спустился с рядов в самый низ амфитеатра, сел за стол рядом с Генри и Ричардом, придвинул к себе микрофон и начал говорить. Его английский за это время стал совсем неплохим, а акцент...

Что акцент? Потерпят русского писателя, – подумал он. – Главное, чтобы они поняли...

– Мне придется начать издалека, надеюсь, я не отниму много времени у уважаемого собрания, – начал он. И голос его металлическим эхом микрофона отражался от рядов амфитеатра, растворяясь в тишине зала.

– Все это время, находясь на острове, я думал, почему это происходит? Два года я не понимал, почему мистер Генри и его помощники не могли остановить войну, почему человечество с таким упорством себя уничтожает, каковы причины этой неизлечимой болезни? И наконец, пришел к некоторым выводам, которыми хотел бы с вами поделиться.

Он посмотрел на молчаливые трибуны и неуверенно продолжил свою речь.

– Все это время мы пытались спасти человека, людей, общество. Но, что такое человек? – задумчиво задал он вопрос.

– Мы слишком озабочены нашим телом и не обращаем внимания на душу. Так думал я, когда вы решили подарить

людям бессмертие. Нельзя начинать с конца, нужно идти с начала и быть последовательными. Потом я заметил, что, когда дали людям новые клетки, их душа начала обновляться и молодеть. Казалось бы – выход найден? Но и это не помогло спасти цивилизацию. Когда вы преподнесли миру сверхновую энергию фотона, разумное решение должно было взять верх. Людям стало легче, у них появилось время для умственного развития, для совершенствования, для любви. Но мистер Генри снова и снова находил новые очаги, а доктор Вудли продолжал борьбу за их устранение. И тогда я подумал, что дело в более высокой субстанции. В духовном начале человека...

Теперь он говорил уверенным тоном человека, который знает, что делает и чего хочет. Голос его креп и становился громче:

– Не душа твоя страдает, а дух... Духовная твоя оболочка. Что там клетки, разум, рефлексy, рецепторы удовольствия, когда нечто высокое и невысказанное, но такое реальное и очевидное страдает смертельной болезнью...

Он на мгновение замолчал, словно проверяя, слышат ли его. Но зал терпеливо ждал и ловил каждое его слово, потому что других слов ни у кого не оставалось...

– И еще одно не давало мне покоя. Я говорю о конце цивилизации, о третьей мировой войне, о пришествии третьего антихриста. Роли первых двух, по версии Нострадамуса, приписывают таким персонам, как Наполеон и Гитлер. Оба

они принесли тяжелые человеческие потери, погибли миллионы, аналогов такому безумию не было за всю историю человечества. Но третий антихрист... Кто он? Мы знаем, что случится через две недели на планете. Знаем, что всегда находится тот человек, который поведет остальных за собой и сбросит их в пропасть. Мистер Генри сегодня рассказал о том, как они умирляли события, и, что самое удивительное – все происходило в один и тот же день, и даже час! Менялись лишь места, страны и демоны... Демоны! Так, кто же этот третий антихрист, ведь каждый раз он появляется в новом облики и в новом месте? В Новом Завете сказано – это красное чудовище с семью головами... Во всех религиях число семь упоминается при исчислении грехов человеческих. Семь смертных грехов! Так, кто же он – этот третий? Судя по событиям, которые развиваются, он уже здесь, среди нас, и мы знаем его. Но он один, а тех, кто тянет человечество к краю, множество. И тогда я задал себе вопрос – а в облике ли человека это чудовище? И почему он всякий раз меняет внешность, страну, несет что-то новое и все заканчивается концом? Я задумался... Нет, мне в голову пришла одна мысль... А может, он и есть в облике всех людей, всего человечества со своими семью головами – грехами. Но тогда он в каждом из нас!

Писатель продолжал, и его голос становился жестче и громче. Он совсем не походил на того задумчивого пожилого человека, каким все его знали.

– Посмотрите – семь смертных грехов! У христиан это – Гордыня, Зависть, Чревоугодие, Блуд, Гнев, Алчность, Уныние. Кто-нибудь из вас может сказать, что он совершенно свободен хотя бы от одного из них? А, может быть, именно мы и довели себя до этой черты и теперь пора изгнать из себя демона, который отравляет наши души и то высокое, что заложено в каждом из людей? Повторяю – он в каждом из нас! Но, как это сделать?

Люди притихли, они молча слушали, и ни один вздох или шорох не нарушал этой тишины.

– Нужно показать людям, как они живут и во что превратились! Как показывают курильщику снимок его легких – и тогда появляется шанс, что он бросит курить... Не все бросают, но многие... Нет, теперь уже все и разом, а иначе спасения нет...

– Люди тысячелетиями плодили свои пороки, а вы хотите за две недели избавиться их от этого? – воскликнул кто-то с трибуны.

– Именно! За неделю! За несколько дней! – громко выкрикнул он.

– Что вы имеете в виду? – не выдержал Генри. Все с замиранием смотрели на писателя – таким его еще не видел никто, да и был ли он когда-нибудь таким? Его глаза горели, словно у безумца, решившегося сделать прыжок в преисподнюю и этим спасти мир.

– У последней черты... – пробормотал он.

– Что? Изъяснитесь точнее? – переспросил Генри.

Снова ропот людей пробежал по трибунам.

– Леонид, ваша станция работает нормально? – неожиданно спросил Юрий.

– Да, но причем здесь это? – ответил тот.

– Нужно показать им лицо в зеркале... Как вам это объяснить?

Писатель заметно волновался и говорил сумбурно.

– Нужно создать зеркало, в котором удастся показать им самих себя – эту планету, их жизни, их детей, прошлое и настоящее...

– Да-да, я вас понимаю! – в нетерпении перебил его Ричард Уилсон. – Бывают такие ситуации, когда люди начинают об этом задумываться, особенно в критические моменты или в глубокой старости, но это сугубо индивидуально и далеко не для всех!

– Для всех и одновременно! – заражал своей идеей Нестеров. Но его не понимали. И чем больше не понимали, тем громче роптали и нервничали.

– Когда мы вспоминаем свою жизнь, оглядываемся назад и молим Бога? – продолжал Юрий.

– Зеркало? – снова в нетерпении перебил Генри. – Я вас понимаю! Но как это осуществить?

– Зеркало, – повторил писатель. – Именно, зеркало! Вы совершенно правы! Нужно создать иллюзию последнего дня человечества. Последнего дня для каждого на планете, и то-

гда они, наконец, задумаются. А задумаются – значит поймут! Создать не кинофильм или книгу, но реальную иллюзию, в которую поверят все, и будет это одновременно.

– Что вы имеете в виду? – выкрикнули из зала.

– Тейя!!!

– Что??? – люди замолчали, вновь не понимая. Теперь было страшно смотреть на этого странного человека.

– Мы забираем Тейю с траектории давности, – четко произнес он, – одалживаем ее у космоса и времени с того момента, как она уже здесь побывала, и даем ей возможность повторить свой полет.

Люди продолжали молчать.

– Вы сошли с ума? – наконец воскликнул Генри. – Вы хотите повторить падение и уничтожить все?

Писатель долю секунды подумал, понимая, что от следующих его слов будет зависеть все. Поймут ли его?!..

– И да, и нет. Мы возвращаем Тейю лишь на какой-то промежуток времени, даем ей возможность подлететь ближе, показать себя в убийственной красоте, а затем отправляем ее назад...

Мертвая тишина повисла в воздухе. От предчувствия этого зрелища у всех перехватило дыхание, слышен был только нежный щебет птиц, поневоле ставших свидетелями этого демонического плана.

– Такого трудно себе представить, не то чтобы воплотить, – нарушив тишину, воскликнул кто-то.

– Утопия! – прошептал старый Уилсон.

– Почему? – азартно возразил физик. – Просто нужно подумать, как это сделать! – он был готов на все.

– Вы серьезно? – спросил его Генри.

– Думаю, да, – сказал Леонид. – А у нас есть выбор?

– Зло во благо... Или благо во зло,... – произнес Ричард.

– Гениально! – тихо шептал Генри, представляя себе это... – Вы сумасшедший... Это гениально!..

– Зеркало!.. Тейя!.. – теперь зал гудел, словно его пробудили от долгой спячки. Люди вскакивали с мест, что-то говорили, перебивая друг друга, кричали. Все продолжалось, пока их ропот не прервал громкий возглас Генри:

– Вы слышали, что предложил мистер Нестеров? Думайте, господа! Думайте и решайте. От вашего решения зависит все! Кто согласен?

Яркое солнце освещало трибуны и лица этих людей, воздух не шевелился, ни дуновения, ни ветерка, ни одна птица больше не издавала своего щебета. Гигантские ветви папоротника нависали над краями амфитеатра, боясь спугнуть тишину, тоже застыли в оцепенении. Казалось, океан, небо и все вокруг на какое-то мгновение замерло, затаив дыхание, и остановилось. И все ждали, что скажут они – ничтожная горстка людей, которая сейчас решала все... И, словно, вздох пронесся в тишине:

– Да!.. Да!.. Да!..

Люди медленно вставали, осознавая, что они делают, они

говорили «да», и не осталось ни одно, кто был бы против.

– Чудовищный план! Принято! – произнес Генри, восхищением посмотрев на писателя. А тот уже поднимался к своему ряду, занимая место рядом с Леонидом, с человеком, которому предстояло все это осуществить.

После совета уже там, внизу, писателя догнал старый Ричард:

– Скажите, Юрий... Скажите честно, вы уже дописали эту главу?

Писатель понял его и, подумав, ответил:

– Сказать по правде – нет.

– Что же мешает сделать это? – жестко спросил Ричард.

Юрий задумался и честно ему ответил:

– Я не вижу конца. Я не чувствую его. Только верю. Но, наверное, это немало?

– Да, немало, – ответил Ричард. Они пожали друг другу руки и писатель удалился.

– Вот и я не вижу, – пробормотал Уилсон, задумчиво глядя ему вслед...

46

До конца оставалось две недели – ровно четырнадцать дней. За это время нужно было успеть сделать то, что не удавалось за предыдущие два года, за все тысячелетия, с тех пор, как на небе чьей-то безжалостной рукой были начерта-

ны цифры, которые обозначили роковой день. Иногда Юрию казалось, что они взяли на себя полномочия, на которые имеет право только создатель. Но механизм был запущен, и теперь люди в нетерпении ожидали чудесного спасения. Если оставался шанс, нужно было идти до конца, каким бы он ни был. Слово – «конец» теперь висело в воздухе, и никакой ураган не мог сдвинуть его с места и разогнать черную тучу, которая затмевала весь горизонт там, «наверху», а значит, и здесь, в сердцах людей, в их мыслях и мольбах.

Они не спали трое суток. Иногда роняли тяжелые головы на рабочие столы между приборами и пультами, где на мгновение забывались, но снова и снова искали и ругались, просчитывали и начинали все с самого начала. Теперь Леониду было легче – работа помогала постоянно не думать о Валери, оставляла надежду, и сейчас он был готов на все. А внутренний голос подсказывал, что нужно делать. Вилли его понимал, но совсем не жалел – иногда жалость убивает, а сейчас нужно было собрать всю волю в кулак и бороться с тяжелой задачей и с самим собой. Такая жестокость коллеги и друга иногда помогает и не дает возможность эмоциям победить здравый смысл. Это такие разные плоскости – наши чувства и разум, как разные измерения жизни. И если хватит ума не давать волю своим чувствам, тогда победит разум, как бы ни было тяжело. Поэтому он сутками напролет, в изнеможении, но с надеждой и верой в успех, проводил время здесь,

в лаборатории. Наконец, решение приняло свои очертания, оставалось лишь придать ему конечную форму.

Они сидели на совете у Генри и объясняли принцип действия нового механизма. До этого физики имели дело с тоннелеобразной «кротовой норой». Их работа сводилась к тому, чтобы заполнить ее экзотической материей и сделать проходимой. Мощный источник энергии шаровой молнии поддерживал стабильность канала и не давал ему «схлопываться», вернее, закрываться...

Говорил Вилли. А Генри слушал его, пытаясь понять. Когда-то он был математиком, но чтобы понять такое, нужно быть Вилли или Леонидом, а это пока не дано никому.

– Проще, Вилли, проще! – нервно перебил его Генри.

– Схлопываться – закрываться! – пояснил Вилли, – так будет понятнее...

– Если проще, – перебил Леонид, – есть другие способы перехода в иное пространство. Допустим, существует две разные временные плоскости, и они могут находиться бесконечно друг от друга далеко или быть совсем рядом... Неважно... Короче, такие плоскости имеют общее тонкое кольцо и диск, этим кольцом ограниченный. Этот диск и соединяет наши плоскости.

– Назовем его «зеркало», – перебил Вилли.

– Зеркало? – переспросил Леонид. – Хорошо, «зеркало» – сути дела не меняет, – согласился он. – И стоит через него

пройти, мы попадаем в другую плоскость, где и находится другое время. Если еще раз переступить или шагнуть в него с любой стороны, мы возвращаемся назад.

Вилли снова продолжил:

– Мы отработали схему перехода и способ, как переделать установку, оказалось, что в конструкции менять почти ничего не нужно. Открываем «кротовую нору» во времена Тейи, но туда не переходим. Установка остается здесь, на острове. Мы видим через «червоточину» планету, подводим к ней наше «зеркало» и ждем, пока Тейя пройдет сквозь него. Потом программируем заданный интервал времени, и дело сделано – Тейя у нас в гостях! Вернее, не у нас, а там, «наверху». Затем канал закрываем, и она летит прямо к Земле.

– А обратно? – спросил Генри.

– Точно так же – открываем канал, теперь уже «наверх», снова перед ней выставляем «зеркало» – и Тейя дома.

– Это зеркало, – продолжил Леонид, – та же «червоточина», только другой конструкции и работает немного иначе, но принцип тот же...

– Мы можем провести эксперимент, прежде чем сделать это? – спросил Генри, поняв принцип работы. Леонид устало на него посмотрел.

– Программирование установки займет несколько дней. Астрофизики столько же времени будут рассчитывать траекторию полета, устранять помехи, отслеживать эту область космоса, чтобы не кого-нибудь зацепить. Поэтому времени

не остается. Дней за пять-шесть управимся, но работать придется сходу – без отработок. С первого раза...

– С первого раза, – задумчиво повторил Генри. – Значит, так тому и быть – сразу и на чистовик, – сказал это и попросился.

Медленно потянулись эти «пять-шесть» дней, пока работали ученые. Остров притих, как будто вернулся в свое первобытное прошлое, куда еще не пришел человек. Люди исчезли, они растворились в домах и отелях, только высокие заросли папоротника шевелились зеленой стеной, и птицы нарушали покой этого причудливого места. Облака тянулись вереницей, следуя друг за другом, солнце вставало, поглядывая на остров, и снова заходило за горизонт, только пустынные пляжи пестрыми зонтиками и брошенными лежаками напоминали о недавнем безмятежном существовании людей. На эти пять или шесть дней здесь поселилась безграничная тишина. Остров ждал...

Юрий тоже ждал и верил в успех, только не знал, чем все это закончится и как все произойдет. Одно дело придумать и дописать главу, совсем другое – разместить в ней миллиарды персонажей с реальными, отчетливыми жизнями. Что может чувствовать человек, от которого, по воле случая, зависят жизни целых народов? Что чувствовали императоры и полководцы, когда вели за собой войска? Осталась последняя ночь перед битвой, костры противника уже видны. Там

ходят люди, готовят пищу, разговаривают, чистят оружие, и никто из них не знает, сколько часов осталось и наступит ли следующий день и вечер. Очевидным было только одно – утро, когда все начнется...

Генри знал, что, забирая оттуда Тейю, он посягает на событие в прошлом, которое неминуемо изменит на планете все, и назад повернуть будет не дано никому. Он снова меняет прошлое, что делать ни под каким предлогом нельзя.

– Почему нельзя? Потому что после такого шага мы все переселимся в другую плоскость и той прежней жизни уже не вернуть. Та жизнь останется навсегда в изначальном, истинном мире, а этот мир станет новым, станет другим... К черту! Пусть он станет другим! Тот прошлый уже заканчивает свой век. Он повис в своей временной плоскости и готов накрениться, перевернуть планету, уничтожив расу людей, а мы проведем их сквозь это зеркало и встретим с другой стороны, где и будет продолжение всему, только не будет места разрушению и войнам. Это, как во вселенском масштабе привить вакцину жизни целой планете, обновив клетки ее организма, и пусть себе живет, а там посмотрим...

Старый Уилсон сидел на берегу океана на камнях и смотрел в синюю даль, где волны играли с ветром и мчались обратно к его ногам. Они были, словно, ручные. Стоило запретить им этот танец, не обидевшись, они прекратят свой хо-

ровод и покорно улягутся, дав этому человеку подумать. Но, он столько лет слышал их шум, что без него уже не мог. И за эту любовь волны ласково омывали его босые ноги, откатываясь в океан. Когда-то в середине шестидесятых он так же сидел и ждал, пока там «наверху» те двое договорятся. Им отправили фотографии с последствиями их деяний, и теперь оставалось только одно – ждать. Хватит ли ума?.. Хватило. Но тогда их было всего двое, а теперь миллиарды, и каждый должен увидеть последние годы и дни свои, оглянуться на прожитое и все понять... Поймут ли?..

А волны спокойно плескались у самых ног, и пена, уходя и растворяясь в песке, оставляла на прощанье свой нежный шелест.

Поймут ли?..

Поймут!..

Может быть...

Наверное...

Точно...

47

Она уже давно летела в одинокой бесконечности космоса. Миллиарды лет и километров отделяли ее от той последней встречи. Когда-то в один день и час они – две сестры, появились на этот солнечный свет, озаряемый множеством ярких огоньков и вспышек планет и созвездий. Потом вместе

росли, но дальше их пути разошлись. Так устроена жизнь – у каждого своя судьба, линия жизни, траектория полета. И миссия... У каждого она своя... Конечно, они не догадывались об этом, но помнили друг о друге, и теперь она очень волновалась и трепетала, всеми отблесками переливаясь в ярких солнечных лучах, приближаясь к своей сестре и долгожданной подруге тех первых дней жизни миллионы лет назад, пролетевших когда-то рядом. А встреча их должна была принести этой солнечной системе маленькую планету-спутник, который она подарит своей подруге на память о встрече, и тот вечно будет сопровождать ее. Миссия ли – это маленькое рождение? Может быть, да, а может, просто случайное везение – оставить после себя планету, подарив спутника жизни своей сестре. Но пока она летела навстречу. Еще немного, и они смогут коснуться друг друга, на мгновение соединиться в бесконечном полете, и, как в далеком детстве, быть рядом и вместе. А потом снова миллиарды лет холода и одиночества, случайных встреч с такими же, как она...

Какая она стала красивая! Из ярко-красной планеты, кипящей огненной лавой, переливающейся на солнце отблесками извержений и вспышек, она превратилась в спокойную голубую красавицу. Огромный материк омывается океаном со всех сторон. Равнины и горы укрыты зеленым мягким покрывалом, который дает кров всему живому. И только вулканы дымятся, извергая лаву, как напоминание о бурной молодости. А теперь – спокойная разумная красавица встреча-

ла ее на своей орбите... Встречала и улыбалась земной улыбкой. Еще несколько дней, и их орбиты сойдутся...

Внезапно прямо на пути появилось видение! Словно, серебряный диск или большое зеркало встало на пути, отражаясь в ее свете, давая возможность в него заглянуть, посмотреть на себя со стороны! Как это замечательно, когда ты видишь себя и понимаешь, что тоже стала взрослой и красивой, словно маленькое солнце, освещаешь все вокруг, переливаясь светом, и летишь в неизвестность... Но, теперь торопишься на долгожданное свидание...

Она плавно коснулась этого зеркала, и оно мягко начало обволакивать ее со всех сторон, пока серебряный свет не залил самые отдаленные уголки этой планеты. Планеты с красивым названием Тейя...

Сначала в небе появилось маленькое красное пятнышко. Оно было, словно, родинка на теле бесконечного звездного неба – картины, написанной неизвестным художником. Неизвестным, но гениальным, поэтому все здесь было в гармонии. В этом пустынном мире, заполненном небесными телами, все имело строго определенное место и смысл, и только это красное пятнышко нарушало привычную картину мироздания. Оно становилось все больше и больше, уже невозможно было его не заметить. Люди поднимали головы, показывая друг другу на это чудо, и не понимали причины такого явления. На Земле в ночном небе это смотрелось, слов-

но, мы ползали по темному дну под водой, а там, наверху, на самой ее поверхности появился яркий предмет – чье-то круглое лицо. Оно прикоснулось и продолжало погружаться, увеличиваясь в размерах. Любопытство заглянуть сюда, в темный ночной мир, заставляло его окунуться глубже, оно становилось все больше и больше. Какие истинные его размеры, понять было невозможно. Невозможно до тех пор, пока оно с головой не окунется и не уйдет на дно этого темного мира.

Все продолжалось около четырех часов. Наконец, маленькое пятнышко – крошечная красная точка выросла до гигантских размеров, заслонив собой целые созвездия, и даже Луна скромно спряталась за спину нежданной соперницы. Тейя прошла сквозь серебряный диск «кротовой норы», зависнув над Землей...

48

Он провел в своей маленькой обсерватории всю ночь. Сначала не понимал, что происходит, и уже начал проверять показания приборов и новый телескоп. Потом по телевизору стали выходить новости. Там показывали съемки неопознанного объекта, и стало понятно, что уже не нужны были никакие телескопы, чтобы разглядеть эту вечернюю гостью. В новостях говорили об оптическом обмане, о пришельцах, о новом оружии будущего. Рассказывали про космический

зонтик, который люди хотели развернуть над Землей, чтобы он отражал солнечный свет и освещал ночное небо. Люди в городах выходили на улицы и площади, любовались удивительной картиной, не зная, что это, но ощущение праздника и чуда переполняло шествия и репортажи, идущие со всех телеканалов. Пока не было информации, какая страна сотворила такое, люди ждали объяснения и сюрприза, праздновали что-то новое, появившееся в небе над их головами, в их жизни.

За последние два года столько всего произошло, что картинка ночного неба и прекрасной незнакомки не удивляла и не пугала, только радовала. Их жизнь изменилась, они овладели энергией нового века и теперь были способны на многое, людям дали вакцину бессмертия, они помолодели телом и душой. И не ждали чего-то ужасного, только стремились в новую, бесконечную жизнь, пытаясь заполнить ее удивительными желаниями и смыслом.

Он позвонил домой.

– Ложись спать, дорогая. Сегодня у меня много работы, и я останусь в обсерватории.

– Ты уверен, что есть дела важнее, чем приехать к нам?

– Слава Богу! Она ничего не знает, – подумал он. – Не включала телевизор, провозилась весь вечер с малышом.

Не так давно они переехали это прекрасное место, где ему предложили работу, и теперь с удовольствием обживали дом

на берегу моря, вели спокойную и размеренную жизнь, где только они втроем, море, солнце, звезды в обсерватории и их чудесный малыш. Только, раньше он всегда возвращался по вечерам, а сегодня остался. Поэтому она удивилась:

– Что-то важное в твоём небе? Звезды не подождут?

– Нет, милая, просто не успеваю закончить одну работу, сегодня останусь здесь.

– Ты устал от нас... Отдохни. Я понимаю...

Ему нечего было возразить, а явление на небе совсем не казалось ему миражом. Он должен был понять, что это, а смутные предчувствия уже не давали покоя.

– До завтра, любимая.

– Не заблудись в своих галактиках, – на прощанье пожелала она.

– Постараюсь, – и он повесил трубку.

Несколько часов он проверял данные приборов, получал информацию из других источников, к утру четкая картина сложилась в его сознании. Это не мираж и не искусственный спутник, не эксперимент людей с солнечным зонтиком. Это огромная планета, величиною с Марс. Неизвестно откуда появившаяся, но следовала она по касательной к Земле со скоростью одного километра в секунду, и скоро должна была неминуемо столкнуться с ней. Последствия были предсказуемыми и рассчитаны коллегами, к утру эти данные он получил:

При столкновении будет снесен гигантский пласт Земли величиной с целое государство. Глубина ущерба составит многие километры, и срез этот дойдет до мантии. Земля ускорит свое вращение, километровый цунами в считанные секунды поднимется над поверхностью и окатит гигантской волной всю планету. Большая субстанция из грунта, воды и вулканической магмы оторвется от Земли, и в космосе сформирует облако, которое будет вращаться огненным шлейфом. Земля будет гореть, потревоженная мантия вскроет раскаленное нутро, обнажится пылающей раной, и планета на время превратится в огненный вулкан. А время это – тысячелетия...

До столкновения оставалось немногим более трех суток...

49

Он ехал на машине домой. Дорога в горах извивалась серпантинном, огибая острые скалы и глубокие ущелья. Солнце светило сонными утренними лучами, возвещая о начале нового дня. И день этот наступал. Он ехал и думал, как он ЕЙ скажет обо всем? Как скажет ИМ?...

Вот уже видно море, и дорога петляет вдоль пляжа. Появляются редкие домики, невысокие ограды, скрывающие жилища людей, их жизни, утренние дела, а дальше только море и бесконечная синяя гладь блестит в лучах восходящего солнца.

Они шли ему навстречу. Вернее она шла, а этот маленький человечек бежал следом.

– Еще не научился толком ходить, но уже научился бегать, – подумал он, обняв ее, и таким родным запахом повеяло от ее волос, теплом от сонного, еще не проснувшегося тела! Малыш стоял рядом и дергал его за штанину – он не терпел такого невнимания, и был совершенно прав...

– Как он скажет им об этом?.. Нет, не сейчас... потом...

– Что это? – спросила она, показывая на утреннее небо, где была видна заходящая красная планета. Еще полчаса, и она скроется за горизонтом на целый день, покинув солнечное небо, на ясный и такой солнечный день, чтобы вечером появиться вновь... Ночная гостья...

– Это очень редкое явление, – ответил он, держа на руках малыша. Тот тоже смотрел вверх и в восторге тянул свою маленькую ручонку.

– Это метеоритный дождик. Вернее, скопление мельчайших частиц пыли, камней и небольших метеоритов, – спокойно произнес он. – Они притягиваются друг к другу и образуют огромное облако.

– Но выглядит это, как большая планета! – воскликнула она.

– Знаешь, – сказал он, – есть такие небольшие рыбешки, которые плавают огромными стаями. Иногда китобои, наблюдая за их скоплениями, думают, что это киты или другие гигантские рыбы, может, акулы. Но стоит вонзить в это

огромное тело гарпун – миллионы крохотных рыб разлетаются в разные стороны и исчезают в океане. Так же и здесь.

– И ЭТО летит к нам? – с беспокойством спросила она.

– Да, и сгорит в атмосфере. А люди увидят веселый фейерверк, который всю ночь будет гореть в темноте, освещая небо вокруг.

– И когда это произойдет?

– Через три дня.

– Три дня, – задумалась на мгновение она. Потом как-то весело и задорно посмотрела на небо:

– Как, наверное, это красиво! – с интересом воскликнула она, не в силах оторвать взгляд от красного облака, которое растворялось в туманной дымке спокойного утреннего неба.

– Ты не спал всю ночь, иди в дом, а мы пока сходим к морю. Иди, милый, поспи. А потом я приготовлю твой поздний завтрак...

Он лежал на кушетке у окна и смотрел на небо – на свое любимое небо, не мог уснуть и думал:

Теперь это небо принесет им смерть. Просто все закончится в один момент, и больно не будет. Высокая волна сметет их маленькие тела, унесет в никуда, а потом планета взорвется. Погибнут все.... Все!!!

Почему от этого единения в конечный миг становится легче. Одному – было бы страшно, а вместе – уже не так. Почему? Теперь он, казалось, понимал тех людей, которые стояли

в длинной очереди к жуткой печи в концлагерях. Их сжигали заживо, они знали об этом, все понимали, видели свой конец, но делили эту муку и боль на всех поровну, и чем длиннее была очередь, тем было легче. Так, наверное, смотрели на врага солдаты, стоящие перед превосходящей ордой противника. Единицы выживут, погибнут многие, почти все, но пока за тобой легионы, пока ты с ними, можно смело глядеть смерти в лицо. На подводной лодке, отстукивая SOS, без надежды на то, что тебя поднимут с такой глубины, смотришь на остальных и держишься за каждого, а они за тебя. Воздуха становится все меньше и меньше. Но ты не один, а вместе уже не страшно. Почему? Жизнь у тебя одна, и она только твоя...

И тут странная, необъяснимая мысль возникла у него в голове. За все свое существование люди научились лишь вместе умирать, делали это мужественно и красиво... А жить?

Наконец, жуткое видение оставило его...

Нужно ли ей говорить?... Нет! Ведь, если мы не знаем, когда это должно случиться, именно незнание дает нам возможность провести счастливо последние дни и часы. Знание делает человека несчастным, нужно ли это? Лучше не знать и прожить до конца, быть вместе, раствориться в этих последних часах, в каждой минуте, каждом мгновении. Ведь, живут какие-то насекомые всего один день. Так мало, но это целая жизнь. А здесь целых три дня – три жизни!

Он встал, подошел к телевизору, включил его. Она с ма-

лышом ушла к морю, и не было слышно ее нежного голоса.

Люди узнавали новости, и начиналась паника. Они читали газеты, смотрели телевизор, где им уже не оставляли никаких надежд и, словно, цепенели. Начинали метаться, куда-то звонили, бросались друг к другу, ища хоть какой-то выход, бежали по улицам, мчались на автомобилях, летели на самолетах. Им обозначили ту область, куда придется удар, и теперь многие пытались покинуть эту территорию, продлив свою жизнь – пусть на какие-то минуты или часы. Зачем – никто не знал, не думал об этом. Невозможно сейчас было думать ни о чем, потому что ужас застигал разум, лишал способности мыслить, и если бы не этот исход или бегство, оставалось, замерев в муках, ожидать конца, своего последнего часа. А бег позволял немного забыться...

Он взял инструмент и вынул из телевизора блок питания. Сразу стало хорошо. Как будто ничего не случилось, и он обо всем забыл. От неведения стало легко...

– Ты не спишь? – они вернулись с моря все в песке, и юбка ее снизу была мокрая.

– Носились по пляжу, – представил себе он.

Малыш забегал в воду, а она его возвращала на берег, оберегая от, ставшей уже холодной, зимней воды. Еще в этих широтах было очень тепло, но малышу купаться уже было нельзя. И все равно, как здорово прикоснуться к соленой

воде, бежать по песку, мочить ноги! Встречать рассвет на утреннем песчаном берегу!

– Нет, не сплю. Не хочу. Я соскучился...

Он не видел их целую вечность. Всю ночь и еще этот утренний час не видел и хотел быть с ними. Теперь, когда каждый час равнялся целому году, было жаль отпускать их от себя даже на мгновение.

– Милый, у нас не работает телевизор. Я хотела посмотреть новости!

Она стояла с пультом в руках и беспомощно нажимала на кнопки. На плите готовился завтрак, чудесный аромат кофе разносился по просторной, светлой кухне, малыш возился рядом на полу со своей новой игрушкой, и ничего прекраснее этого утра представить было нельзя.

Они так долго мечтали о новой его работе, о поездке и таком месте. А, приехав сюда, поняли, что оказались в Раю. Мечты иногда сбываются...

– Телевизор... Да-да, – рассеянно ответил он, – я посмотрю... позже. Наверное, что-то сломалось, – добавил он, забирая пульт. Отбросил его в сторону и взял ее за руку, а рука была такая теплая. Потом она сидела и смотрела, как он ест. А он уже не хотел смотреть в тарелку, только держать ее за руку и видеть эти любимые глаза.

– Ты что? – спросила она.

– Соскучился, – улыбнулся он.

– Пожалуй, тебе иногда полезно оставаться в observa-

тории. Ты вернулся, как с другой планеты,... такой странный,... такой хороший...

– Теперь таким я буду всегда...

И это бесконечное ВСЕГДА заполнило их маленькую жизнь на такие огромные три дня... Или три жизни...

Люди остановились. Они закончили бессмысленный бег по планете и теперь стояли и смотрели по сторонам, друг на друга, на самих себя, на детей своих, родных и близких. Оказалось, что близких этих так много. Все люди вокруг оказались вместе в общей беде, поэтому больше не проходили мимо, не пробегали, останавливались и снова смотрели. Больше они не зарабатывали деньги, не брали чужого. Не кончали с собой от бессмысленности жизни этой, потому что появился неведомый доселе смысл – прожить эти последние дни и часы. Сделать это по-другому, со значением, оставаясь вместе. Они не убивали, не шли воевать. Не предавались трусливо разврату и не отдавали мозги свои и души на растерзание наркотикам, дабы забыться, не помня ни о чем. Оставалось совсем немного, и жаль было тратить последние дни и часы на это. Зачем забывать, вот она – жизнь. Еще светит солнце, облака плывут по небу, спокойному и голубому, растут трава и цветы, деревья склоняют над ними зеленые кроны, закрывая от яркого солнца. Эти деревья ничего не боятся, продолжают расти и жить. И пока есть возможность, они будут делать это. До последнего мгновения... Но, как достойно

закончить и как прожить?..

До столкновения оставались два дня.

– Собирайтесь, – сказала она. – Поедем – прокатимся.

– Куда, милая?

Она посмотрела на малыша и ответила:

– Есть одна идея.

– Какая? – спросил он.

Снова утро, снова ласковое солнце освещало берег, их дом, горы вдалеке.

– Поехали – узнаешь, – воскликнула она. – Мы давно хотели это сделать. Сегодня самое время!

– Сюрприз, – догадался он.

– Разве ты не поедешь к своим звездам?

– Нет, не поеду. У меня отпуск.

– Надолго? – удивилась она.

– Навсегда, – хотел сказать он, но произнес: – На два дня.

– Твои звезды переживут разлуку? – засмеялась она.

– Это я не переживу без вас, – ответил он. – Два дня – и они наши! Идет?

– Да, милый, – ответила она, и пошла собираться в дорогу...

Машина долго перебиралась в горах с одного подъема на другой, петляла, считая повороты, наконец, они въехали в небольшую горную долину. Дорога была пуста, и так неспе-

ша они подъехали к этому месту. Небольшая церквушка стояла на окраине поселка. Остановили машину, подождали немного, пока она сходила куда-то и повела их за собой. Снаружи церковь казалась маленькой, но стоило войти внутрь, как попадаешь в другой мир, другое измерение, где стены раздвигаются, и уже не видишь края и расписного купола, который уходит куда-то в высоту, в бесконечность. Только ты один, как будто сняли с тебя одежду и обнажили душу.

В церкви никого не было, лишь они одни стояли и смотрели по сторонам. К ним подошел священник, он поздоровался, взял малыша за руку и повел к чаше со святой водой. Как-то просто прочитал молитву, повесил ему на шею крестик и обратился к родителям:

– Теперь не страшно ничего. Теперь мы вместе. Ступайте с миром и верьте. А будете верить – произойдет чудо.

Он откланялся и растворился в темноте Храма.

– Почему мы должны бояться? – спросил он, внимательно заглядывая ей в глаза, словно проверяя, знает ли она.

– Потому что нам бояться нечего. Потому что наш малыш теперь крещеный. И мы тоже, – ответила она и улыбнулась.

– Остается поверить только в чудо, – подумал он. – Но, к сожалению, чудес не бывает...

И все-таки он почувствовал – стало как-то легко и спокойно. И уже не хотелось отсюда уходить...

Но проходит день и вечер, еще одна ночь. Минутами ка-

залось, что они бесконечны и прожить их можно долгие мгновения. Но, снова утро, скоро новый день, а завтра ночью все начнется и все закончится – время не повернуть.

Она была в саду, занимаясь своими цветами и растениями. Малыш сидел с ней рядом и «несмысленно» помогал что-то делать. Он подошел поближе и теперь наблюдал, как она мягко отбирала у него лопатку, сажая рассаду. А малыш настырно выхватывал ручонками эту игрушку и снова «помогал». И тогда земля летела во все стороны, а маленькие кустики почему-то падали, не желая стоять.

– Посмотри, какое чудо я купила на днях! – и показала ему на картинке будущие цветы. Это были огромные красивые растения, которые, извиваясь по забору, свешивались с высоты и сотнями цветков, как разноцветными гирляндами, украшали его, создавая целый ковер, закрывающий улицу напротив.

– А вот еще! – эти были с высокими крепкими стеблями, которые разветвлялись кверху, получался целый букет цветов, стоящих на одной ножке. Бутоны уже набухли, и скоро должны были появиться цветы. Они аккуратно сажали рассаду, теперь и он помогал, и малыш, конечно, тоже.

– Знаешь, они скоро зацветут, – сказала она.

– Когда? – спросил он.

– Через недельку.

– Через недельку, – повторил он...

Дальше они копали и сажали молча, думая каждый о своем... И вдруг удивительное чувство родилось у него в душе. Как будто ничего важнее этого он никогда не делал. Не делал ничего бессмысленнее и прекраснее! Эти цветы, которые не успеют распуститься, но все равно будут расти и жить еще целый день, стремиться в будущее, не будут знать ни о чем. Просто будут жить... А он – тот человек, который их посадил, полил – продлит кому-то хотя бы на мгновение, на день, на час эту жизнь! Что может быть важнее? И что может быть важнее этой женщины, которая сажает цветы, ребенка, перепачканного с ног до головы землей, этого неба, и солнца. Не хватало только чуда, маленького чуда, которое так нужно было завтра им всем...

50

Повторный запуск станции был назначен на утро. До «конца» оставались сутки с небольшим. Завтра поздней ночью Тейя войдет в атмосферу, и через несколько минут все будет кончено, поэтому рисковать было нельзя, подпуская ее еще ближе – мало ли что? В 8.00 и ни минутой позже. Если все имело смысл, тех трех дней вполне хватало, чтобы вывернуть жизни этих несчастных наизнанку.

Они стояли на корабле и вглядывались в небо, рассматривая Тейю, которая теперь была намного ближе и поражала своими размерами. Группа людей с острова с самого на-

чала эксперимента (или неизвестно, как это можно было назвать) находилась на корабле, который по воронке времени перешел сюда – в жизнь настоящую. Здесь был Генри, был писатель, еще несколько ученых, которые следили за Тейей, снова и снова проверяя расчеты. Не было с ними Валери, и Леонид был вынужден оставаться на острове, следя за установкой. И сейчас они, как когда-то, стояли на палубе и смотрели в небо на Тейю. Смотрели и молчали. Все было сказано, обдуманно, и теперь, когда повернуть назад было невозможно, все молчали, и каждый думал о своем. В конце концов, всегда кто-то должен брать на себя ответственность. А если ты вызвался и сказал свое слово – иди до конца. И неизвестно, что лучше – промолчать или сказать? Если скажешь – можешь навредить, ошибиться, если ты мог сказать, но промолчал – ты ошибся вдвойне.

Все эти три дня локаторы на корабле ловили частоты со всего мира, из самых удаленных уголков планеты. Эти люди по телевизорам смотрели различные каналы, читали информацию в Интернете. Они видели, что творили, и теперь ждали завтрашнего утра. Ровно 8.00...

Днем на острове подул легкий бриз, и люди стали уходить с набережной, закрываясь в домах и номерах. К вечеру море начало волноваться, уже высокие волны несли свои 5 или 6 баллов. Огромные папоротники расправляли гигантские ветви-крылья, готовясь к непогоде. Они знали, что та-

кое тропический ураган. Птицы летали низко над водой, уже начали укрываться в камнях и скалах. Ричард Уилсон с беспокойством оглядывался по сторонам, он помнил, что такое тропический шторм не хуже этих деревьев и птиц, знал свой остров и океан. Такого здесь не было давно, и теперь он, волнуясь, смотрел на беспокойные волны.

К ночи ураганный ветер начал сносить зонтики на пляжах, переворачивать деревянные лежаки, крыши легких павильонов. Он свистел, рвал на части провода, унося в океан небольшие лодки. Вырывал швартовые канаты, бросал катера и небольшие яхты, разбивая их о камни и скалы. На берегу рядом с установкой собрались десятки людей. Они, невзирая на непогоду, пытались заслонить собой, спасти оборудование, которое находилось здесь. И тут Ричард отдал приказ:

– Включить установку!

– Рано, Мистер Ричард! – прокричал Вилли, – до восьми утра осталось еще много времени.

– Ты забыл, что такое тропический шторм, Вилли? Включай!

Он знал, что этот ветер только начало, а конец может не наступить долгие дни. Громов и Вилли быстро запустили станцию. Молнии, как маленькие огненные стрелы, начали летать между высокими мачтами и проводами. Леонид, управляя приборами, громко воскликнул, перекрикивая шум ветра и волн:

– Станция запущена!

– Активизируем диск «кротовой норы»! – торопил его Вилли.

– Есть! Осталось несколько минут!

И вот гигантский огненный шар повис над волнами в вышине, затем начал открываться канал. Тейя во всей своей дьявольской красе предстала перед ними.

– Кошмар! – воскликнул Ричард. – Что думают и переживают сейчас те люди на Земле! – ветер разъяренно свистел, и никто его не услышал. А он продолжал с ужасом смотреть на огненную планету, летящую к Земле.

– Что за дьявольский план, – бормотал он, – который заставляет повиснуть над тобой дамоклову мечу, и только тогда ты начинаешь думать, замечать в жизни что-то еще, кроме себя самого?!

Только теперь он понял, почему не была дописана та, последняя глава, почему конца не было видно. И громко воскликнул:

– Последняя глава?! Надо бы дописать ее! Дай Бог, чтобы успели!

– Ну, давай же! – кричали люди на берегу. Оставалось несколько минут, и серебряный диск спасительного «зеркала» появится в небе над Землей, в той далекой жизни, и кошмар закончится. А «наверху» оставались Генри и Нестеров, ученые, где-то там была Валери, и пока не вернулся Вудли. Там оставались миллиарды людей, поэтому не могло не повезти! Все должно получиться. Еще минута, еще какие-то

мгновения...

И тут резкий шквалистый порыв ветра накренил огромную чашу. Штанги напряглись, наклонились под ее весом, и люди в оцепенении замерли. Тяжелые металлические струны, натянулись, издавая вибрирующий стон, лопнули одна за другой, как гнилые нитки, и вся конструкция повалилась в океан. Высокие волны, обрадовавшись такой добыче, накинулись на свою жертву, накрыли ее, похоронив горы металла в пучине. Огненный шар, вырвавшись на свободу, быстро терял свою силу и мощь. Как воздушный шарик, который проткнули, он заметался над волнами, словно ища опоры, сдулся и маленькой яркой точкой упал в океан. Даже молнии не всеильны, если человек им не может помочь. «Кротовая нора» закрылась, а «зеркало», так и не успев занять свое место перед Тейей, растворилось, растаяв в космических просторах навсегда. К 8.00 все было кончено. И там, «наверху», на корабле, посмотрев на часы и на небо, тоже поняли – кончено все...

Океан забурлил, и открылась воронка, последняя до завтрашнего дня, а значит, последняя на этой планете. Корабль Генри стоял неподалеку. А Тейя уже закрывала собой большую половину неба.

– Через пятьдесят минут канал закроется, это последняя воронка, – произнес Генри, – полный ход!

Внезапно из воронки появилась небольшая лодка. Она

плыла навстречу, а на ней стоял Леонид и махал им рукой. Они остановились, ожидая его.

– Шторм!.. Все кончено, – крикнул он, подплывая вплотную, – установки больше нет, мы не смогли вернуть Тейю назад...

Люди в оцепенении стояли на корабле, смотрели на него, на Тейю... Долго так стояли и смотрели...

– Как ты попал сюда в шторм, как доплыл до воронки? – спросил его Юрий.

– Как только установка была разрушена, ураган сразу же закончился, – ответил Леонид.

– Дьявольская воля, – пробормотал писатель. Лодка Леонида пришвартовалась к кораблю Генри, и матросы перекинули маленький трап. Физику оставалось переступить на палубу и остаться здесь.

Вдруг недалеко в открытом океане возникло движение. Все напоминало большой караван, который неповоротливо двигался по бесконечной синей пустыне. Несколько десятков огромных океанических лайнеров, кораблей-дворцов, кораблей-гигантов шли навстречу. Уже поравнялись, и теперь можно было рассмотреть редких людей на палубах. Люди были знакомыми, люди были известными и на острове и во всем мире. Что удивляло – на этих гигантских палубах и в трюмах могли поместиться тысячи, десятки тысяч, но видны были лишь несколько человек на каждой – членов тех самых избранных семей и их команды. А за этими ко-

раблями вереницей шли тяжелые баржи и танкеры. Они везли свой ценный груз, эти люди забирали все самое дорогое: нефть и золото, алмазы и драгоценности, произведения искусства, деньги. Да, деньги – одна баржа была до краев заполнена контейнерами с этим ценным грузом, который хозяин увозил в далекое прошлое. В прошлое, где с их помощью снова надеялся построить будущее. Генри все смотрел, узнавая каждого из этих людей. А корабли тем временем начали проваливаться в спасительную воронку – у каждого из них был законный пропуск. Последний корабль поравнялся с судном Генри. Человек с большого корабля помахал ему рукой, достал фотоаппарат и начал фотографировать, он делал снимки напоследок, прощаясь с дорогой ему планетой. Он снимал океан, снимал корабль Генри, потом, выстроив своих детей и внуков у бортика на фоне красавицы Тейи, продолжил делать снимки. Наверное, должны были получиться замечательные фотографии – дети и красавица Тейя позировали ему с удовольствием.

– Крысы бегут на кораблях, – воскликнул Нестеров.

– Они имеют на это право, – жестко ответил Генри, – они заслужили это.

– Заслужили, – повторил Юрий, – да, заслужили.

А последний корабль-гигант, наконец, подошел к воронке и через мгновение растаял в океане времени. Наступил их черед. Генри и все, кто оставался на корабле, уже знали, что произошло, оставалось спуститься в далекое прошлое и

остаться там навсегда.

– Я остаюсь, – внезапно крикнул со своей лодки Леонид. А Юрий, глядя на ушедший лайнер, тоже перелез через борт корабля и уже находился рядом с Громовым. Генри, посмотрев на этих двоих, задал вопрос: – Вы уверены?

Генри не надеялся услышать что-то другое, но он должен был задать этот вопрос.

– Вам меня не уговорить, – уверенно, даже как-то весело произнес Громов. – Это мое время, здесь моя жизнь, моя девушка, я никуда не поеду.

Писатель, стоя рядом, ничего не говорил, но по его непреклонному взгляду все было понятно итак. И тогда Генри подошел к одному ученому и протянул ему какой-то конверт:

– Передайте моему деду, – сказал он и перешел по трапу на маленькую лодочку к двум русским, которая теперь никуда не плыла. Она оставалась здесь навсегда... Корабль, тем временем, направился к воронке и медленно в нее погрузился. Воронка закрылась, а вокруг только спокойный океан, и над головами Тейя...

51

Утром все вместе пошли на пляж. Он старался не смотреть на небо, где в последний раз заходила красавица Тейя. Она летела сюда, и Земля совершала последний свой оборот, словно, давала возможность полюбоваться праздничным на-

рядом перед такой встречей.

Они шли вдоль моря, и снова ласковые, теплые волны омывали их ноги. Брызги от топота малыша разлетались во все стороны, распугивали стайки маленьких рыб, мочили одежду. И, наконец, совсем мокрые, они уселись на теплый песок. Он подошел к кромке воды. Солнце ласково освещало последнее утро и людей на пляже. Он шагнул в воду, потом еще и еще. Уже вошел в теплое море, и на мгновение стал частичкой всего: и воды, и земли, солнца... И не верилось... совсем не верилось...

Потом они полдня – этого прекрасного солнечного дня – возились в саду, снова сажая растения. Малыш смотрел на небо, провожая красавицу-планету, и радовался.

– Вот несмышленная, невинная душа! Не знает ничего и не может представить себе, что скоро всех ожидает, – думал он. А мальчик тянул кверху свои ручонки. Не мог сказать ничего, только радовался этому удивительному явлению. Какая-то пчела сидела на цветке рядом с ними и собирала пыльцу для своей семьи. Она перелетала с цветка на цветок, шевелила крыльями, крутила головой и летела дальше.

– И эта тоже ничего не знает, продолжает жить и трудиться. Не чудо ли это? – подумал он.

– Чудо! – и вспомнил слова священника. – Как просто, когда веришь в это чудо, и как тяжело, когда нет ее – этой веры... А может, просто нужно верить? – и снова посмотрел на

малыша и пчелу. А может, это они знают все, просто сказать не могут, а ты остаешься в неведении со своими расчетами, науками, здравым смыслом! А эти живут себе, радуются и знают больше тебя?

Вечером солнце начало заходить за горизонт на этой половине Земли, прощаясь со всеми – завтра здесь все будет по-другому.

– И чего только не придумают эти люди, – думало оно. – Чего им не хватает?

А с другой стороны начинала последнее свое восхождение планета Тейя. Зарождался кроваво-красный рассвет. Она была уже совсем близко, закрывая собой половину неба и освещая ярким огненным светом все вокруг.

До столкновения оставалось 5 часов.

Люди начали выходить из своих домов, заполняя улицы и площади. Многие заходили в Храмы, чтобы уже не покидать этих мест. Собирались на далеких горных стоянках, просто шли друг к другу и оставались вместе – сколько бы их не находилось. И в пустынях, и на далеких ледниках они шли и шли, объединяясь в караваны кочевников и группы полярников, зимующих здесь. Далекие племена первобытными стаями выходили на открытые поляны в лесах и становищах, туземцы на островах выбирались из соломенных домов и тоже шли друг к другу. Звери и птицы, хищники и мле-

копитающие, недавние враги и противники, такие разные, большие твари и малые, выползали из нор и берлог, тоже собираясь вместе. Не боялись, не трогали никого, не нападали, только смотрели туда, наверх, и тоже были вместе.

А ночь – эта последняя ночь на Земле вступала в свои права, и такой яркой ночи еще не было на этой планете. Раскаленный огненный шар повис в воздухе, скоро он должен будет войти в атмосферу...

До столкновения оставался один час.

Колокола на звонницах церквей, на площадях и улицах во всем мире начали свой католический и православный перезвон. С минаретов неслись молитвы на тысячи километров. Буддисты молились в восточных Храмах. Бубны шаманов дробью разрывали тишину ночи. Их идолы отсвечивали красными тенями, и никакие костры были не нужны – яркий свет Тейи красным заревом освещал каждый уголок планеты. Потом Тейя подошла совсем близко, нежно прикоснулась к самому краю атмосферы Земли и устремилась сюда, вниз, чтобы в безумном полете смести все на своем пути и разорвать этот мир в клочья, где будет властвовать только огонь, и кипящий котел лавы отбрасывать сверкающие отблески на миллионы световых лет.

И вдруг в голове каждого, у миллиардов этих маленьких, беззащитных и ничтожных людей молнией промелькнула одна единственная мысль! Одна короткая и простая фраза! Од-

на на всех!

«Будете вместе – будете верить – и случится чудо!»

И теперь уже не единицы одиноких песчинок, разбросанных по планете, а бесконечная сила одна на всех, на мгновение объединила этих беззащитных людей. Она поднялась над их головами, неся несокрушимую мощь, и гигантским облаком понеслась навстречу огню и проклятию этой планеты. Их родной планеты, где они умирали, но все равно жили миллионы лет, а теперь снова боролись и снова жили. Люди замерли в этом божественном стоянии, чувствуя друг друга, и смотрели наверх, а миллиарды одиноких сердец звучали в унисон! Огромное облако серебряным призрачным шаром, объединяя каждую мысль и мечту, возвышенную и непобедимую, с безудержной силой и верой, недостижимую тленом и разрушением жизни этой, несло навстречу красной планете. Еще километры, еще мгновения, и словно огромное зеркало встало на ее пути. Оно явилось ниоткуда, оно не было создано великим гением человека, но было сотворено людьми, потому не имело границ! Тейя с удивлением прикоснулась к этому зеркалу, замедлив полет, заглянула в свое отражение в последний раз и... начала исчезать. Она таяла на глазах, а миллиарды глаз были устремлены на нее. Миллиарды рук сплелись в едином рукопожатии, объединяя этих людей, их жизни и судьбы, их бесконечную вселенскую любовь. И огромная красная планета, как медуза на жарком солнце, становясь прозрачной, растворялась в ночи,

пока не сгнула совсем... Навеки... Навсегда... Тейа вернулась в свою жизнь и свое настоящее прошлое...

И Земля разорвалась уже не огненным взрывом, а вздохом людей. Первым вздохом на новой планете, и хор этих голосов разошелся на тысячи километров и был похож на крик новорожденного младенца, которому удалось снова родиться и жить, и сделать свой первый человеческий вздох. Этот младенец был в каждом из них – в маленьких, но таких сильных людях. И теперь он жил и дышал полной грудью...

– Оказывается, они могут не только умирать, – прошептал он, – но и жить вместе.

Малыш прижавшись, прикорнул у него на руках. Было поздно, и он безмятежно уснул, пропустив самое главное.

– Вот видишь, – сказала она, – а ты так беспокоился, что даже сломал телевизор.

Его глаза округлились, он смотрел на нее и не знал, что ответить... Эта женщина – этот любимый его человек... Оказывается, она знала все... Знала и молчала... И спокойно сажала цветы... А не знал ничего только он...

Громов молчал, Генри тоже не мог вымолвить ни слова. Они стояли как замороженные на маленькой лодочке посреди океана, смотрели в небо и на далекий горизонт. Край его

уже освещался утренним солнцем, которое не забыло вновь появиться и начать новый день.

– Как на стадионе, – произнес писатель, приходя в себя. Он только что очнулся от этого божественного стояния, от транса или великого гипноза. Он видел все, ощущал, он все понимал, и был частицей этого чуда, впрочем, как и остальные в лодке. И теперь просто смотрел на небо и молчал.

– Что? – не понял Генри.

– Они сотворили чудо, – произнес Юрий. – Когда большая масса людей болеет за слабую команду, та побеждает...

– Люди создали своей волей мощное энергетическое поле, которое и спасло планету, – добавил Генри.

– А как они смогли рассчитать траекторию полета, узнать настоящее время Тейи, создать канал для перемещения и выставить «зеркало»? – спросил Леонид.

– Этого нам не узнать никогда, – ответил писатель. – Такое не только просчитать, даже придумать в фантастическом романе не дано никому.

– И все-таки ты оказался прав, старый выдумщик! – воскликнул Генри. Он был потрясен случившимся и преклонялся перед интуицией этого человека, который предвидел такой финал.

Солнце вставало над океаном, это был самый удивительный рассвет, который оно могло подарить людям. И тем людям, которые уже появлялись из ожившей воронки времени,

устремившись навстречу к ним. Ричард был на первом корабле, он торопился обнять внука. Вилли кричал, что они все уже знают, потому что их станция – та самая, маленькая лабораторная «пробирка», работает, и они уже побывали в завтрашнем дне, и день тот наступил!

Наконец, все собрались на корабле у Ричарда.

– Дед, мы обошли тот чертов день! – произнес Генри.

– Да, мой мальчик... А ты говорил – выхода нет... Вот он!

Они долго смотрели на океан и небо, на солнце, которое начинало восходить над планетой. Наконец Ричард, обняв Генри за плечо, произнес: – Пока мы плыли, у меня возникла хорошая идея, – он помолчал, хитро прищурившись: – А не вернуться ли нам в нашу старенькую Англию?

– Когда? – встрепенулся Генри.

– Да, прямо сейчас, – ответил дед.

– А остров?

– А что, остров? Остров останется там. Он нам достаточно послужил, хватит испытывать судьбу и время. Наше место здесь, не правда ли?

Их разговор перебили крики на корабле. А вокруг уже собралось много лодок с острова. Они разношерстной флотилией сгрудились на этом пятачке в океане, а вдалеке показался маленький, незнакомый кораблик. На палубе стояли два человека, они махали руками, и их судно уже совсем близко подошло к скоплению лодок и людей.

– Валери!!! – закричал Леонид.

– Валери!!! – кричали люди.

– Вудли! – заорал Вилли!

Они подошли к кораблю Генри, и вот их уже все обнимают. Валери была очень худенькая, едва держалась на ногах, но невероятный блеск ее зеленых глаз излучал безграничную радость.

– Познакомьтесь, – наконец, произнесла она, показывая на Вудли.

– Это...

– Доктор Вудли, – захохотал Вилли, перебив ее, – только молодой.

– Это Стив, – сказала она.

Все замолчали, удивленно посмотрев на юношу, который смело и озорно им улыбался.

– Доктор Стив? – спросил его Генри.

– Нет, Генри, – ответил тот, – просто Стив, так будет намного лучше...

А солнце уже вошло над горизонтом, освещая счастливые лица людей, белые корабли и яхты, мирно покачивающиеся на волнах спокойного океана. Океана, который омывал острова и земли. И всю планету, такую маленькую, голубую красавицу, где, казалось, уже ничего ужасного не могло произойти...

Он шел по улице, смотрел по сторонам на проходящих мимо него людей, машины, проезжавшие по дороге, на дома, вывески с пестрой рекламой. Смотрел наверх, где между домами и проводами, свисающими со столбов тряпичными растяжками, проглядывало небо и яркое солнце. А он шел, думал и вспоминал...

Какая-то женщина и мальчик с ней рядом остановились, посмотрев на него. Он тоже остановился.

– Юрий?.. Простите, – поправилась она, – Юрий Нестеров?

– Да, – ответил он.

– Здравствуйте...

Он поздоровался. Она достала из сумки какую-то книгу и протянула ему. Это была его книга, та самая, последняя.

– Вы не оставите автограф? – попросила она.

Он держал в руках книгу и вспоминал, как написал ее, и чего это могло всем стоить. А женщина, задумавшись на секунду, добавила:

– Может быть, несколько слов – от себя, от автора? Если не затруднит?

Он взял из ее рук ручку, и написал эти несколько слов:

– «Все должно быть так – как должно быть». Посмотрел на мальчика, на женщину, перевел взгляд на солнце и небо

и добавил еще: «А там посмотрим»...

Август 2010 г.